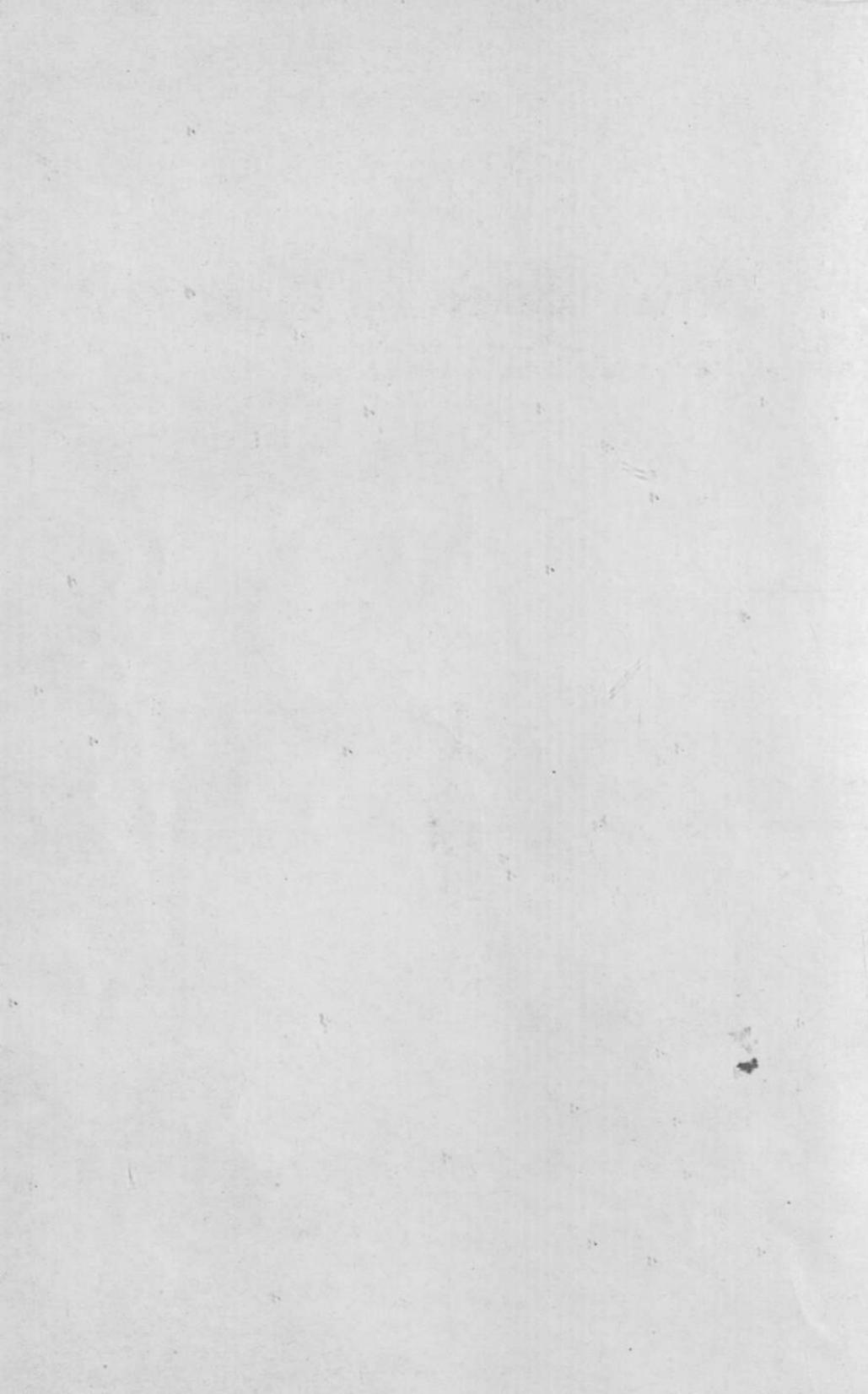

Н. ВОЛКОВ

Путешествие
ПО БАЙКАЛУ

Н. В О Л К О В

Путешествие
по
БАЙКАЛУ

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1958

СОДЕРЖАНИЕ

«Альбатрос» идет на север	3
Первые впечатления	3
Байкальская «Ривьера»	9
Озеро или море?	17
Труженики моря	26
Говорящие деревья	26
У маломорских рыбаков	34
Если пересечь Приморский хребет...	40
Роза ветров	46
Северобайкальские встречи	55
В штормовые дни	55
Жизнь, как она есть	61
В краю горячих источников	73
Колхозный курорт	73
Поющие пески	80
Дорогой отважных	83
Дыхание времени	95
Человек и природа	95
Провал	101
Вынужденная остановка	105
«Где золото роют в горах...»	111
Ангарские огни	117

Николай Кондратьевич Волков

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО БАЙКАЛУ

*

Редактор А. Д. Сконечная. Художник Г. В. Храпак

Фотографии М. М. Минеева

Худож. редактор В. В. Щукина. Технич. редактор А. С. Елагин.

*

Сдано в набор 14.VII.58 г. Подписано к печати 17.XII.58 г.

Формат бумаги 84×108/32. Физ. печ. л. 4,0+20 вкл. Усл. печ. л. 7,585.

Уч.-изд. л. 7,92. Изд. индекс СЭ-14. А07693. Тираж 15 000 экз.

Цена 2 р. 05 к.

*

Издательство «Советская Россия».

Москва, проезд Сапунова, 13/15.

*

Типография издательства «Советская Россия». Заказ № 345.

Москва, Г-19, ул. Маркса и Энгельса, 14.

«АЛЬБАТРОС» ИДЕТ НА СЕВЕР

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Котплытию было все готово. Ждали только начальника Байкальской лимнологической станции Григория Ивановича Галазия, возглавлявшего экспедицию. Он лишь под утро возвратился из Иркутска с заседания президиума Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР и теперь, отдавая последние распоряжения, немного задерживался. Команда белоснежного катера «Альбатрос» еще и еще раз проверяла крепление шлюпки, ящиков и бочек, стоявших на корме, укладку канатов и маячных баллонов. Понять такую озабоченность было нетрудно: катеру предстояло пройти вокруг всего Байкала, и пройти поздним осенним рейсом.

Правда, я и мои спутники по экспедиции — поэт Иннокентий Луговской, журналист Василий Минеев и его брат, корреспондент фотохроники ТАСС Михаил Минеев, — смутно представляли себе, что это должно означать. Поэтому мы предпочитали пока не думать об обещанных страхах и любовались окружающей нас природой. Хорошему расположению духа способствовали и ослепительное солнце, и мысль о том, что мы повидаем «славное море» во всем его великолепии, познакомимся с его труженниками, достопримечательностями и тайнами, над разгадкой которых бьется столько ученых.

Вместе с капитаном Василием Ивановичем Слугиным мы стояли у рулевой рубки и смотрели на утреннее мглистое море (сибиряки иначе не называют Байкал). Оно было настолько спокойно, что, казалось, все вокруг — и суда, стоявшие у причалов, и вечнозеленые горы с ожерельем из снежных вершин, и высокое студено-голубое небо, и само солнце — все с удивлением смотрит в его огромное водное зеркало.

Эту необычную картину почти зримо дополняла тишина, та особая, до предела насыщенная неуловимыми звуками пробуждения и бесконечными превращениями утренних красок тишина, которая обычно сопровождает рождение нового погожего дня. Лишь изредка покой нарушали лениво-благодушные всплески волн у галечного берега, да гулкие шаги людей по металлической палубе катера. Но, замирая, эти звуки еще больше усиливали торжественно-праздничную тишину раннего утра.

— Красив Байкал, ничего не скажешь, да только характером крутоват, — заметил аспирант Борис Филиппович Лут.

— Это верно, — согласился капитан. — Слабых он не любит.

— Что вы имеете в виду? — заинтересовались мы и невольно стали рассматривать капитана. Рядом с нами стоял высокий худощавый старик с обветренным морщинистым лицом. Из-под выгоревших желто-бурых бровей внимательно смотрели серые выцветшие глаза.

— А все, — ответил он после некоторого раздумья. — В такой вот штиль Байкалу ничего не стоит взречь и вспениться. Тогда уж держись. Не только катера — пароходы спешат укрыться в ближайших бухтах.

— Да зачем далеко ходить, — включился в разговор механик Георгий Николаевич Бояринцев, — вот взгляните за борт.

Мы невольно наклонились и увидели, будто сквозь стекло, каменистое дно.

— Чиста? — лукаво спросил он и сам же ответил:

— Не вода, а хрусталь. Бывают дни, когда на сорок метров в глубину видно. А попробуйте-ка в этой водичке искупаться — обожжетесь. Даже в самые жаркие дни она остается студеной, как лед.

— Вот это да! — зябко поежился практикант Александр Ахромович. — Значит, не зря толкуют, что в истории Байкала еще не было случая, чтобы с тонущего корабля добирались до берега вплавь.

— Куда там! На первых же ста метрах превратишься в сосульку, — усмехнулся механик.

— Положим, такими точными данными наука пока еще не располагает, — покосился в его сторону Лут, — но известно, что даже в конце лета температура открытых вод Байкала редко поднимается выше пятнадцати градусов. А во время бурь и сильных волнений она быстро падает до шести-восьми градусов. Вот и рассчитывайте, какое расстояние можно проплыть в ней.

— Я ведь не зря вам сказал, что наше море слабых не любит, — снова заговорил капитан. — Вот ведь на что уж сибирская зима крепка, а и та с трудом справляется с ним. Берега давным-давно запорошит снегом, все соседние озера утихомятятся, а Байкал все еще бушует.

— Когда же он встает?

— В разное время, — ответил Слугин и повернулся на голоса, доносившиеся с пирса. — В прошлом году, например, мы пришли из последнего рейса восемнадцатого января. Правда, катер наш был похож на айсберг.

Громко простучав по металлической палубе подковками сапог, к нам подошел боцман Пестерев.

— Василий Иванович, на спальные мешки нужна расписка или нет?

— На всякий случай зайди к завхозу.

Смуглолицый крепыш круто повернулся и торопливо зашагал по дощатым мосткам на берег.

— Вот беспокойная душа!

Чувствуется флотская выучка.

— Не только это, — возразил механик. — Ведь он уже успел и во флоте отслужить, и на китобойной флотилии «Алеут» поработать.

— Сибиряк? — поинтересовался Луговской.

— А то как же! — не без гордости ответил капитан. — У нас ведь почти все моряки и рыбаки потомственные... От Байкала трудно оторваться. Я вот, к примеру, у отца мореходному делу обучился. Сыны и дочери мои тоже морем живут.

С берега кто-то окликнул капитана, и он с готовностью пошел на зов. Лут, что-то вспомнив, сошел в кубрик, а механик и практикант вскоре спустились в машинное отделение. Предоставленные самим себе, мы начали внимательно рассматривать берег.

Право же, природа не поскупилась на оформление озера и окружающих его величественных гор.

За академическим причалом толпились дома Листвянки, той самой Листвянки, которую Антон Павлович Чехов нашел в свое время очень похожей на Ялту. Большая часть ее теснилась на узкой береговой террасе, меньшая расположилась на крутых склонах лесистых гор. С северной стороны поселок защищали высокие скалы, почти отвесно спускавшиеся в воду. У их подножья виднелись цехи старейшей на Байкале судовой верфи имени Емельяна Ярославского. На ее стапелях высился огромный металлический остов какого-то старого судна, а на воде, будто стайки чаек, плавали только что изготовленные пассажирские теплоходы.

Прямо против причала, за оградкой из штакетника, высились постройки Байкальской лимнологической станции. В первом ряду их размещались многочисленные лаборатории, контора и музей байкальской флоры и фауны, библиотека, насчитывающая около двадцати тысяч томов книг. Второй ряд зданий, вплотную прижатый к круто падающему склону горы, составляли подсобные службы станции и жилые дома ее работников. Надо сказать, это своеобразное научное учреждение хорошо знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Об этом убедительно говорят многочисленные записи на русском, китайском, английском, немецком, болгарском, чешском и многих других языках мира, сделанные в книге посетителей музея.

Южная часть селения ограничивалась глубоким воронкообразным ущельем. Там рождалась легендарная Ангара. Решительно разорвав невысокую гряду гор, она сразу же вырывается из Байкала руслом шириною около километра. Вода устремляется в ущелье с такой скоростью, что далеко не всякое судно может подняться здесь против течения.

В самой быстрине истока темнел знаменитый Шаманский камень. Одно упоминание о нем когда-то приводило бурят в трепет. По верованию шаманов здесь в старину обитали всемогущие духи — онгоны. К ним за помощью обращались буряты, жившие за сотни верст в округе. Они перебирались в лодках на камень, едва поднимавшийся над водой, приносили на нем многочисленные жертвы и таким образом будто бы входили в непосредственное общение с духами. Нередко к этому таинственному месту привозили преступников. Их заставляли произносить на камне отрицание своей вины. Необычность обстановки, угрожающий рокот волн, жадно лижущих ноги и одежды, действовали на присягающего, он верил в присутствие всемогущих духов и в большинстве случаев не мог скрыть своего преступления — спешил сознаться во всех грехах — вольных и невольных. Нередко раскаявшегося привозили на берег в бессознательном состоянии. Придя в себя, он долго еще трясся от пережитых страхов.

Все это давно отошло в область предания. Но стоустая молва живет и невольно привлекает внимание путников к таинственному камню, сердито горбящемуся среди студено-бирюзовых волн.

Чуть дальше, за истоком великой реки, виднелись постройки порта Байкал, о котором мы были вдоволь наслышаны. Когда-то там кончалась Восточно-Сибирская магистраль и начиналась паромная переправа. Отсюда поезда перевозились «за море» на специальном ледокольном пароходе «Байкал». Старожилы здешних мест хорошо помнят историю этого необыкновенного корабля. Изготовлен он был по частям (без деревянной оснастки) в Англии. Собран же и окончательно отделан русскими мастерами людьми в Ливинянке. В январе 1900 года байкальцы с удивлением наблюдали, как стальная громада впервые отошла от берега, легко вспорола метровый лед и свободно ушла в южном направлении. А через несколько часов

ледокол «Байкал» уже мирно дымил в бухте Мишиха, в сорока километрах от Листвянки.

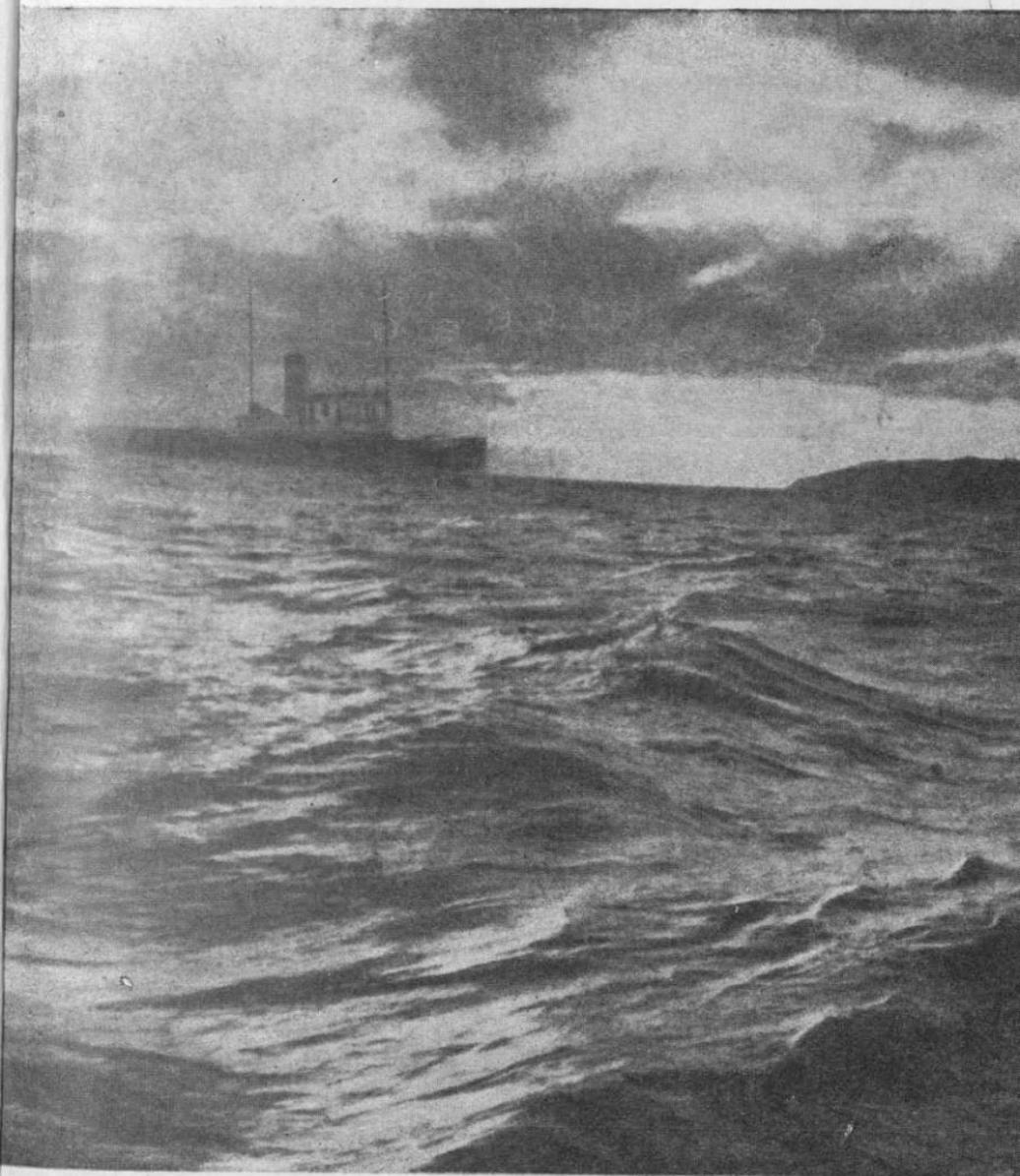
И по внешнему виду, и по техническому оснащению этот пароход резко отличался от других судов. Над плавучей его частью было возведено что-то вроде двухэтажного цилиндра, сдавленного с боков. Поэтому нос и корма корабля казались издали как бы обрубленными. В верхних этажах ледокола вместо традиционных морских иллюминаторов были почти домашние четырехугольные окна, через которые освещались пассажирские каюты трех классов и помещения старших служащих судового штата. Главная палуба, находившаяся над машинным отделением, несла основную нагрузку. На ней были уложены три рельсовых пути. С помощью станционного паровоза и перекидного моста на эти рельсы вкатывались двадцать семь груженых вагонов. Кроме этого, «Байкал» мог брать на борт две тысячи пятьсот человек, а также двести пятьдесят лошадей.

Три машины, пятнадцать паровых котлов и мощные гребные винты, два из которых были расположены в кормовой части, а один в носовой, позволяли стальному гиганту развивать скорость до двадцати километров. Порты Байкал, Танхой и Мысовая, куда приставал ледокольный паром, имели специальные П-образные причалы, подъемные мосты, электростанции, маяки и сигнальные сирены.

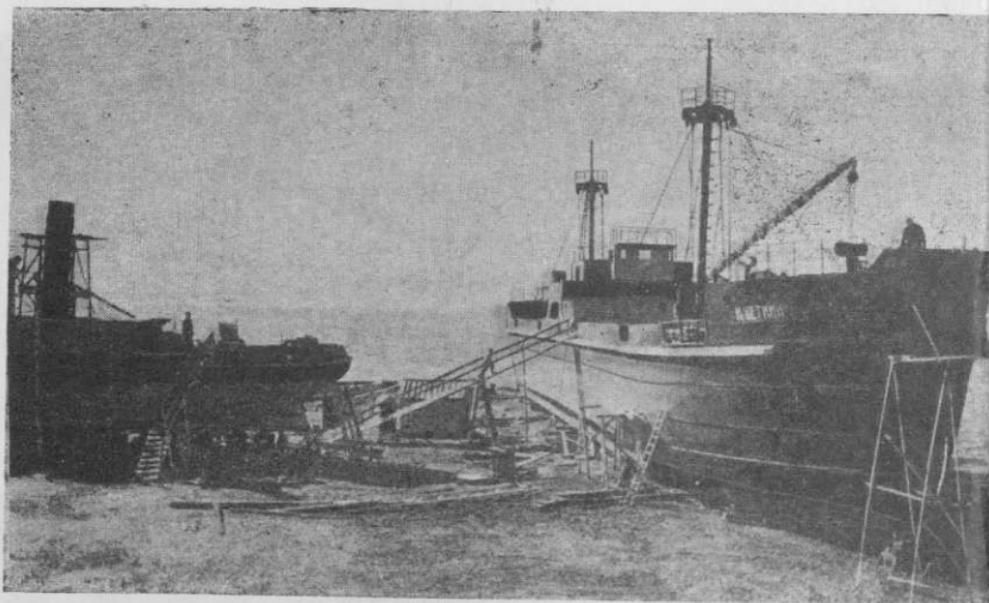
Почти одновременно с «Байкалом» начали свою жизнь вспомогательный ледокол «Ангара» и механизированный плавучий док.

Даже постройка Кругобайкальского участка железной дороги мало изменила жизнь паромного ледокола. Как и прежде, он продолжал курсировать с поездами через море, облегчая нагрузку молодого участка стального пути.

Теперь от станции и порта Байкал нередко стали отходить на восток сразу два поезда. Пассажиры одного из них пересекали прославленное озеро вплавь, порою даже не выходя из вагонов. Через два с половиной часа не совсем обычного путешествия они попадали на противоположный берег и вскоре продолжали свой путь по железной дороге Забайкалья. Пассажиры другого поезда наслаждались видами «славного моря» из окон вагонов, мчавшихся по стальной магистрали у самой кромки воды и отвесных скал. Они прибывали на станцию Танхой, прео-

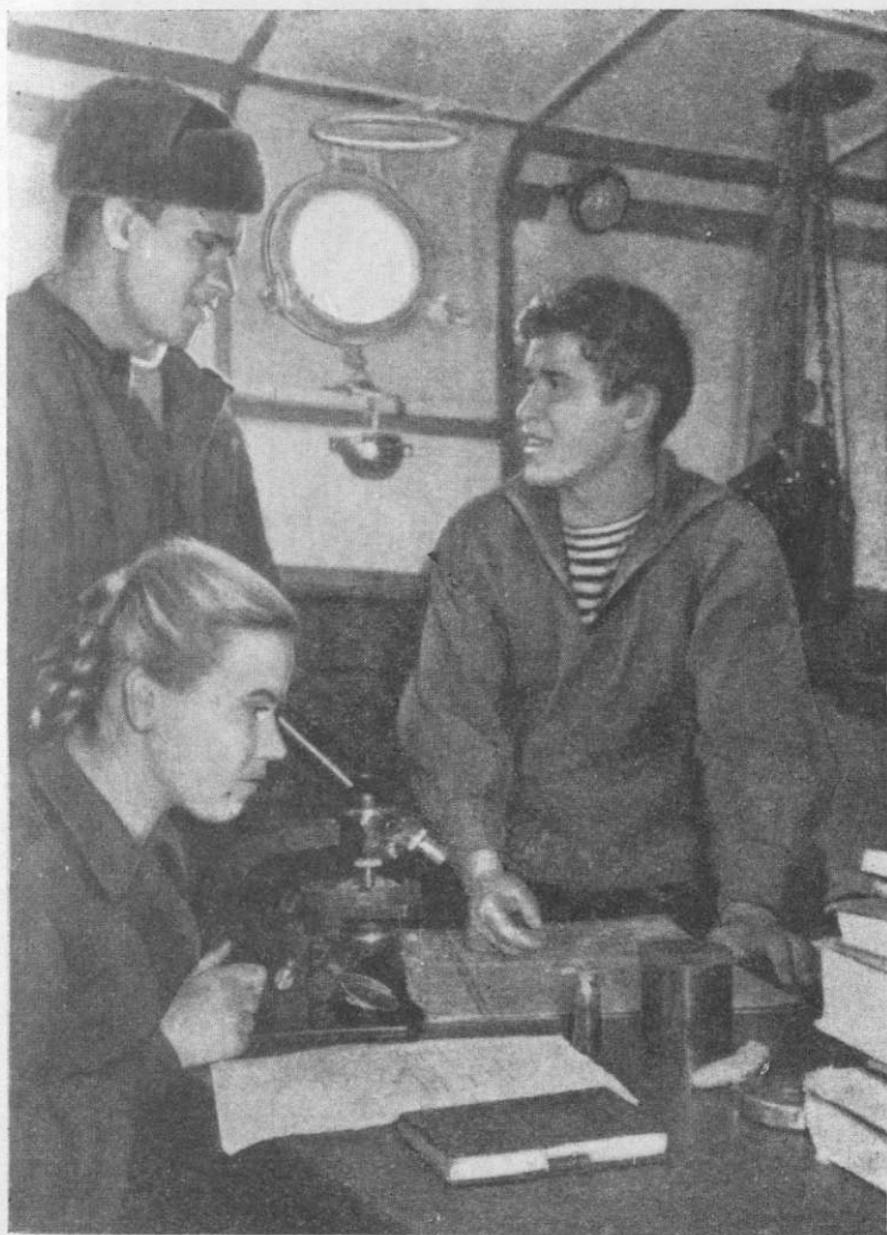
айкалу ничего не стоит совсем неожиданно взречь и вспениться. Тогда уж
ержись. Не только катера — пароходы спешат укрыться в ближайших бухтах.

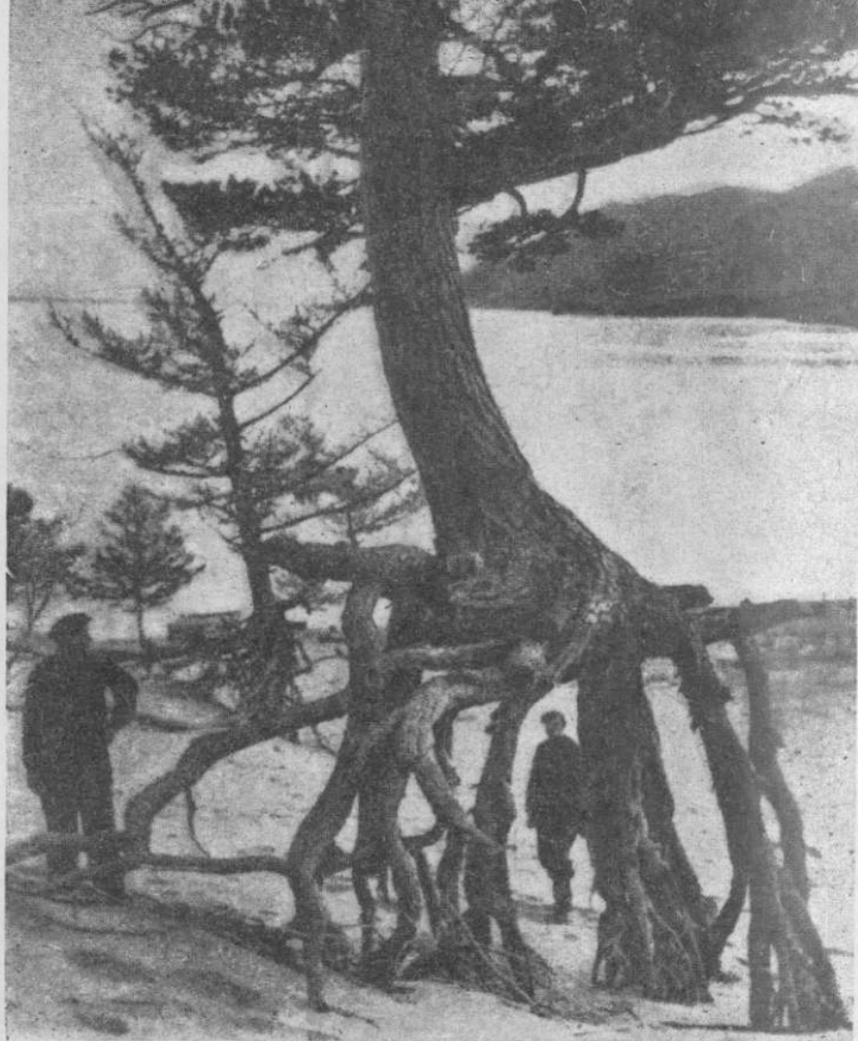
Старейшая на Байкале судоверфь имени Емельяна Ярославского.
На ее стапелях высился огромный остов какого-то судна.

Капитану «Альбатроса» В. И. Слугину приходилось не раз подходить к главному судовому компасу — промеры глубин требовали точного соблюдения заданного курса.

«Альбатрос» по размеру невелик: двадцать метров в длину и четыре-
пять метров в ширину. Но он вполне обеспечивает нормальное раз-
мещение участников похода и оборудован всем необходимым для
осуществления намеченной программы изыскательских работ.

На склоне песчаной дюны в бухте Песчаная росло несколько сосен и лиственниц, как бы приподнявшихся над землей на собственных корнях. Это были ходульные деревья — одно из чудес Байкала.

Дерево очень чутко реагирует на все изменения окружающей среды. Оказывается, срезы могут быть своеобразной фотографией повышений уровня воды в Байкале.

долев тридцать девять тоннелей общей протяженностью семь километров и множество мостов, виадуков и опасных поворотов.

В годы гражданской войны четырехтрубный красавец «Байкал» сгорел. Причалы же и металлические арки над ними сохранились до сих пор...

— Ага, Григорий Иванович идет, — прервал наши раздумья боцман. Мы обернулись и увидели высокого широкоплечего человека в сером плаще, стремительно шагавшего по причалу. За ним, несколько приотстав, двигалась группа работников станции, вышедшая по обыкновению проводить катер, уходящий в дальний рейс. Еще издали Галазий приветливо помахал нам рукой и, увидев капитана, пророкотал сочным грудным баском:

— Ну что, Василий Иванович, будем отправляться?

— Мы готовы, — последовал бодрый ответ.

Не переступая бортового ограждения катера, начальник экспедиции передал боцману свой вещевой мешок и подошел к стоявшим поодаль жене и сыну. Через мгновение двухлетний малыш исчез в объятьях больших и сильных рук отца. Затем последовал короткий и, как всегда в таких случаях, несколько смущенный поцелуй жены, и Галазий решительно шагнул на палубу. Почти тотчас же заработал мотор, и «Альбатрос» начал медленно отходить от причальной стенки.

— Счастливого плавания!

— До свидания!

Словно застоявшийся конь, катер быстро набирал скорость. С каждым оборотом винта между кормой и берегом разливалось все более широкое водное пространство. Вот уже и провожающие стали похожими на точки. Вот и катер «Дыбовский», сопровождавший нас до Березового мыса, круто повернул влево, дал прощальный сигнал и пошел обратно на базу.

Оставляя за собой пенистый бурунный след, «Альбатрос» уверенно шел заданным курсом — на север.

«БАЙКАЛЬСКАЯ РИВЬЕРА»

Против ожидания Байкал встретил нас мирно. Будто вобрал в себя студеную синь небес и золото осеннего солнца, он весь искрился и сиял. Порою казалось, что

море лежит в глубокой задумчивости и время от времени тихо вздыхает и улыбается чему-то своему. Лишь иногда водную гладь его рябил игривый ветерок.

Походная жизнь быстро входила в свою колею. Нескольких часов оказалось достаточно, чтобы все участники экспедиции перезнакомились между собой и освоились с новой обстановкой. Помимо начальника Байкальской лимнологической станции кандидата биологических наук Григория Ивановича Галазия и аспиранта Бориса Филипповича Лута, в экспедицию отправились еще два практиканта станции — студентка Иркутского государственного университета Людмила Караваева и слушатель Ленинградского высшего инженерно-морского училища Александр Ахромович.

В плавание отбыла также группа работников береговой службы сигнализации. Она предполагала проверить байкальские маяки. Все были рады этому обстоятельству, так как количество остановок увеличивалось, следовательно, расширились наши возможности знакомства с Байкалом.

Хотя корабль наш по размерам и не велик — двадцать метров в длину и четыре-пять метров в ширину — он вполне обеспечивает нормальное размещение семнадцати участников похода и оборудован всем необходимым для успешного осуществления намеченной программы изыскательских работ. В носовой части судна свободно расположились члены команды, работники службы сигнализации и довольно обширное камбузное хозяйство тети Шуры — судового кока. Кормовой кубрик отдан в распоряжение ученых. Здесь же находимся и мы. Для такого небольшого судна, как «Альбатрос», у нас почти роскошное помещение с удобствами — шесть коек, шкаф для одежды, большой двухтумбовый стол, четыре иллюминатора с тарелку величиной и крутая, чисто корабельная лестница — трап. В таких условиях можно, конечно, жить и работать...

Топорща пышные водяные усы, катер ходко идет вперед. Слева по борту плывут величавые отроги Приморского хребта, заметно сглаженные временем. Их склоны, густо поросшие хвойным лесом, то отступают от берега и круто устремляются ввысь, то приближаются к воде и решительно ныряют в темно-синюю пучину. У подножия

молчаливых пепельно-бурых скал даже ноги поставить негде — так они обрывисты.

Справа по борту разлилась стекловидная масса, ослепительно пылающая на солнце, меньше всего похожая на воду. И все-таки — это изумрудная байкальская вода. За нею, еле заметные в далеком мареве, виднеются островерхие горы противоположного берега. Там начинается Забайкалье — страна меняющихся, будто в калейдоскопе, редких по своей красоте картин девственной природы. И как-то невольно вспоминались строки одного из писем Антона Павловича Чехова: «В Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

А катер между тем идет вперед. Прямо по носу — бирюзовое море, самое настоящее море, без конца и края. Надо внимательно вглядеться, чтобы различить у далекого горизонта едва заметную линию смыкания двух стихий — водной и воздушной.

Участники экспедиции благодарны щедрым дарам сибирской осени — солнцу, теплу и тишине. Большую часть времени они проводят на палубе. Одни ведут наблюдения за природой, заносят в дневники первые записи и с удовольствием подставляют солнцу свои спины. Другие подготавливают к работе инструмент и между делом ведут неторопливые беседы. Все знают, что я и мои товарищи по экспедиции впервые плывем крутобайкальским рейсом, и поэтому охотно знакомят нас со всем интересным, что встречается в пути.

Мы своевременно замечаем деревню Большие Коты, раскинувшуюся в глубине живописного распадка. В центре ее — Байкальская биологическая станция Иркутского государственного университета с небольшим музеем, в котором собраны основные представители животного и растительного мира «славного моря». В этом своеобразном научном учреждении с большим энтузиазмом работают студенты университета, группирующиеся вокруг старейшего байкаловеда доктора биологических наук профессора М. М. Кожова. Будущие ихтиологи, гидробиологи и гидрохимики начинают здесь свой путь в науку и в меру сил дополняют творческий актив станции,

где работают всего пять штатных научных сотрудников.

Когда катер проходил мимо Соболева мыса, по кругу пошел бинокль. Всем захотелось получше рассмотреть «Чертов мост», где, по рассказу механика, одному из старых байкальцев пришлось когда-то пережить пренеприятнейшую встречу с медведем. «Мост» этот не что иное, как узкая тропа, проложенная по карнизу отвесной скалы. Она является единственной на этом участке скалистого берега. Сейчас тропа проходит на двадцатиметровой высоте, а когда байкалец встретился здесь с «хозяином» тайги, она пролетала значительно выше. Встретились они в сумерках совсем неожиданно и почти нос к носу. Байкалец был совершенно безоружным и до того перелугался, что замер как вкопанный. Остановился и медведь. Так они стояли друг против друга довольно долго. По уверению механика, зверь принял неподвижность человека за храбрость и силу. Попытавшись повернуть назад, он задел едва державшуюся каменную глыбу, вместе с нею сорвался в пропасть и разбился насмерть.

Не остается незамеченной и Кадильная падь. Своей особой известностью она обязана Утесу чаек, хорошо видимому с воды. Как и предсказывали знатоки здешних мест, утес оказался сплошь занятым пернатыми — бакланами и чайками, причем их было так много, что вся огромная скала казалась серовато-белой, хотя сложена она из черного гранита. Встревоженные сиреной, птицы тучей поднялись в воздух, и берег, до этого безмолвный, огласился их тревожными разноголосыми криками.

Только под вечер «Альбатрос» бросил якорь в бухте Песчаная. И сразу же, с первого взгляда, она покорила нас. Почти правильный полукруг живописного берега ее вписан между двумя причудливыми утесами — Малым Колокольным и Большим Колокольным. Нагромождения эти из темно-серого гранита, в торжественном величии застывшие по краям бухты, чем-то напоминают старинные русские храмы. Даже не обладая особой фантазией, у них легко обнаружить остроконечные пики, шатровые завершения и маковки церквей.

За великолепным береговым пляжем из мелкозернистого песка большим амфитеатром вздымаются склоны Приморского хребта, покрытые мозаичным ковром осен-

него леса. На горных террасах там и сям чудятся волшебные дворцы, замки, гроты и колоннады.

Чуть ли не у самой воды, поражая воображение мрачным величием, сутулится скала Будда. Ясно видна склоненная на грудь голова с одутловатым и как бы застывшим в молитвенном экстазе лицом. Это поразительное сходство каменного изваяния с фигурой Будды дополняют четко очерченные пологие плечи, узкая грудь и корпус тела, уходящий в гору и потому как бы восседающий на огромной подушке. Ничего не скажешь, природа потрудилась здесь, словно искусный ваятель.

Наши впечатления усиливали многочисленные рассказы о климатических особенностях бухты, слышанные в пути. Мы знали, например, что это единственное место Восточной Сибири, где среднегодовая температура положительная, что летом здесь теплее, чем на многих курортах Кавказа и Швейцарии, а туманов бывает значительно меньше, чем, скажем, в Теберде, на Рижском взморье и Цейском курорте. Было также известно, что число солнечных дней здесь больше, чем на некоторых известных курортах страны, осадков же выпадает в четыре-пять раз меньше, чем в Сочи или Гагре.

Теперь мы уже не удивлялись тому, что бухту Песчаную сравнивали с наиболее живописными уголками Черноморья и называли «Байкальской Ривьерой». Она вполне заслуживала этого. И было как-то обидно видеть на берегу один-единственный дом наблюдателя гидрометеослужбы. Санаторию бы красоваться здесь!

Начальник экспедиции намеревался до захода солнца осмотреть берега, а работники службы сигнализации должны были сменить ацетиленовый баллон на маяке. Вот почему, как только шлюпку спустили на воду, все заторопились на берег.

— Здесь можно познакомиться с одним из чудес Байкала — ходульными деревьями, — сообщил Галазий, когда мы ступили на твердую землю.

— Где же они?

— А вот смотрите.

И действительно, мы увидели нечто необычное. На склоне песчаной дюны росли несколько сосен и лиственниц, как бы приподнявшихся над землей на собственных корнях.

— Весь грунт из-под них вынесен ветром, — пояснил Лут. Он свободно вошел в «ворота», образованные корнями, и, подняв руку, едва-едва достал до нижней части комля дерева. Вслед за ним под сосну вошли братья Минеевы, Караваевы, Пестерев и я. В замысловатом лабиринте корней для всех хватило места. Люди переходили из ворот в ворота, нисколько не мешая друг другу и даже не пригибая головы.

Чуть выше по склону также росла лиственница. Она привлекала внимание не только странным обнажением корней, но и положением ствола, росшего горизонтально. Дереву, по-видимому, было уже несколько десятков лет, однако стремления поднять свою пышную крону от земли мы не заметили.

— А вы знаете, что напоминают эти деревья? — ни к кому не обращаясь, заговорил Василий Минеев, — знаменитую мангрову — она растет в Латинской Америке.

— Верно, некоторое сходство есть, — обернулся к нему Григорий Иванович. — Только мангрова вынуждена подниматься на своих корнях, спасая крону от соленой воды — она ведь растет на прибрежных морских участках, периодически затопляемых приливами. А байкальские ходульные деревья — это, если можно так выразиться, детище здешних ужасающих ветров.

— И еще есть одна разница, — щелкая затвором фотоаппарата, неторопливо произнес Михаил Минеев.

— Какая же?

— Мангрова так распропагандирована, что даже мы, живущие от нее за тридевять земель, знаем о ее существовании. А вот про байкальские ходульные деревья многие из нас слышат впервые.

— Ну, в этом-то виноваты мы сами, — забасил Григорий Иванович. — Не пишем, не показываем красоты родного края, вот о них люди толком-то и не знают.

— Так это я сейчас, сию же минуту исправлю, — притворно виноватым голосом заговорил Михаил и отчаянно забегал вокруг, явно пародируя своих чересчур старательных коллег.

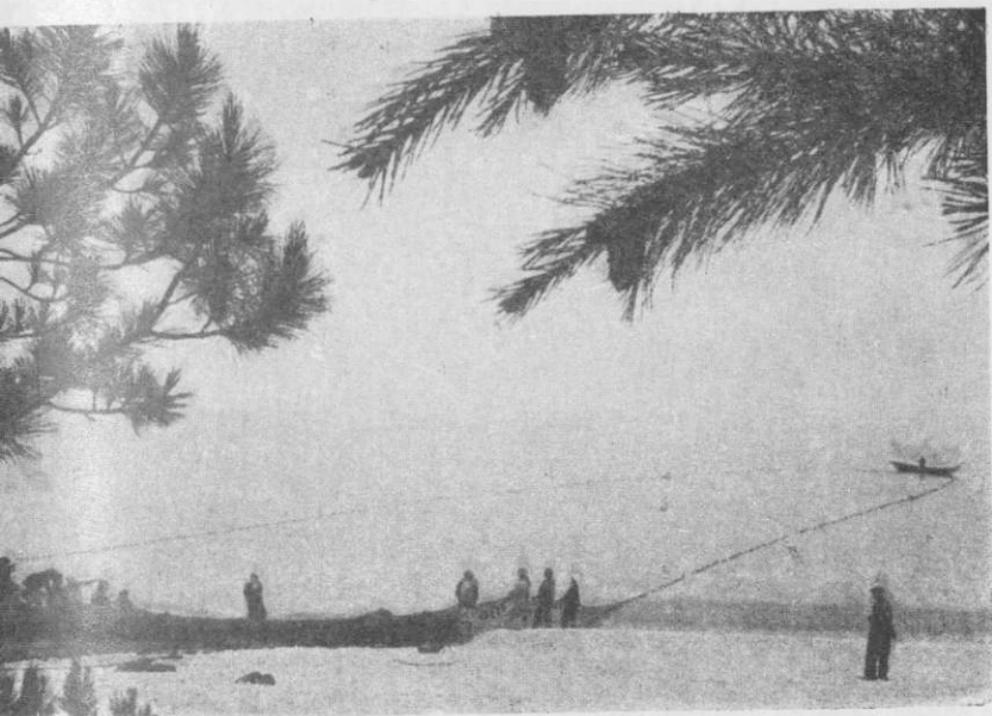
Вскоре начальник экспедиции и его помощник отправились в пещеру, где была старинная засечка уровня Байкала, а мы, следуя за Борисом Филипповичем Лут, начали подниматься на вершину утеса Большой Колокольный.

изумрудно-зеленым цветом и в то же время была абсолютно прозрачной. С высоты мы хорошо видели на дне бухты плиты зеленовато-голубого камня, который, видимо, и придавал воде такой необычный цвет. Огромные валуны, хаотически разбросанные между разлапистыми соснами, густо поросли мхами и лишайниками. Бросалась в глаза причудливая скала Дед. Справа и слева от нее тянулась узкая гряда из мелкой влажной гальки, очень напоминавшей конфеты драже. Она сияла и переливалась на солнце всеми цветами радуги. Говорят, что туристы, приезжающие сюда, непременно захватывают с собой эту необычную гальку в качестве сувенира.

— Скажем прямо — у первобытных людей был неплохой вкус, — иронически усмехнулся Александр Ахромович. — Недаром они жили здесь с незапамятных времен.

На катере мы прочли отрывок из принесенной кем-то книги. В нем рассказывалось о том, что в бухтах Песчаная и Бабушка рыбаки и охотники начали селиться с новокаменного периода. Это подтверждают многочисленные предметы того времени, найденные здесь нашими современниками. В частности, раскопки позволили обнаружить остатки древних жилищ и очагов, некоторые орудия рыбной ловли и охоты первобытного человека. На песчаных выдувах и сейчас нередко находят каменные наконечники стрел, черепки глиняной посуды и другие предметы обихода. Поскольку вечер был теплый, а ночевать решили в бухте Песчаная, участники экспедиции не торопились возвращаться на катер. Разбившись на группы, они тщательно обследовали береговые линии прибой, утес Малый Колокольный, скалу Шапка и нижнюю террасу гор.

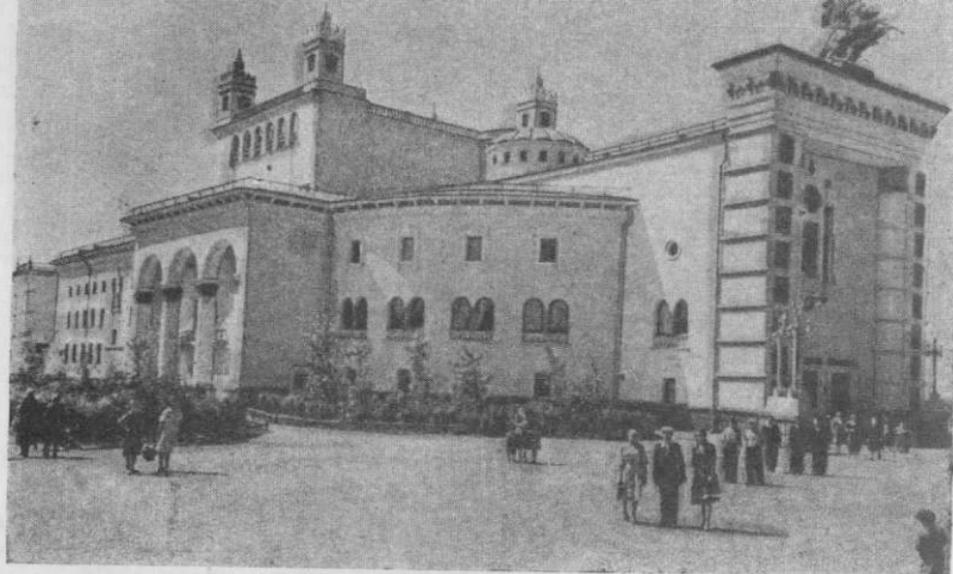
Потом людские голоса зазвучали в бухте Бабушка. Вблизи она оказалась еще более живописной. Участники экспедиции внимательно осмотрели прибрежные деревья и галечные намывы, облазали хаотические нагромождения скал, расцвеченных лишайниками. Недавний шторм основательно обновил вид бухты. В расщелинах камней раскиданные, будто спички, желтели начисто ошкуренные и расщепленные бревна. Некоторые из них были подняты на десять метров вверх. Видимо, о скалы здесь билась волна страшной силы. Она пригнала сюда остатки разбитого плота и, прежде чем выбросить их на берег, долго и с остервенением долбила о камни.

Путина на Байкале.

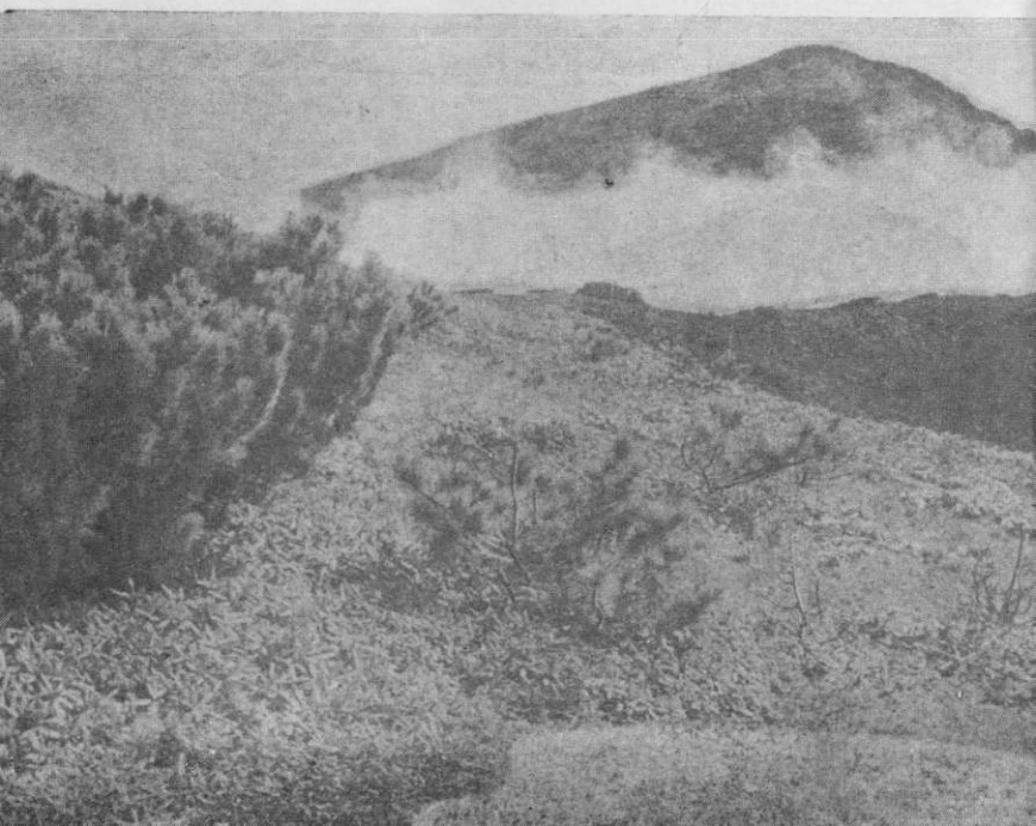

Во время замеров глубин ни на минуту нельзя спускать глаз с ленты эхолота. По ней непрерывно ползет жирная лента самописца, обозначающая глубину.

Бурятский ордена Ленина театр оперы и балета в Улан-Удэ.

С высоты шестисот-восьмисот метров над уровнем моря начинается пахучая пихтово-кедровая тайга. Выше идут густые, трудно проходимые заросли пышного кедрового стланика и карликовой березы. Весь этот разноликий растительный мир завершается мхами и лишайниками.

Григория Ивановича мы встретили около шлюпки, когда уже начало темнеть. Он сидел на стволе поваленного ветром дерева и что-то осторожно выводил в блокноте. Мы молча сели рядом. Однако вскоре начался общий оживленный разговор. Вначале он касался только наших свежих впечатлений, а затем перешел к Байкалу вообще. Причем мы больше спрашивали, а Галазий и Лут рассказывали. Хорошо зная наше общее желание как можно лучше ознакомиться с этим редким водоемом, они охотно отвечали на все наши многочисленные, нередко повторяющиеся вопросы.

Байкал издавна привлекает внимание людей. И привлекает по целому ряду причин. Прежде всего бросаются в глаза внешние особенности этого водоема. На его водном зеркале, будто вправленном в гигантскую рамку вечнозеленых гор, могут свободно разместиться три такие страны, как Ливан. Отсюда его безбрежность, особенно в продольном разрезе. Отсюда его приливы и отливы, так не вяжущиеся с понятием об озерах.

Под стать морским и глубины Байкала. Долгое время его считали вообще бездонным. В связи с этим даже существовала легенда о том, что озеро имеет подземную связь с Северным Ледовитым океаном. Некоторые досужие умы пытались точно указывать и место, где якобы находится эта страшная пучина. Поводом для такого категорического утверждения послужили первые безуспешные попытки определить глубину озера, а также водовороты, которые можно наблюдать в тихую погоду в районе Среднего Байкала, как раз против дельты Селенги. Однако тщательные исследования и промеры показали, что никакой таинственной горловины здесь нет, а воронки, создающие впечатление, будто вода втягивается в имеющееся внизу донное отверстие, вызываются встречными течениями. Тогда же была установлена и наибольшая глубина «славного моря» — 1741 метр. Таким образом, стало ясно, что и с этой стороны с ним не может сравниться ни одно из озер мира. Идущее вслед за Байкалом пресноводное Кратерное озеро Америки имеет в своем активе лишь 610, а полусоленое африканское озеро Танганьика — 1435 метров.

Будучи самым глубоководным озером земли, Байкал в то же время является одним из наиболее высокогорных альпийских озер. Его студеные воды плещутся на сорок пять метров выше известного Цюрихского озера, на пятьдесят пять метров выше «поднебесного» Баденского озера и на семьдесят девять метров выше знаменитого Женевского озера. А ведь эти озера давно уже записаны в разряд типичных горноальпийских водоемов.

Колоссальны запасы воды Байкала. По подсчетам известного исследователя И. Д. Черского, озеро получает воду от 336 рек и речушек. Чтобы, скажем, полностью осушить котловину этого озера, пришлось бы заполнить двадцать три таких моря, как Аральское, или девяносто два таких, как Азовское. А если бы мы попытались это сделать через Ангару, не уменьшая и не увеличивая ее настоящего стока, потребовалось бы не менее четырехсот лет при условии, что за это время в озеро не поступило бы дополнительно ни одной капли воды.

Весьма своеобразны, а точнее сказать, загадочны флора и фауна Байкала. В нем обитают такие чисто морские выходцы, как тюлень (по местному нерпа), омуль, рачки-бокоплавы, брюхоногие моллюски, пиявки торикс. Неплохо себя чувствуют в озере и морские губки с инфузориями, а также редкие живородящие рыбки-голомянки. Но удивляет не только это. Подсчитано, например, что из 1700 видов животных и растений, обитающих в озере, две трети нигде больше не встречается. Именно поэтому Байкал и назван учеными «музеем живых древностей».

Сибирское озеро-море — единственный на земле пресноводный бассейн, где в естественных условиях можно изучать жизнь различных животных и растений, обитающих на огромных, нигде больше не встречающихся глубинах. В этом отношении Байкал поистине бездонный кладезь тайн и откровений. Уже сейчас наука располагает данными, позволяющими надеяться, что озеро имеет еще более значительные глубины, что в узких расщелинах дна, где обмен воды очень замедлен, могут быть обнаружены новые, до сих пор неизвестные людям животные и растения и своеобразный продукт глубинных морских расщелин — тяжелая вода.

Не менее интересная особенность Байкала — его исключительная древность. Как установлено, средняя

продолжительность существования озер десять-пятнадцать тысяч лет. За это время они либо высыхают, либо резко мелеют, занесенные различными осадками и отложениями. Байкал же существует по крайней мере двадцать миллионов лет и почти не меняется.

Вот почему всевозможные рассказы о нем издавна распространены среди людей. Вот почему этот чудесный водоем на протяжении длительного времени занимает умы ученых.

Первые упоминания о Байкале встречаются в старинной китайской рукописи, относящейся к 119 году до нашей эры. Потом отрывочные сведения о нем стали проникать в европейскую литературу. Известную роль в этом сыграл и знаменитый путешественник XIII века Марко Поло. Однако настоящим своим открытием Байкал обязан русским людям. Это они первыми пришли на его берега как бесстрашные землепроходцы и активные рудознатцы. Это они первыми описали его как очевидцы, как хозяева новых, богатейших земель.

Начало освоению Прибайкалья русскими положил отряд казаков и промышленников под командой Курбата Иванова. В 1643 году отряд проник из Илимского острога в бассейн реки Сармы, а затем перебрался на остров Ольхон. Два года спустя, в 1645 году, на Байкале появляются струги енисейского казачьего атамана Василия Колесникова. Он разведал путь к озеру по Ангаре, а затем проплыл до самой северной оконечности Байкала, где и заложил Верхне-Ангарский острог.

Первые интересные описания «славного моря» сделали протопоп Аввакум, следовавший в 1656 году в ссылку в Забайкалье, и русский посол Николай Спафарий, побывавший на Байкале в 1675 году, во время поездки к китайскому богдыхану. Вскоре после этого Байкал обозначается на «Чертеже Земли Сибирской» и в известном «Атласе Российском».

В эпоху Петра Первого предпринимаются попытки более детального изучения Восточной Сибири. На Байкале появляется первый ученый Д. Г. Мессершмидт, путешествие которого по Сибири длилось в общей сложности десять лет.

Затем «славное море» привлекает внимание участников второй камчатской экспедиции Академии наук, рабо-

тавшей под руководством знаменитого путешественника и ученого И. И. Беринга. Академик И. Г. Гмелин, бывший в составе этой экспедиции, дал первое научное описание некоторых представителей животного мира озера. Когда же в Сибирь отправилась новая большая экспедиция под руководством академика П. С. Палласа, для изучения Байкала был выделен специальный отряд, во главе которого встал академик И. И. Георги. На простых рыбачьих лодках он объезжает почти все озеро и дает наиболее конкретное описание его побережья. Тогда же штурманом Алексеем Пушкаревым была сделана первая инструментальная съемка байкальских берегов.

В конце XVIII века геодезист Б. И. Копылов осуществляет на Байкале первые в мире глубоководные промеры, сыгравшие важную роль в изучении глубин древних водоемов России.

Особое место в изучении Байкала занимает последняя четверть XIX века. Именно в этот период в Култуке работают участники польского восстания 1863 года — И. Черский, Б. Дыбовский, А. Чеқановский, В. Годлевский и В. Ксенжопольский, сосланные в Прибайкалье. Они начинают систематически изучать флору и фауну озера, рельеф дна, глубины, течения, температуру воды и ледовый режим. В результате мир узнает о многих, ранее неизвестных представителях флоры и фауны. Кроме того, на свет появляется первая геологическая карта Байкала.

Вслед за этим свое веское слово о Байкале сказал «отец» геологов Сибири академик В. А. Обручев. Работая геологом Иркутского горного управления, а затем начальником Забайкальской горной партии, он совершил несколько экспедиций в район реки Сармы, на остров Ольхон, по трассе будущего Кругобайкальского участка железной дороги, на южное побережье озера и в Восточные Саяны. Полученные данные позволили ему сделать первое серьезное и глубоко обоснованное объяснение происхождения байкальской впадины. Его смелые прогнозы и обобщения имели также немаловажное значение при обосновании теории о происхождении байкальского животного и растительного мира.

В 1900—1902 годах на Байкале работает специальная зоологическая экспедиция члена-корреспондента Академии

наук А. Коротнева, а в 1914—1915 годах — ботаническая экспедиция академика В. Сукачева. Собранные ими материалы позволили создать первую научную теорию о происхождении эндемичной, то есть нигде больше не встречающейся, байкальской фауны и флоры, а также о влиянии Байкала на окружающую природу и, в частности, на ее эндемичные элементы.

Но по-настоящему широко и всесторонне изучением этого редкого водоема занялись только в наше, советское время. В начале двадцатых годов на Байкале долго работала специальная комплексная экспедиция Академии наук. Вскоре после этого здесь закладывается, а в 1928 году юридически оформляется первая в нашей стране лимнологическая, или озероведческая, станция Академии наук СССР. Ее организатором и бессменным руководителем до 1944 года, до последнего дня своей жизни, был известный байкаловед, доктор географических наук профессор Г. Ю. Верещагин.

С первых же дней своего существования это научное учреждение занялось изучением Байкала, его конкретного практического значения для развития экономики Восточной Сибири. Именно это определило тесные связи станции со многими другими научными учреждениями и такими организациями, как бюро Ангарского гидроэнергопроекта, Восточно-Сибирское бассейновое управление пароходства, трест «Востокнефть», Иркутский и Байкальский госрыбтресты, гидрометеослужба, управление Восточно-Сибирской железной дороги.

С годами научные и практические связи станции еще больше расширились и окрепли. Они привели байкальских ученых в стены соседних филиалов Академии наук СССР, на трибуны международных конгрессов лимнологов, в партийные и советские органы соседних областей, краев и автономных республик. В работе станции сказались не только плодотворная исследовательская деятельность большого ученого и талантливого натуралиста Г. Ю. Верещагина, но и вдохновенные творческие искания всей неизмеримо возросшей армии байкаловедов, в которой успешно дерзали и дерзают десятки таких неутомимых естествоиспытателей, как Д. Н. Талиев, А. Я. Базикалова, Н. В. Думитрашко, Г. Г. Мартинсон и многие другие. Интерес к станции возрос. В ее стенах побывали

многие видные ученые нашей страны, а также гости из Америки, Англии, Канады, Китая, Дании, Новой Зеландии, Японии, Вьетнама, Чехословакии, Польши и ряда других зарубежных стран.

Творческие усилия байкальских ученых, вооруженных современным техническим и научным оборудованием, позволили ответить на ряд наиболее важных вопросов теоретического и практического значения и еще больше приоткрыть завесу времени. В частности, более точно установлены возраст Байкала, история возникновения его своеобразной флоры и фауны, влияние озера на климат окружающей местности. Доказано также, что наибольшие глубины на Байкале образовались сравнительно недавно, а формирование его дна продолжается до сих пор. Данные массовых промеров глубин позволили составить новую карту рельефа дна, существенно изменившую прежнее представление о Байкальской котловине. Получены также значительно более полные данные о химическом составе и температурах байкальской воды, о горизонтальных и вертикальных течениях, о жизни на больших глубинах.

Коллектив лимнологической станции приложил немало труда к разрешению важнейших сибирских проблем, связанных с использованием колоссальных энергетических запасов Байкала и Ангары. С помощью ученых определены количество воды в озере, интенсивность стока Ангары, ледовый режим, а также установлены наиболее высокие подъемы воды в Байкале, периодичность таких подъемов. Глубокий анализ разных по характеру данных позволил сделать интересные прогнозы о наличии полезных ископаемых в бассейнах Байкала и Ангары. Существенный вклад внесли байкальские ученые и в разрешение практических задач рыболовства, рыборазведения и промысловой разведки.

Осуществляя широкий комплекс научно-исследовательских работ, байкальские ученые не ограничиваются периодическими экспедиционными исследованиями и творческими изысканиями в лабораториях Листвянки. Они организовали специальные наблюдения на всех гидрометеостанциях байкальского побережья и на многих рейсовых судах. В результате обобщения полученных материалов появился на свет ряд оригинальных работ о влиянии Бай-

кала на окружающую местность, о климате открытого Байкала, природе местных ветров, взаимодействии Байкала и вытекающей из него Ангары. Эти же сведения помогают составлять сводки прогнозов штормовой погоды и ряд других аналитических таблиц.

В настоящее время на станции работают пятьдесят ученых. В распоряжении лимнологов — пять самоходных судов, приспособленных для научно-исследовательской работы, и ряд лабораторий, оснащенных новым и новейшим оборудованием. В недалеком будущем станция разместится в новых корпусах, которые раскинутся у истока Ангары. На строительство предусмотрено около девяти миллионов рублей. Общими усилиями ученых разных поколений разгадано уже немало тайн и загадок «славного моря». Однако важнейшие из них еще ждут своих первооткрывателей.

Особенно большие споры вызывает происхождение самой впадины Байкала. На этот счет существовало немало различных гипотез. Многие из них были быстро опровергнуты новыми фактами, другие остаются до сих пор недоказанными. В частности, А. Л. Чекановский и другие утверждали, что Байкал есть образование провального характера, тесно связанное с мощными вулканическими изменениями земной коры. По мнению И. Д. Черского, И. Г. Георги и П. А. Кропоткина, байкальская впадина есть древняя долина, постепенно опустившаяся и заполнившаяся водой. Перед войной широкое распространение получила гипотеза профессора Е. В. Павловского о происхождении Байкала в результате встречных надвигов, связанных со сжатием земной коры. В настоящее время все большее признание находит мнение академика В. А. Обручева о том, что байкальская впадина образовалась вследствие разломов поднявшейся горбом земной коры, следовавшего затем глубокого опускания некоторых участков ее по линиям трещин и одновременного поднятия соседних участков.

Нет единства и в вопросах происхождения животного и растительного мира, в частности их морского элемента. Одни, например, утверждают, что Байкал никогда раньше не был связан с морем и что в нем сохранились собственная флора и фауна, появившиеся в очень давние времена. По другому, теперь наиболее распространенному

мнению, все морские формы проникли в этот водоем из морей через Ангару и Енисей либо через Лену и Амур, якобы в прошлом связанные с Байкалом. Но какое из этих предположений истинное — пока еще никто не может утверждать. Сибирское озеро-море весьма неохотно раскрывает свои тайны.

...Только после того как все небо вызвездило и широкая лунная дорога пролегла через залив, мы поднялись на катер. Здесь нас ждал давно уже остывший, но все равно вкусный ужин из омулей. Поужинав, все разошлись по кубрикам и сразу почувствовали, что минувший день отнял много сил и что давно пора уже отдыхать.

Но отдохнуть по-настоящему нам так и не пришлось. Около трех часов поутру мы были разбужены неожиданно заработавшим мотором. Все сразу почувствовали что-то неладное. Снаружи раздавался топот ног, слышались тревожные голоса. Катер, будто в испуге, трясся мелкой, несвойственной ему дрожью. Временами его подбрасывало какой-то чудовищной силой.

— Горная! — пробасил в темноте Григорий Иванович и, торопливо одевшись, зашагал по трапу наверх. Ничего не поняв, мы тоже выскочили на палубу. Выскочили и буквально захлебнулись от напористого, необыкновенно сильного и в то же время почти бесшумного ветра.

— Так... якоря... валю! — донесся откуда-то досадливый голос помощника капитана. Вслед за этим с грохотом упала дымогарная труба, сорванная порывом ветра.

Чья-то приземистая черная фигура стремительно метнулась вдоль борта и уже около нижнего троса ограждения схватила валившуюся за борт трубу.

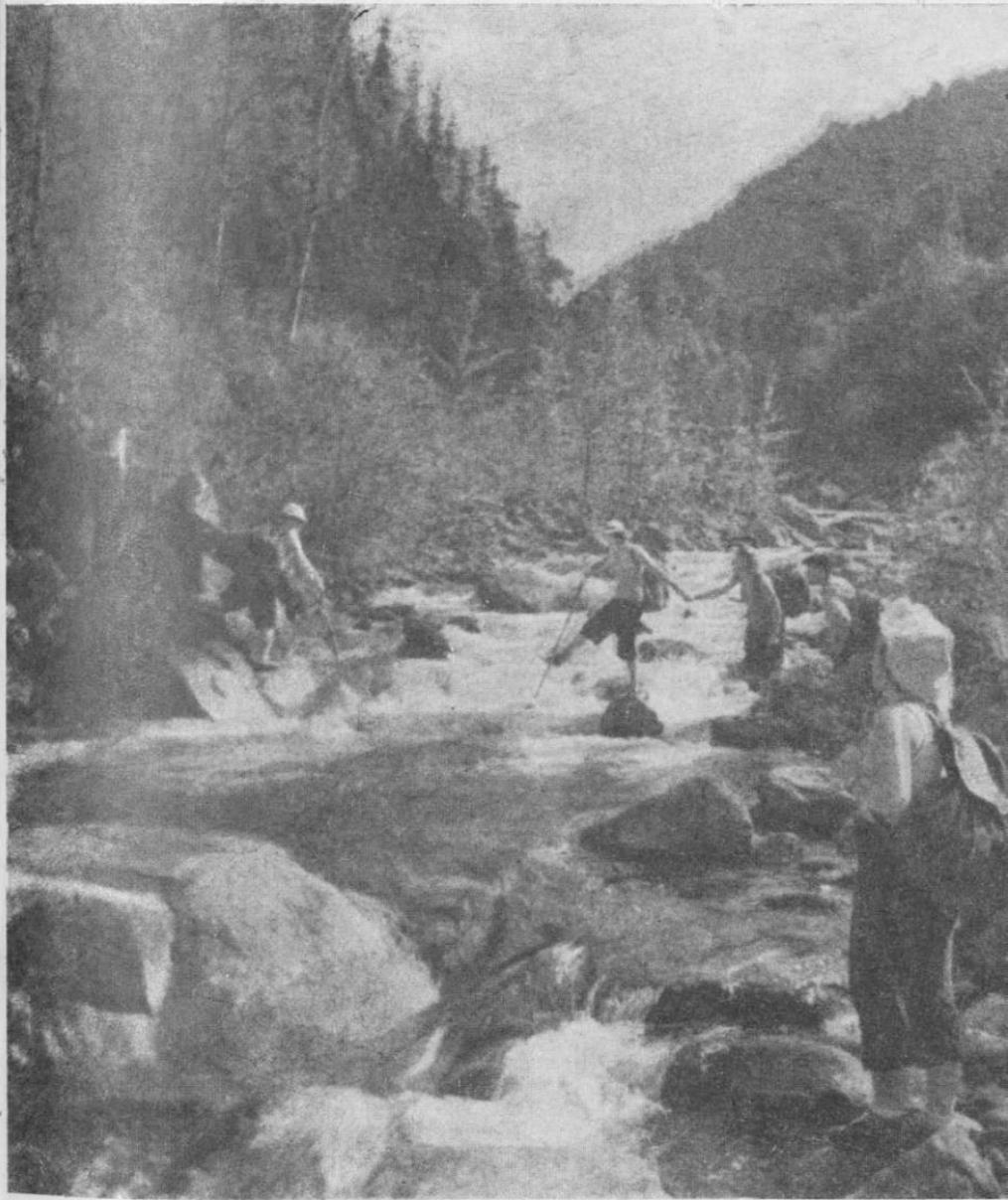
— Фу ты, bestия! — услышали мы голос боцмана.

Очередной порыв ветра, заставивший всех поспешно ухватиться за что попало, лишь бы устоять на ногах, вдруг вздыбил над спардеком шлюпку.

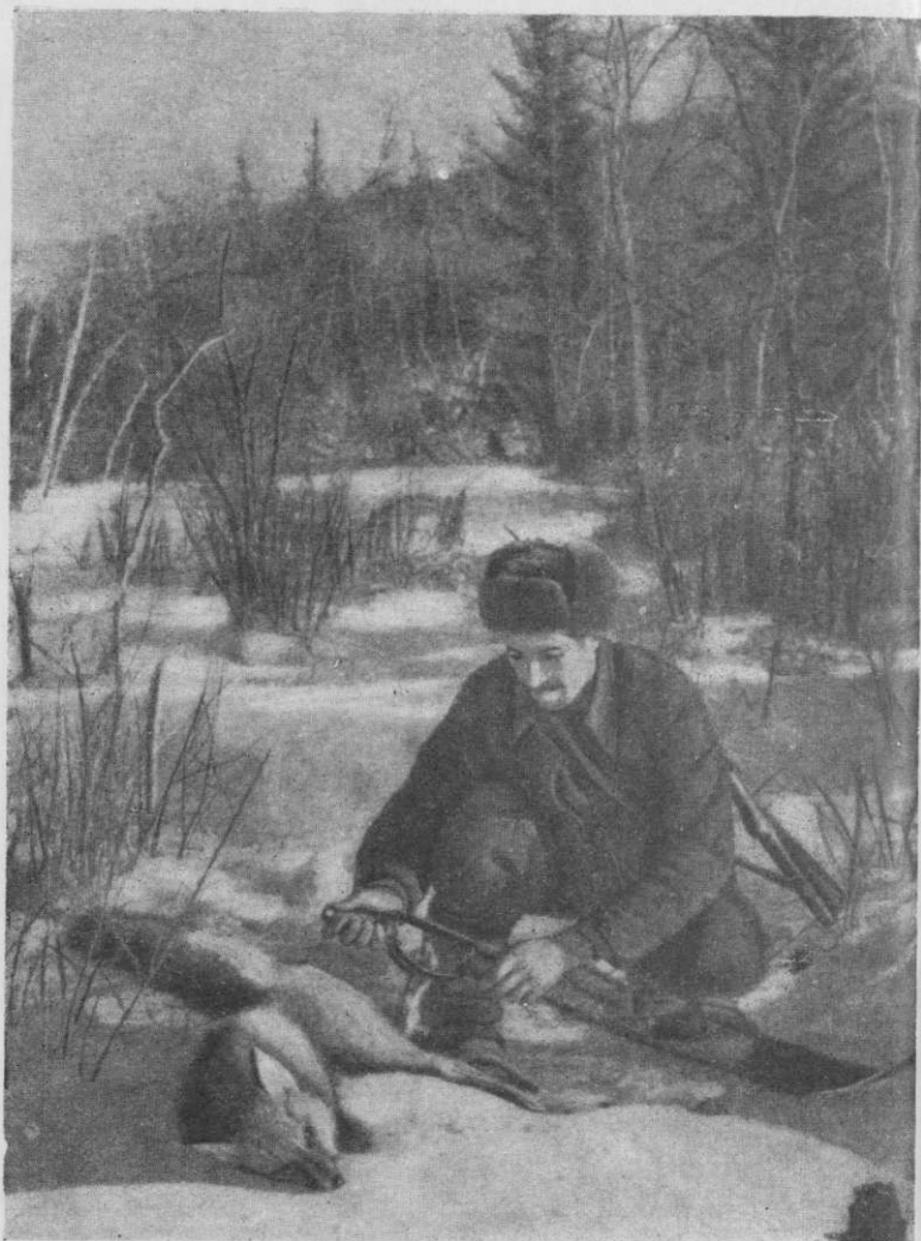
— Шлюпку! Шлюпку держите! — раздалось сразу несколько тревожных голосов, и все стоявшие на корме бросились к лодке..

— Могло ведь беды наделать, — торопливо выдохнул помощник капитана и, проворно захлестнув узел причального конца, тотчас же бросился на корму.

В это время из рулевой рубки донесся хриповатый голос капитана:

На Байкале неограниченный выбор маршрутов для любителей походов и экскурсий. Чтобы пересечь Баргузинский соболиный заповедник, скажем, с запада на восток, не раз придется преодолевать бурливые горные речушки и снова карабкаться на головокружительные кручи.

В девственных прибайкальских лесах возможны встречи и с бурым медведем, и рысью, и росомахой, и лисицей, и горностаем.

После окончания работы на мысе Ижимей, где менялся ацетиленовый баллон на маяке, было решено на собственный страх и риск пересечь Байкал и плыть вдоль восточного берега.

Обладая густым шелковистым мехом охристо-рыжеватой расцветки, ондатра — желанный трофей для многих охотников.

Соболь — главное богатство Баргузинского заповедника. Это средний по величине зверек с удивительно красивым и очень прочным мехом.

Время от времени баргузинского соболя отлавливают и отправляют на зверофермы. Охотятся на соболя с помощью сетей — обметов. Заключение часть охоты самая трудная и опасная: сильный и ловкий зверек никогда не упускает случая пустить в защиту свои острые, как иглы, зубы.

— ...винт смотри... скалы...

Все стоявшие на корме разом обернулись и скорее почувствовали, чем увидели, что «Альбатрос» несет на мрачноватые громады утеса Большой Колокольный. «Почему же не уходим?» — мелькнула тревожная мысль. Темнота показалась сразу угрожающей. В томительном ожидании прошло еще несколько секунд.

Наконец-то! Вместе с замедлившимся потрескиванием якорной лебедки осторожно, будто испытующе заработал винт. Видимо, капитан опасался подводных камней и постепенно прибавлял обороты. Но вот шум мотора усилился, катер тяжело приостановился и только после этого начал медленно удаляться от опасного места.

Яркий пучок света, выброшенный прожектором, разорвал темноту и заметался по смолянисто-черной поверхности бухты. Ветер между тем рвал все вокруг. Близость берега не позволяла ему разогнать большую волну, поэтому он то и дело срывал с острых гребешков воды крупные брызги и сердито швырял их в разные стороны.

Сделав осторожный зигзагообразный ход, капитан вывел катер под защиту утеса Малый Колокольный. Здесь ветер бушевал меньше, но «Альбатрос» был немедленно поставлен на два якоря — основной и дополнительный.

Когда мы собрались, наконец, в кубрике, практикантка Караваева, ни к кому не обращаясь, проговорила:

— Шлепнуло бы нас о скалы винтом, да в море утащило — поминай тогда как звали.

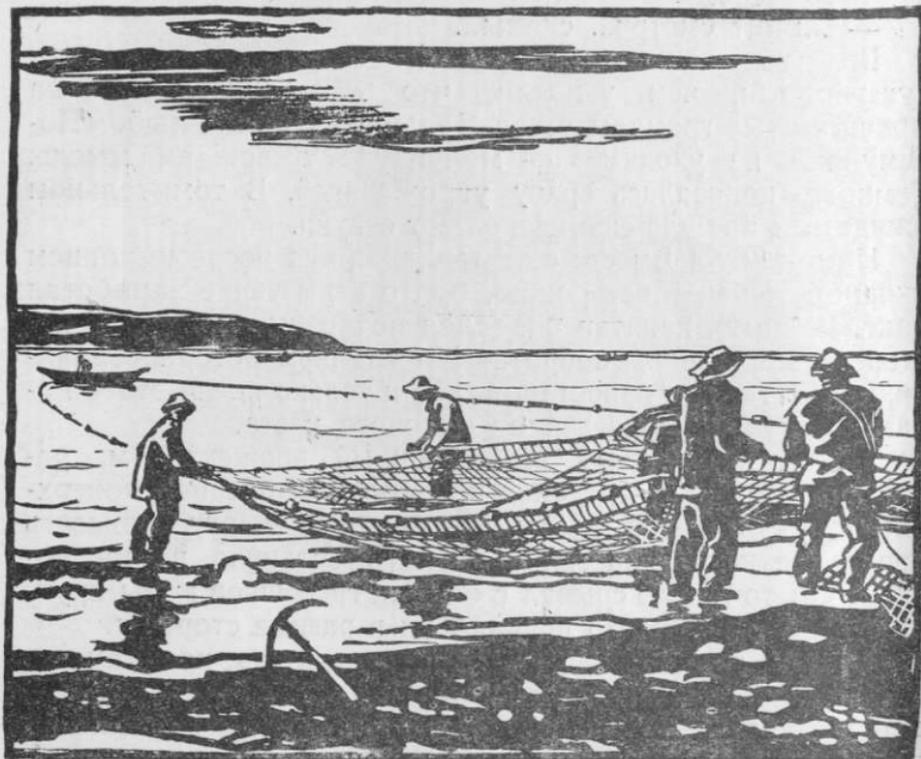
— Вообще-то да, — солидно подтвердил Ахромович. — Без руля и без ветрил в такую погоду на море, прямо скажем, скучновато.

— А мы бы паруса из простыней поставили, — подал голос Луговской.

Перебрасываясь короткими замечаниями, все прислушивались к тому, что творилось снаружи. Казалось, что упругие воздушные потоки жадно и торопливо обшаривают металлический корпус катера, пробуют его на разрыв и сжатие, а потом, убедившись в его достаточной прочности, отлетают прочь в поисках более слабых жертв.

Заснули мы только перед рассветом. А когда утром вышли на палубу, глазам своим не поверили: Байкал игриво плескал мелкой чешуйчатой волной и лукаво поблескивал на солнце. Небо было совершенно чистым.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ

ГОВСРЯЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

Деловито попыхивая мотором, «Альбатрос» продолжал свой путь на север. Позади остались еще несколько чудесных бухт, гора Доин-Хошун, где мы познакомились с остатками крепостного сооружения первых веков нашей эры, и беломраморная скала Саган-Заба.

Отроги Приморского хребта, густо поросшие таежным разнолесьем, стали менее высокими и теперь чаще расступались широкими распадками. В некоторых из них виднелись избы рыбаков, лодки-мореходки и вывешенные для сушки сети. Но в подавляющем большинстве распадки были совершенно безлюдны.

Почти все время катер шел около берега, за которым ученые вели непрерывные наблюдения. Острым, наметанным глазом они отмечали даже самые незначительные изменения береговой полосы и тщательнейшим образом записывали все в полевые дневники. Там же, где расстояние скрадывало интересные детали, на помощь приходил бинокль. Нередко катер подворачивал ближе к берегу и либо осторожно притыкался к нему носом, либо спускал на воду шлюпку.

Эти наблюдения были необходимы для уточнения «работы» байкальских волн. Такими данными ученые интересовались и раньше, но теперь, в связи со строительством Иркутской ГЭС и ожидаемым повышением уровня воды на Байкале, эти данные приобрели особо важное значение. Потребовалось ответить на ряд конкретных вопросов, связанных с тремя основными проблемами: изменяются ли байкальские берега вообще; как сильно будут размываться новые береговые террасы, а в связи с этим — насколько далеко следует переносить затопляемые поселки и предприятия; наконец, как вел себя Байкал в прошлом, а следовательно, какие сюрпризы можно ждать от него в будущем?

Заняться этими вопросами поручили большой группе ученых, работавших в самых различных научно-исследовательских учреждениях. Судьба свела вместе геологов, физиков, химиков, геоботаников, инженеров-строителей и картографов, так как потребовались их общие творческие усилия, чтобы ответить на весь комплекс выдвинутых жизнью проблем.

Изменяются ли байкальские берега? Да, сказали ученые, изменяются, но настолько медленно и незначительно, что при жизни одного поколения это заметить почти невозможно. Надо собрать воедино факты многих столетий, чтобы представить себе эту картину более зримо.

Первым в тайны веков проник «отец» сибирских геологов академик В. А. Обручев. Обобщив результаты своих многочисленных экспедиций по Сибири и материалы других геологов, он пришел к выводу, что горная страна, где находится Байкал, еще сравнительно молодая и потому особенно остро чувствует «дыхание» земли. Об этом говорят периодически повторяющиеся здесь землетрясения и многочисленные выходы горячих источников.

Следовательно, формирование дна и берегов Байкала еще далеко не закончено и продолжается в наши дни.

Подобную же мысль отстаивал и профессор Г. Ю. Верещагин. В своих трудах он привел ряд примеров опускания и поднятия берегов озера. Наиболее подвижными ученый считал береговые линии между реками Кичерой и Верхней Ангарой, Култуком и Слюдянкой, в Баргузинском заливе и в дельте реки Селенги. Он даже подсчитал, что некоторые участки южного берега Байкала опускаются на один метр в столетие. В то же время правый берег истока Ангары, по мнению ученого, все время поднимается.

Не меньшая энергия выявилась и у водной стихии. Как показали собранные материалы, она довольно бесцеремонно перекраивает байкальские берега. В Малом море, например, прибой отчленил от континента несколько мысов и превратил их в самые настоящие острова. Именно так возникли здесь острова Едор и Харанса. Утверждают также, что байкальские волны полностью уничтожили остров Столбовой, когда-то возвышавшийся над водой Среднего Байкала, а сейчас неумолимо размывают Малые Ушканьи острова.

Но водная стихия не только разрушает, она и «созидает». В ряде мест неумолимые волны намыли обширные песчано-галечные отмели и косы, которые отделили от озера ряд бывших заливов, именуемых теперь «сорами». Подобные «творения» можно наблюдать и в самой северной излучине Байкала, где образовался Ангарский сор, и на восточном берегу, где все более четко оформляются Истокский, Посольский и Рангатуйский соры. На западном побережье появилось несколько новых отмелей, ставших отличными неводными участками.

Не остаются безучастными и реки. Дельты Верхней Ангары и Баргузина, по мнению ученых, все время опускаются и заболачиваются, а дельта Селенги, наоборот, настойчиво наступает на Байкал. Подсчитано, что за последние сорок лет река Селенга потеснила озеро на полкилометра и теперь вдается в него почти восьмидесятикилометровым полукругом.

Только тщательный анализ всех этих данных позволил научно-изыскательской группе во главе с кандидатом технических наук Е. К. Гречищевым дать свои рекоменда-

дании по двум первым вопросам Большого Байкала. В связи с повышением уровня «славного моря» на один-два метра, сказали ученые, в зону затопления полностью или частично попадет пятьдесят пять населенных пунктов, в том числе Листвянка, Харауз, Усть-Баргузин, Верхне-Ангарск, Корсаково. Эти пункты должны быть перенесены на новые места, причем в ряде случаев с учетом возможного размывания берега — от 100 до 150 метров. Кругобайкальский участок железной дороги, примыкающий к истоку Ангары, временно выходит из эксплуатации, а остальная часть его — от Култука до Мысовой — сможет работать только при капитальном обваловании.

Сложнее оказалось ответить на третий вопрос, который, кстати сказать, во многом определял прогнозы группы Е. К. Гречищева. Дело в том, что наука еще не располагает готовыми рецептами восстановления водного режима древних озер. Их нужно было найти. И вот тут-то на помощь изыскателям пришел геоботаник Григорий Иванович Галазий. Он открыл удивительную способность деревьев «рассказывать» о далеком прошлом водоемов, рядом с которыми они растут. В результате была составлена первая историческая характеристика Байкала за четыреста лет. Для проектировщиков этого оказалось вполне достаточно, но ученый настойчиво ищет возможности встретиться с наиболее древними обитателями лесного мира и таким образом заглянуть как можно дальше в глубь веков.

Обо всем этом мы знали понаслышке и очень хотели, чтобы Григорий Иванович сам поведал нам историю «говорящих» деревьев. Но пока такой возможности не представлялось.

Погода по-прежнему благоприятствовала походу. Как бы возмещая ночной разбой горного ветра, солнце, небо и вода дышали удивительно ласковым, совсем не осенним теплом и покоем. Порою даже казалось, что на дворе стоял не октябрь, а по крайней мере только что начавшийся сентябрь и что плыли мы не по Байкалу, а где-то по Черному морю.

Большинство участников экспедиции перешло на палубу. Поудобнее устроившись около пустых ящиков и бочек, на спардеке и носу катера, они вели необходимые наблюдения, умножая свои записи в дневниках и заранее подго-

товленных таблицах, а если обстановка позволяла — сражались в шахматы и домино. Даже неугомонный повар Александра Ивановна покинула свой крошечный камбуз и стряпала на открытом воздухе.

После полудня катер вошел в бухту Ая, где работники службы сигнализации должны были сменить ацетиленовый баллон на маяке. У остальных участников экспедиции никаких конкретных дел там не оказалось, поэтому они ограничились знакомством с достопримечательностями бухты. Вначале осмотрели скалы с рисунками первобытных людей и засечку уровня Байкала, сделанную И. Д. Черским в 1879 году. Потом все отправились в пещеру, считавшуюся когда-то священной. О былой ее славе говорили лишь рисунки, изображающие людей и животных, высеченные, по мнению ученых, две тысячи пятьсот лет назад.

Когда мы вернулись на катер, работников службы сигнализации еще не было. Воспользовавшись вынужденным ожиданием, мы попросили Григория Ивановича поведать нам историю «говорящих» деревьев. Он долго отшучивался, но в конце концов уступил нашим настоятельными просьбам.

— Для нас очень важно знать, как формируются и меняются берега, — начал он после некоторого раздумья. — Особенно важно знать это сейчас, в связи со строительством электростанций и изменением старых водоемов. Для того же чтобы строить точные и далеко идущие прогнозы, мало знать современное состояние того или иного бассейна и его берегов, надо иметь их всестороннюю историческую характеристику. Вот, скажем, как вел себя в прошлом тот же Байкал, насколько часто и высоко повышался его уровень, как быстро размывались и намывались его берега? Об этом у нас нет или почти нет конкретных данных. Их надо найти и найти во что бы то ни стало.

Учитывая, что лучшим рассказчиком истории земли является сама природа, мы и попытались получить нужные нам сведения с помощью некоторых наиболее «говорливых» ее представителей. Еще работая в Хибинах и Восточных Саянах над изучением верхнего предела растительности, я обратил внимание на то, что дерево очень чутко реагирует на все изменения окружающей среды.

Дальнейшая проверка этой мысли на Байкале не только полностью подтвердила ее, но и позволила нам установить тот самый «язык» деревьев, который дал ключ к разгадке интересовавшей нас тайны.

Началось все с небольшого. Как-то, будучи на восточном берегу Байкала, мы спилили несколько старых деревьев, росших недалеко от воды. При изучении срезов было обращено внимание на то, что в двух местах годовые кольца вдруг резко уплотнились и почти не поддавались учету невооруженным глазом. В ход были пущены увеличительные линзы. Обнаружилось довольно странное совпадение: на всех деревьях уплотнение колец начиналось с 1869 и 1932 годов. Длилось оно десять-пятнадцать лет. Срезали еще несколько лиственниц постарше. Они тоже зафиксировали неизвестные нам явления. В чем же дело? — возник невольный вопрос. Неужели это своеобразная фотография повышений уровня воды в Байкале в эти годы? Мы специально задержались тогда в этом районе еще на несколько дней, но сколько ни «пытали» деревья, они говорили об одном и том же..

Шумное возвращение работников службы сигнализации на катер и подготовка к отплытию прервали нашу беседу. Всем пришлось потесниться на корму, чтобы не мешать подъему на борт только что снятого с маяка баллона и установке шлюпки на ее законном месте. Потом начальника экспедиции попросили на совет в рулевую рубку и он ушел, пообещав тотчас же вернуться.

Заняв свои прежние места, мы терпеливо ждали продолжения рассказа. Беседовать с Григорием Ивановичем было всегда интересно. И не только потому, что он любил свое дело и умел увлекательно о нем рассказывать, — сказывалось личное обаяние ученого. В его басовитом голосе, в скупых жестах, сопровождавших речь, в серых с лукавинкой глазах, да и во всей его крепкой, сильной фигуре угадывался человек добродушный, веселый и простой. Не случайно, видимо, работники станций обращались к нему запросто, но всегда почтительно.

Подошел он к нам только после того, как «Альбатрос» снова вспенил воду за кормой и, медленно набирая скорость, направился к выходу из бухты.

— Боюсь, что я уже основательно наскучил вам своим рассказом.

— Да нет, наоборот, только затравили, — ответил за всех Василий Минеев, набивавший табаком свою неизменную трубку.

— Ну коли так — терпите, пока сможете.

Галазий бросил прощальный взгляд на удаляющуюся бухту, и его ровный голос спокойно зарокотал дальше.

— Так вот, вскоре после рекогносцировочной поездки на восточный берег нами была организована специальная кругобайкальская экспедиция с широко задуманной программой научно-изыскательских работ. Помимо работников станции, в нее вошли специалисты Института геологии Восточно-Сибирского филиала Академии наук. С нами поехали тогда кандидат технических наук Евгений Ксенофонович Гречищев, доктор геолого-минералогических наук Валентина Георгиевна Ткачук и кандидат географических наук Николай Петрович Ладохин. Это позволило нам провести широкое исследование и прийти к более солидным научным выводам. Мы побывали в самых различных уголках Байкала — в заливе Провал, около устья Турки, на Котокельском озере, в Чивыркуйском заливе, на Ушканьих островах, в северной части Байкала и в Малом море.

Более тысячи двухсот образцов различных деревьев было собрано. Они «в один голос» подтвердили первую радостную догадку, что уплотнение колец — это результат подтопления корней и дополнительно «сообщили», что повышение горизонта Байкала происходило еще в 1824—1825 годах. Кроме того, нам удалось обнаружить новые признаки, позволявшие расшифровывать историческую характеристику водоемов и скорость намыва береговых валов. Дерево, скажем, подтапливается и наклоняется. Годичные кольца тотчас же изменяют свой рисунок. Со стороны наклона они становятся более широкими, а с противоположной стороны — более узкими. Соответственно изменяется и строение коры и направление новых побегов. Причем точно фиксируется один и тот же год изменения условий роста.

Будучи подтопленными, многие деревья оказываются в пределах досягаемости волн и на них появляются различные механические повреждения. Эти повреждения оставляют на стволах свои «говорящие» факты.

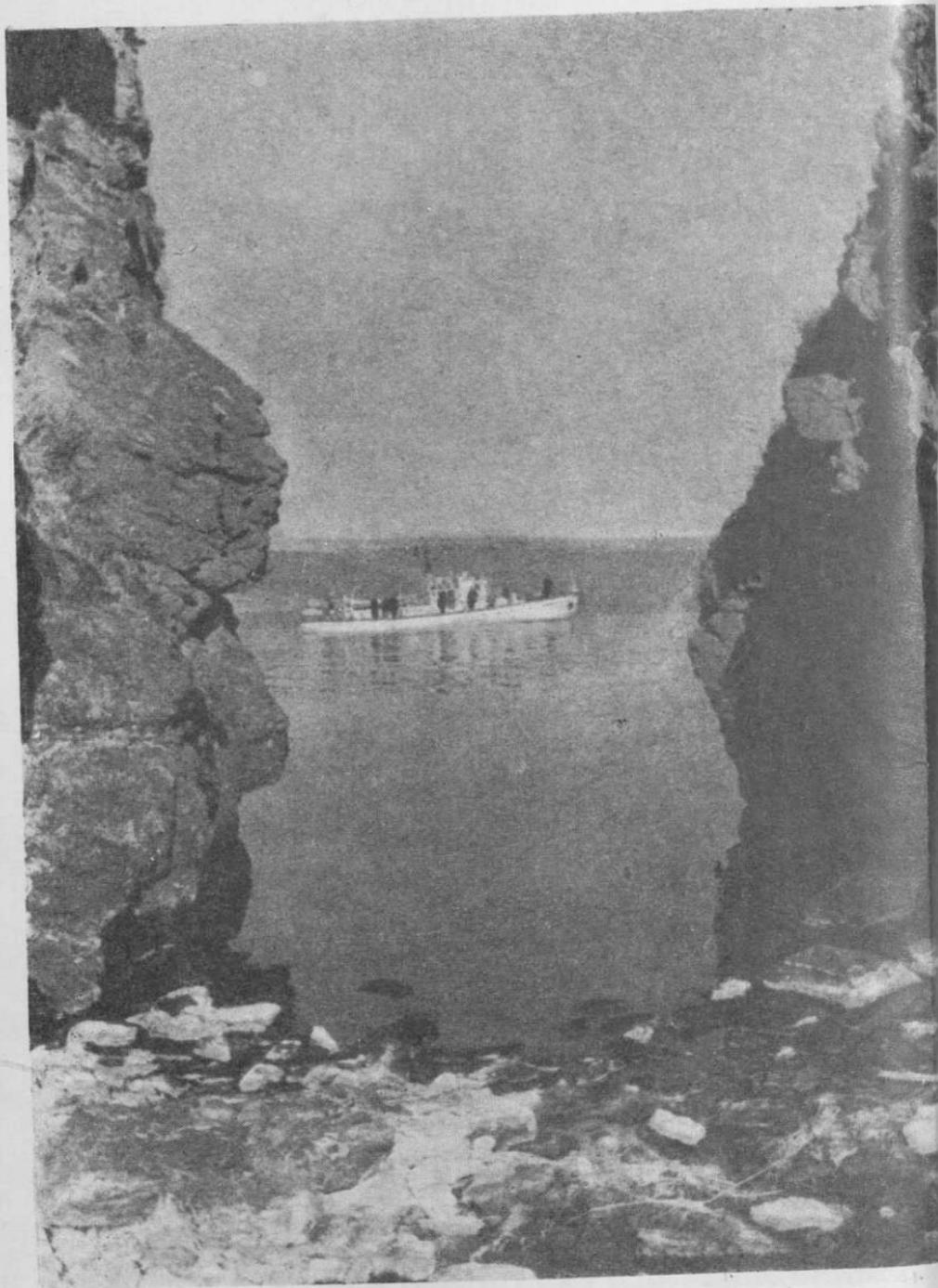
На следующий год мы опять осуществили кругобай-

От импровизатора и сказочника до крупнейшего писателя вырос Хоца Намсараев.

Рыбаки, отправляясь на промысел, не прикасаются к веслам — за них все делает мотор.

Обогнув южную оконечность острова, сплошь изрезанную многочисленными лагунами и бухточками, «Альбатрос» вышел в Малое море, излюбленное место омулевых косяков.

кальскую экспедицию. В ней принял участие еще один специалист — кандидат геологических наук Григорий Борисович Пальшин. Мы специально охотились за многолетними деревьями. И, надо сказать, удачно. В районе мыса Понгонье была спилена лиственница пятисот тридцати пяти лет от роду, а неподалеку от речки Большой Чивыркуй — еще более старый кедр пятисот пятидесяти лет. Кроме того, нам удалось обнаружить десятки деревьев, возраст которых исчислялся в два, три, четыре века. Это дало нам возможность прибавить к характеристике Байкала ряд новых, ранее не известных истин. В частности, было установлено, что уровень его основательно поднимался раньше, а именно в 1784—1785, в 1733—1734 годах и, наконец, в 1680 году.

Сочетание геоботанических, гидрологических, географических и инструментально-съёмочных данных позволило определить, когда и насколько поднимался уровень Байкала. Есть основание надеяться, что точность таких измерений может колебаться в пределах двадцати-тридцати сантиметров. А это уже дает в руки наших проектировщиков исходные данные для перспективных прогнозов водных режимов новых и обновляемых бассейнов. Вот, собственно, и все. Остается лишь добавить, что ботанический метод определения высоких горизонтов воды дал нам ключ для раскрытия ряда других тайн природы. С его помощью, например, можно с большой точностью устанавливать даты оползневых явлений, каменных обвалов, лесных пожаров, образования береговых валов, а также даты и масштабы наводнений и других природных явлений.

Таким образом, дерево вполне оправдало возлагавшиеся на него надежды. Как настоящий календарь природы, оно донесло до современного человека многое из того, что давно уже кануло в Лету.

В настоящее время мы имеем довольно точную характеристику водного режима Байкала за последние четыреста лет. Подтвердить ее новыми данными, заглянуть в ещё более далекое прошлое — такова наша ближайшая задача.

Что-то заметив на берегу, Галазий посмотрел в бинокль и надолго замолчал. Потом спустил его на грудь и, глубоко вздохнув, так закончил свой рассказ:

— Чтобы исключить недоразумения, мы по-прежнему ведем все изыскания комплексно, то есть в тесной связи с геологическими, географическими, гидрологическими и другими исследованиями. Вот и в этом рейсе мы будем в меру сил своих заниматься и берегом, и водой, и растительностью.

У МАЛОМОРСКИХ РЫБАКОВ

— Подходим к Ольхонским воротам, — сообщил вахтенный. Мы невольно повернулись к берегу, но сколько ни всматривались, ничего похожего на ворота не обнаружили. Видимо, неопытный глаз не улавливал того, что хорошо видели старые байкальцы.

— Григорий Иванович, мы что же, здесь сразу займемся промерами глубин или сначала зайдем в МРС? — спросил капитан, выглянувший из рулевой рубки.

— Давайте, пожалуй, сначала решим вопрос с бензином.

— Хорошо, — кивнул головой Слугин и, прежде чем уйти, махнул рукой в сторону моря:

— «Коммунист» идет с «сигарами».

Справа по борту отчаянно дымил приземистый буксирный пароход, тащивший за собой восемь больших плотов леса. Оставляя светлую полосу на воде, он шел в южном направлении. «Счастливого пути» просигналил ему капитан. Пароход ответил тем же.

Неожиданно горы расступились и между ними открылся неширокий водный коридор.

— Вот и ворота, — подтвердил Галазий.

Катер уверенно вошел в них и, не сбавляя скорости, продолжал свой путь. Слева от нас, примерно в километре, поплыл безлесый материковый берег, справа на том же расстоянии показались грязновато-серые скалы острова Ольхон. Здесь начинался район богатейших рыбных промыслов. Но в первые минуты знакомства с новыми местами мы вспомнили не об этом.

С островом Ольхон у бурят связано особенно много религиозных и мифологических представлений. Одна из легенд утверждает, что на этом острове был разбит стан Чингисхана, который будто бы пришел сюда по перешейку, соединявшему тогда остров с восточным берегом. От

этой стоянки якобы остался большой таган с лошадиной головой в нем и котлы. Здесь же, по словам легенды, на Пещерном мысу и захоронен великий могол.

В одной из пещер близ Шаманской скалы, по убеждению бурят, жил грозный дух, хозяин острова. Почитание его было так велико, что даже следуя по особо важным делам ни один из местных жителей не решался проскакать мимо пещеры верхом на коне. Каждый путник здесь непременно спешивался и проводил коня на поводу, стараясь даже не взглянуть на пещеру.

Такое внимание бурят к острову Ольхон объясняется, видимо, как древностью его обитания, так и необычностью местоположения. И по сей день здесь сохранились многочисленные каменные стены, кладбища, остатки дорог и населенных мест далеких предков, рисунки и надписи на скалах.

Вытянувшись вдоль западного берега почти на семьдесят километров, остров отделил от Байкала так называемое Малое море, место жесточайших штормов и особой суровой красоты. На этом сравнительно небольшом клочке сибирской земли частенько хозяйничают ветры ужасающей силы. Они не дают расти деревьям и кустарникам. Только кое-где на склонах глубоких оврагов можно видеть робко зеленеющую хвою сосен, прижатых стволами чуть ли не к самой земле. Будучи самым большим на Байкале, остров Ольхон является в то же время и самым засушливым. Здесь выпадает осадков не больше, чем в Средней Азии. Чтобы увеличить полив сенокосных угодий, буряты, живущие на острове, издавна научились производить снегозадержание.

Обогнув южную оконечность острова, сплошь изрезанную многочисленными лагунами и бухточками, «Альбатрос» вышел в Малое море, излюбленное место омулевых косяков. Море выглядело тихим и безмятежным. Только несколько катеров и моторных лодок бороздило его в разных направлениях. Кое-где виднелись стайки белокрылых чаек, реявших над водой.

Впереди показались дымки Хужиры — «столицы» маломорских рыбаков. Этот поселок возник совсем недавно — в 1946 году. Но и нескольких лет оказалось достаточно, чтобы на берегу протянулось несколько километровых улиц с электричеством, радио и телефоном.

В поселке открыта средняя школа, большая библиотека, несколько магазинов. Есть мастерские бытового обслуживания, парикмахерская. Всю береговую полосу занимают корпуса рыбоконсервного завода, который продолжает расширяться.

Около полудня катер пришвартовался у причала Ольхонской моторно-рыболовной станции. Сразу же бросилось в глаза ее богатое техническое оснащение. Весь берег бухты занимали различные промысловые суда. На пологом склоне безлесой горы стояли многочисленные производственные здания и добротные жилые дома. Пока команда была занята, нам удалось побеседовать с директором станции и рыбаками. Вот что они рассказали:

— Ольхонская моторно-рыболовная станция, единственная на Байкале, создана в 1942 году. Она обслуживает все рыболовецкие колхозы Маломорья. В ее распоряжении десятки катеров, моторных лодок, ботов, фелюг, а также сотни гребных лодок. Более сорока бригад снабжены капроновыми сетями, остальные — закидными неводами. Значительная часть бригад работает на механизированных тонях. Отправляясь на промысел и возвращаясь с него, рыбаки даже не прикасаются к веслам: за них все делает мотор. За минувшее пятилетие уровень механизации добычи рыбы вырос в восемь раз. Неуклонно увеличиваются и уловы.

На центральной усадьбе есть ремонтные мастерские, лесопильный цех, дизельная электростанция, клуб, библиотека, магазин, радиоузел. Строятся новые дома, производственные мастерские, торговые предприятия. Все это помогает коллективу станции и обслуживаемым ею колхозам добиваться высоких производственных показателей.

Особенно уважительно говорили наши собеседники о рыболовецкой бригаде Егора Евстафьевича Копылова из колхоза «Авангард». Бригада первой отбросила годами бытовавшее среди маломорских рыбаков мнение о том, что в начале лета омуль можно ловить только на постоянных тонях острова, а с середины июля — на материковых участках лова. Внимательно изучая повадки рыбы, бригадир пришел к интересным выводам. Он доказал, что в зависимости от разных причин — постоянно

изменяющихся под воздействием ветров, течений и температуры воды — косяки омуля перемещаются с одного участка на другой. Ветры, дующие с запада и северо-запада, гонят богатые кормами воды к берегам острова. С водой перемещаются и омулевые стада. Ветры северо-восточного направления стоняют воды открытых районов Малого моря к материковым участкам, одновременно увлекая за собой и косяки рыбы.

Бригада Копылова отказалась от пассивного метода лова и перешла к маневренному промыслу. Вместо того чтобы ждать, когда омуль придет на постоянные тоневые участки, члены бригады начали активно охотиться за рыбными косяками. В первую путину, когда промысел был организован по-новому, бригада семнадцать раз сменила место лова и в полтора раза перевыполнила план. Все последующие годы она в два-три раза перекрывает задания.

Добрым словом вспомнили и рыболовецкую бригаду Степана Степановича Винцака. Ни дождь, ни ветер, ни крутая волна не мешают ей выходить на промысел и возвращаться с богатыми уловами. Первейшие старатели! Чуть только покажется весеннее солнце, на море появятся разводья, винцаковцы уже садятся на катера и в лодки, идут в море с донными сетями, ибо знают, что в это время омуль ходит еще на большой глубине. А как только солнце пригреет, температура воды поднимется, начинают заметывать плавные сети — берут рыбу, пошедшую верхом.

У старого рыбака свой житейский календарь. В безветренную погоду, в солнечный день корма держатся в верхних слоях воды, значит, здесь надо искать и омуля. При западных и северо-западных ветрах температура воды в этом районе, как правило, поднимается, рыба рассредоточивается в толщах воды.

Немало знают здесь и других примет. Появился, скажем, у воды желтоватый оттенок — кормов прибавилось, прибавилось и рыбы. Если же вода начала темнеть — считай, что корма опускаются вглубь, туда же уходит и омуль. В тихую темную ночь с осадками — заводи сеть поверху, в ясную лунную ночь — промышляй понизу. Если температура воды поднялась до тринадцати-четырнадцати градусов, омуль ушел вглубь, в более холодные

слои воды. В общем, не случайно, совсем не случайно сопутствует бригаде старого рыбака постоянная удача.

К умножению доброй славы маломорских рыбаков немало сил и творческой энергии приложили также мастера подледного лова из бригады Боина Пигнатовича Пигнанова. Скрупулезно собрав и обобщив опыт лучших рыбаков-подледников, они научились безошибочно определять места скопления сигов и других ценных рыб. Составляя свой прогноз зимней путины, бригада учитывает все особенности каждого периода лова — погоду, наличие ветра, температуру воды, толщину снежного и ледяного покрова. Кроме того, на «вооружение» охотно принимается все полезное, что предлагается каждым из членов бригады. Именно это помогло бригаде Пигнанова эффективно использовать наиболее уловистый и в то же время наиболее опасный период ледостава. Выметывая все имеющиеся в бригаде сети по первому, еще потрескивающему ледку, мастера зимней путины добились наибольших уловов за сезон. Применение утепленных смотровых палаток позволило им вести лов в любую погоду на большом расстоянии от основной базы. А чтобы еще увеличить площадь облова, бригада разбилась на два звена. Одно из них стало заниматься только промысловой разведкой, а другое только добычей рыбы. Перестановка сетей была совмещена с их одновременной обработкой. Это позволило до минимума сократить потери промыслового времени.

Не менее вдохновенно трудятся бригады Василия Бутуевича Будишкина, Григория Федотовича Копылова, Павла Ивановича Белозерцева, Ивана Романовича Темникова, Якова Николаевича Копылова и многие другие. Всех не перечислишь. Их сотни, этих настоящих мастеров своего дела.

Говорили и о том, что рыбный промысел на Байкале далеко не простое дело. Он требует не только большого опыта и умения, но и большого мужества, находчивости, а подчас и настоящей отваги. В связи с этим вспомнили два таких случая.

Как-то под осень рыболовецкие бригады Алексея Копылова, Альбины Менкявичуса и Степана Винцака вели лов в Баргузинском заливе. Под вечер они вышли в район Зеленого мыса и заметали сети в ночную. Прибуксировав-

ший их катер «Алтай» ушел на приемный пункт, а рыбаки вскоре привязали лодки к сетям и легли спать. В полночь неожиданно налетел штормовой ветер. Море помрачнело и вспенилось крутой волной. Лодки, будто обезумевшие, начали отчаянно кидаться из стороны в сторону. Сгустившаяся темнота усугубила обстановку.

Но бывалые рыбаки не оплошали — им не впервой было встречаться с бушующим Байкалом лицом к лицу. Умело маневрируя на крутой и хлесткой волне, они начали спешно выбирать сети и улов, надеясь, что вот-вот подойдет спасительный катер. У берега же волна оказалась настолько сильной, что катеру пришлось спасаться самому. Лишь на рассвете пришел он к рыбакам и с большим трудом и риском взял на борт часть людей. О сборе и буксировке всей колонны сразу не могло быть и речи. Катеру пришлось по группам отводить лодки в соседнюю бухточку. Восемь часов продолжалась эта нелегкая борьба людей с ветром и морем. И люди доказали свое превосходство над стихией — все рыбаки, весь улов, все снасти были спасены.

А вот другой случай. Однажды летом ураганной силы ветер налетел на Малое море. В мгновение ока поднялась такая волна, которая грозила в щелки разнести все суда, стоявшие у хужирского причала. Было принято крайнее решение — спасти их затоплением. Казалось, другого выхода действительно нет. Но когда под водой скрылись несколько барж и катер «Норд-вест», от причала вдруг отошел буксировщик «Сатурн». Он смело ринулся навстречу ярившимся волнам. Почти тут же буксировщик исчез в кипящих бурунах, а в следующее мгновение уже победно взлетел на гребень очередной волны.

Затаив дыхание, следили жители Хужира за дерзким броском отважных моряков, во главе которых стоял капитан комсомолец Федор Иванов. Чтобы преодолеть восемнадцатикилометровое расстояние и спасти корабль, смелому экипажу пришлось в течение четырех часов испытывать свою судьбу, бесконечно взлетая на гигантские водяные валы и с головокружительной быстротой низвергаясь в пучину моря.

Когда же шторм утих и «Сатурн» снова вернулся в Хужир, капитана с трудом можно было узнать — он стал седым...

— Вот когда мы будем промышлять с помощью тра-лов, эхолотов и воздушной разведки, — сказал на прощание директор, — тогда уж в нашей работе наверняка не будет никаких неожиданностей. А пока что, выходя на промысел, приходится быть готовым ко всему.

Мы распрощались с нашими новыми друзьями и отбыли на катер.

Всю остальную часть дня заняли промеры глубин. Работа эта оказалась довольно кропотливой. Для каждого нового захода с помощью карты, компаса, секстана и береговых ориентиров прокладывался точный маршрут. Когда же «Альбатрос» осторожно, будто крадучись, плыл в заданном направлении, его движение все время контролировалось по одному компасу капитаном, стоявшим в рублевой рубке, и по другому — Борисом Филипповичем Лутом, поднявшимся на капитанский мостик. Боцман Пестерев, он же эхолотист, ни на минуту не спускал глаз с ленты эхолота. По ней все время ползла жирная извивающаяся линия самописца, обозначающая глубину. Каждые тридцать секунд Пестерев громко сообщал показания прибора, а Галазий, пристроившийся тут же у маленького капитанского столика, быстро вписывал их в заранее составленную таблицу.

Работа эта диктовалась рядом обстоятельств. Важнейшее из них заключалось в том, что Байкал до сих пор еще не имеет полной карты глубины и рельефа дна. Правда, промерами его занималось немало энтузиастов, но лучшее, что оставили они после себя, — это примерное районирование глубин и лоцию узкой береговой полосы. Последняя создана еще в начале XX века под руководством Ф. К. Дриженко и пока что является единственным путеводителем для байкальских моряков.

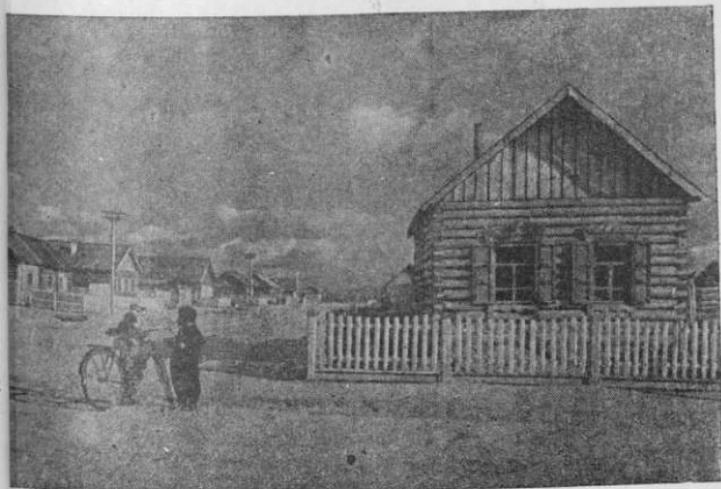
Только избородив Ольхонские ворота вдоль и поперек (их наибольшая длина — семь километров, а ширина — три километра), «Альбатрос» вышел в открытое море и взял курс на мыс Ижимей.

ЕСЛИ ПЕРЕСЕЧЬ ПРИМОРСКИЙ ХРЕБЕТ...

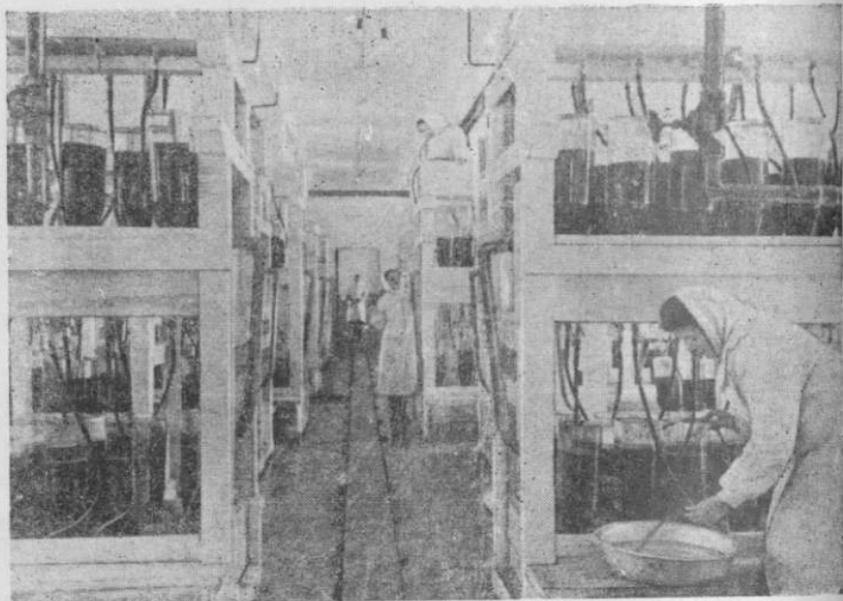
Посещение Малого моря, знакомство с Хужиром и Ольхонской моторно-рыболовной станцией навело нас на раздумья об экономических и культурных преобразо-

Все участники экспедиции дружно согласились с тем, что, если хоть раз провести свой летний отдых у Чивыркуйского залива, потом не захочется ехать ни на какой южный курорт.

В поселке Усть-Баргузин нет ни одного старого дома. Еще пахнувшие свежим сосновым деревом, выстроились дома в аккуратные ряды улиц и кварталов.

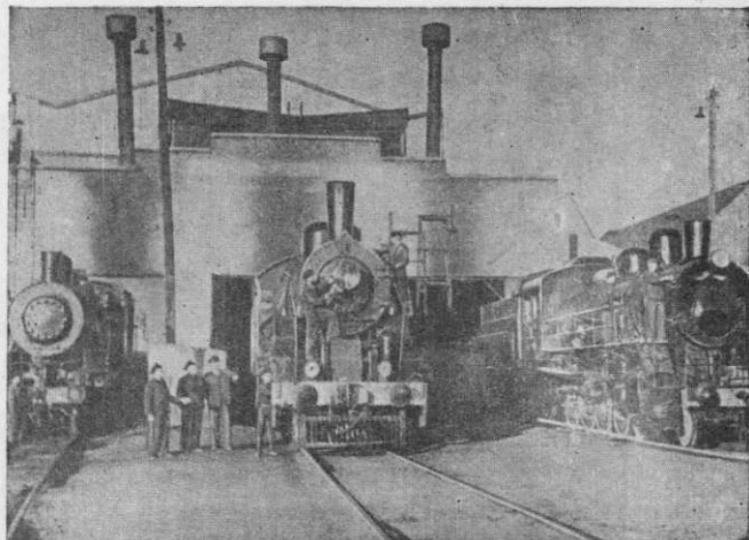
На рыбоперерабатывающем заводе.

Следуя по дороге, уходящей вверх по береговому крутояру и дальше, мимо утеса Пурсей в тайгу, машина сможет добраться до постоянного поселка строителей, заложеного в створе Братского гидроузла.

Борису Филипповичу Луту в стеньку приходилось выходить на палубу с секстантом. Это позволяло точно определять местонахождение катера.

В Улан-Удэ ремонтируются локомотивы и строятся речные суда, различные машины и механизмы.

Впереди, под шапкой дыма, замерцали огни большого города. Это был Иркутск.

Поздние осенние штормы «украшают» скалистые берега Байкала ледяными налесками, а весенние бураны дополняют их снежными горами, нишами и воротами.

Город Иркутск. Сквер имени Ленина.

По всей стране расходуется разнообразная продукция крупнейшего в Сибири Улан-Удэнского мясоконсервного комбината.

ваниях в жизни прибайкальских бурят. В памяти всплыли многочисленные факты и примеры, вычитанные ранее в литературе и увиденные лично в предыдущих поездках по Прибайкалью.

Буряты — хозяева Малого моря и многих прилегающих к нему районов. Продолжая занятие своих отцов, они активно развивают рыболовство. Отдавая дань традиции дедов и прадедов, не забывают и животноводство. Новые времена, как говорят, принесли новые песни — маломорские буряты начали осваивать полеводство и животноводство. Теперь в здешних колхозах можно встретить немало семей, члены которых с одинаковым мастерством добывают рыбу и зверя, сеют хлеб, ухаживают за скотом.

Умелое сочетание старых и новых отраслей хозяйства, опыта поколений с достижениями современной науки и техники открыло перед тружениками Маломорья двери в новую, более зажиточную, более счастливую жизнь. Сейчас здесь уже трудно найти юрту или дом бурята, где бы не было грамотного человека, где бы властвовали темнота и невежество, где бы не было радио, электричества, книг, журналов и газет. Еще более трудно, точнее говоря невозможно найти колхоз, который не имел бы своих автомашин, катеров, механизированных тоней и различных сельскохозяйственных механизмов.

То же самое море, та же самая земля, которые когда-то с трудом кормили бурята, в одиночку добывавшего хлеб свой насущный, теперь дают многим коллективным хозяйствам миллионные доходы. Пионерами борьбы за изобилие оказались колхозы имени XX партсъезда, имени Калинина и «Победа». Труженики Малого моря заглядывают в свой завтрашний день еще более смело. Они мечтают о таком достатке каждой семьи, которому могли бы позавидовать даже самые богатые нойоны прошлого.

Если с берегов Малого моря совершить небольшое путешествие в западном направлении, то, миновав отроги Приморского хребта, можно попасть на границу Кудинских степей. Отсюда на север и юг, а также дальше на запад тянутся обновленные земли Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа.

Расположенные преимущественно в зоне вечной мерзлоты, эти земли испокон веков считались бесплодными и ничего, кроме животноводства, не знали. Предки современ-

ных приангарских бурят вели кочевой образ жизни и потому довольно медленно приобщались к культуре. Вместе со стадами скота круглый год бродили они по степи, легко собирая и не менее легко разбирая свои походные юрты. К такому образу жизни были приспособлены и семьи, и немудреный домашний скарб, и хозяйственный инвентарь. Это во многом определяло быт, культуру и экономику бурятской семьи, рода и всей округи.

Длительное время основным продуктом питания бурят было мясо; устный рассказ заменял газеты и радио, главной меновой единицей являлись конь и баран, а костер служил и печью, и средством ночного освещения.

Приняв подданство Российского государства, бурятский народ совершил поистине исторический акт, который определил его дальнейшее экономическое и культурное развитие. Перенимая многолетний опыт русского крестьянства, буряты начали строить утепленные зимники для скота, косить и заготавливать корма, задерживать снег для лучшего увлажнения лугов. С первой половины семнадцатого века они осваивают совершенно новую отрасль хозяйства — мотыжное земледелие. В следующем, восемнадцатом, веке на бурятской пашне появляются соха, борона, серпы, несколько позднее — плуг, молотилка и велька.

В результате кочевые скотоводы становятся все более оседлыми. На смену юртам приходят дома, срубленные по русскому образцу. На столе бурята рядом с мясо-молочными продуктами появляются продукты полеводства.

Но царизм осуществлял свою особую, чисто эксплуататорскую политику по отношению к бурятскому народу. Чем разностороннее становилось хозяйство бурят, тем сильнее чувствовали они давление со стороны царских чиновников и местных богатеев. Этот двойной гнет тяжелым бременем ложился на плечи труженика-бурята. В приангарской степи начинает расти армия бедняков и батраков.

На темного, забитого и бесправного бурята все более энергично наступает и третья сила — религия в лице шаманов. Одурманивая простого скотовода, шаманы основательно опустошали его и без того бедное хозяйство, всячески способствовали усилению власти князьков. Как явствует из документов Усть-Ордынского окружного крае-

ведческого музея, шаманство поглощало ежегодно не менее полутора миллионов рублей только из бюджета бурят нынешнего Эхирит-Булагатского района.

Великая Октябрьская социалистическая революция, в которой бурятский народ принял активное участие, положила конец вековой несправедливости. Над Прибайкальем, как и над всей Россией, взошло солнце новой, социалистической эпохи. На некогда голых и пустынных землях выросли многочисленные производственные корпуса, протянулись густые сети дорог, электрических, телефонных и радиопроводов, привольно раскинулись неоглядные колхозные пашни. Всюду ключом забила новая жизнь.

Теперь в приангарских степях, где раньше паслись лишь стада скота, выращиваются обильные урожаи зерновых, технических культур, а также различных овощей. За многими бурятскими колхозниками укрепилась добрая слава мастеров высоких урожаев. Хлеборобы Аларского района, например, снимают зерновых в среднем по восемнадцать-девятнадцать центнеров, а пшеницы — двадцать-двадцать два центнера с гектара. Такие же передовые колхозы, как «Гигант», «Адуша», имени Ленина, на значительных массивах нередко выращивают почти двухсотпудовые урожаи и выдают на трудодень до десяти килограммов хлеба. И это происходит в крае, где не так давно почти не знали земледелия!

Ведущей отраслью хозяйства округа по-прежнему остается животноводство. Поставленное на прочную научную основу, оно развивается сейчас несравненно более высокими темпами, чем раньше. При этом особое внимание уделяется продуктивности и породности скота. С этой целью из года в год улучшаются условия стойлового содержания животных, кормовая база, племенная работа. В бурятских улусах (деревнях), некогда вообще не знавших техники, неуклонно растет число механизированных и электрифицированных животноводческих помещений. Только за последние два-три года их построено более трехсот. За это же время созданы десятки новых племенных ферм.

Неуклонно растут и множатся ряды мастеров полеводства и животноводства. Многие из них отмечены орденами и медалями Союза ССР. Лучшим из лучших присвоено

почетное звание Героя Социалистического Труда. В их числе бригадир полеводческой бригады Максимов, табунщик Имегенов и Муруев, бывший председатель колхоза имени XVII партсъезда Колесников, секретарь Усть-Ордынского окружка КПСС Покорский.

О дальнейшем повышении культуры сельского хозяйства округа лучше всего говорит стремительный рост уровня механизации и электрификации бурятской деревни. На территории округа создана лугомелиоративная станция, недавно организованы два первых совхоза. В распоряжении этих хозяев сотни уборочных комбайнов, новых и новейших сеялок, веялок, сушилок и других сельскохозяйственных машин. На смену степным скакунам пришли мотоциклы, «газики», «Победы», «Волги», «ЗИМы», грузовые автомашины разных марок.

«Лампочка Ильича» издавна и прочно вошла в жизнь и быт бурят. С помощью электроэнергии освещаются дома и животноводческие фермы, питаются кормокухни, радиопузлы, киноустановки, типографии газет. В Аларском, Боханском и Осинском районах добились полной электрификации всех колхозов. Ток помогает здесь убирать урожай, выращивать в зимнее время овощи, приводить в движение машины, украшать быт людей.

В округе возникла и успешно развивается местная промышленность, освоившая выпуск строительных материалов, мебели, готового платья, предметов широкого потребления, продуктов питания. Объем валовой продукции из года в год растет, расширяется и ассортимент ее.

В округе сейчас нет улуса и аймака (района), где бы не строились и не вводились в эксплуатацию новые жилые дома, культурно-бытовые объекты, производственные помещения. Если вы приедете, скажем, в окружной центр — поселок Усть-Орда, вам долго будут перечислять новостройки последних лет. При этом непременно назовут кирпичные здания, в которых недавно открыты кинотеатры и новые магазины. Укажут и на краеведческий музей, окружную библиотеку, насчитывающую несколько десятков тысяч томов книг. Не забудут упомянуть и Дом культуры коллектив художественной самодеятельности которого успешно осуществляет постановку спектаклей, таких, например, как «Калиновая роща», «Свадьба с приданым», «Без вины виноватые». Покажут также и стадион, где ле

том и зимой идут напряженные спортивные бои. Кстати сказать, дорога к нему идет по асфальтированным улицам.

В Байтоге — рядовом бурятском селе — перед вами охотно распахнут двери большой светлой школы, недавно построенной, и целого ряда новых добротных домов.

Если же вы будете в Осе, районном центре, то сможете полюбоваться новой гидроэлектростанцией, дающей ток шести улусам и райцентру. Это двенадцатая по счету электростанция Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа.

О новых, недавно созданных клубах, избах-читальнях, сельских лекториях вы узнаете в десятках улусов. А сколько еще строится, сколько намечено построить!

Неудержимо растет и развивается культура бурятского народа, национальная по форме, социалистическая по содержанию. До Октябрьской революции население округа было почти сплошь неграмотным. В настоящее время повсеместно осуществляется обязательное семилетнее обучение. В округе создано свыше трехсот школ, в которых обучается более двадцати пяти тысяч детей. В ста двадцати шести школах преподавание ведется на родном языке.

Возрожденный к новой, светлой жизни, бурятский народ жадно потянулся к знаниям. Дореволюционная история знает лишь несколько случаев, когда бурят стал ученым. Ныне представители бурятского народа из года в год пополняют славную армию советских деятелей науки. Бывший колхозник Хаптаев — ныне доктор исторических наук, потомственный животновод Бертагаев — доктор филологических наук. Недавно окончила аспирантуру при Московском государственном университете имени Ломоносова дочь колхозника-бурята Назарова. Она кандидат философских наук. Алексеев, родители которого вели кочевой образ жизни и не знали даже азбуки, ныне кандидат филологических наук. А сколько юношей и девушек, окончив средние школы Усть-Орды, Баяндая, Бохана, Кутулика и других сел, ежегодно разъезжаются на учебу в вузы Москвы, Ленинграда и многих других городов страны!

В недалеком прошлом бурятский народ знал только одну профессию — скотовода. А теперь? Тракторист, комбайнер, механик, машинист, агроном, зоотехник,

врач, электромонтер, учитель, инженер... Значительную часть механизаторских кадров готовят свои же механизаторские школы, расположенные в Баяндае и Кутулике.

В партийных, советских, профсоюзных и многочисленных хозяйственных организациях у руководства стоят свои опытные национальные кадры, выращенные за годы Советской власти. В кружках, политшколах, и самостоятельно эти кадры настойчиво расширяют свои знания, политический кругозор.

Книга, газета, журнал, радио, телефон давно и прочно вошли в жизнь и быт бурят. В округе сейчас более восьмидесяти аймачных, сельских и колхозных библиотек, около ста клубов и изб-читален. Во всех шести районах выходят свои газеты. Выпускается также окружная газета.

При царизме страшные болезни свирепствовали среди местного населения. Смерть собирала здесь обильную жатву. Да и удивительно ли! На весь округ тогда было всего лишь несколько больниц. Сейчас здесь функционирует около восьмидесяти различных лечебных учреждений. На страже здоровья трудящихся стоят десятки врачей, сотни работников среднего и младшего медицинского персонала. Кроме того, в округе созданы и работают шесть эпидемиологических станций, два окружных диспансера, детская поликлиника, туберкулезный санаторий, два сельских и пять колхозных родильных домов, шесть женских и детских консультаций. Во многих улусах имеются детские сады, ясли, дома ребенка, молочные кухни. Все это новое, социалистическое, о чем раньше бурят не смели мечтать.

Да, неузнаваемо изменилась жизнь потомков кочевых скотоводов Прибайкалья!

РОЗА ВЕТРОВ

По первоначальному замыслу экспедиция должна была идти до самой северной точки Байкала западным берегом, а возвращаться на юг восточным. Но чем дальше мы продвигались на север, тем больше говорили о необходимости изменения этого маршрута. Когда же катер пересек среднюю часть озера, в шутку названную обитателями судна «байкальским экватором», начальник экспедиции, капи-

тан и мастер службы сигнализации собрались на совет. Дело в том, что хорошая погода необычно затягивалась, и это было явно не к добру. Такое на осеннем Байкале бывает не часто и, как правило, сменяется сильными бурями. Все шло к тому, что тихие солнечные дни могли кончиться как раз тогда, когда катер пойдет в обратный путь. Оказаться же у северо-восточного берега во время штормов вдвойне опасно: там почти нет бухт и заливов, защищенных от ветра. Чтобы внести в этот вопрос большую ясность, попытались связаться с Байкальской метеостанцией. Но она почему-то упорно молчала. Не ответила нам и штормовая служба.

После окончания работы на мысе Ижимей, где менялся ацетиленовый баллон на маяке, было решено пересечь Байкал и плыть вдоль восточного берега. Так и сделали. В Турку, куда теперь направлялся катер, предполагалось прибыть еще засветло. Подплыли же мы к берегу глубокой ночью. И вот почему.

Когда «Альбатрос» отходил от Ижимея, Байкал лишь слегка рябило попутным ветерком. В это утро «славное море» блистало какой-то особой красотой. То оно до самого горизонта плескало темно-синей волной, то вдруг становилось бирюзовым, зеленым и, наконец, серо-пепельным и по-осеннему холодным. Потом вдруг все вытеснял серебристо-стальной оттенок, и вода начинала вспыхивать на солнце ослепительно ярким, почти белым пламенем. Тогда на нее уже невозможно было смотреть незащищенным глазом. И все это при совершенно безоблачном небосводе.

Словно соревнуясь с Байкалом яркостью красок, огненными одеждами осени полыхали берега. Удалявшиеся от нас отроги Приморского хребта желтели охрой лиственниц. На фоне густо-зеленых островков сосны выделялись березы и осины. Противоположный восточный берег еле-еле виднелся в сизоватой дымке. Зато вершины его хребтов Хамар-Дабан и Улан-Бургасы, припорошенные снегом, четко вырисовывались на фоне студено-синих небес.

Пользуясь благоприятной погодой, участники экспедиции почти не уходили с палубы. Здесь под ярким, не по-осеннему теплым солнцем, на упругом ласковом ветру и до опьянения чистом воздухе дышалось и работалось как-то особенно легко.

Григорий Иванович, расположившийся на корме около пустых бочек, заменивших ему стол, тщательно сверял данные новых промеров глубин с прежними измерениями. Время от времени он делал короткие записи в специальном блокноте, потом снова сосредоточенно склонялся над колонками цифр.

Борис Филиппович Лут и Александр Ахромович возились у главного судового компаса. Они готовились к промерам глубин в открытом море. Людмила Караваева, беспокойно морща лоб, возилась со своими многочисленными склянками, наполненными образчиками воды и водорослей.

Новых открытий ученые добивались в напряженном труде. А ведь они работали в несравненно более благоприятных условиях, чем их далекие предшественники — первооткрыватели тайн «славного моря». Нетрудно было представить себе, сколько мужества и отваги потребовалось от ученых Г. И. Раддэ и И. Д. Черского, объехавших вокруг коварного Байкала на самых обычных рыбацких лодках.

В конце XIX века на волнах озера закачалось утлое суденышко смелого и находчивого ученого-геодезиста Б. Копылова. С большим трудом и немалым риском для жизни он произвел на Байкале первые в мире глубоководные промеры.

А сколько творческого горения потребовалось от больших энтузиастов своего дела Б. Дыбовского и В. Годлевского, использовавших ледяной покров Байкала и весьма примитивное оборудование для проведения целого комплекса научно-изыскательских работ.

Конечно же, наш «Альбатрос», уверенно разрезавший волну с помощью 150-сильного мотора, не мог идти ни в какое сравнение с легкими весельными челнами прошлого. И все-таки, когда ветер начал заметно крепчать, а по морю побежали волны с белопенными барашками, всем стало как-то беспокойно. Сразу же вспомнили ночной аврал в бухте Песчаная и связанные с ним ощущения. Потом заговорили о своеобразии западных и северо-западных ветров. В осеннее время они опасны не только своей неожиданностью и быстро нарастающей силой, но и тем, что нередко приводят к резкому похолоданию. Тучи брызг и водяной пыли, поднятой в воздух, быстро

одевают суда в толстый ледяной панцирь, и без того нелегкое плавание превращается в настоящее испытание мастерства и мужества байкальских моряков.

Именно поэтому осенне-зимний Байкал так богат происшествиями и приключениями. Наиболее любопытное из них пришлось пережить в стародавние времена экипажу и пассажирам парохода «Наследник Цесаревич». Захваченные сильнейшим зимним штормом в открытом море, пароход и шедшие на буксире суда вскоре превратились в айсберги и были прибиты к кромке льда в одной из бухт восточного берега. Вслед за этим крупные льдины, пригнанные ветром, пропоролы ветхие борта парохода. Экипаж предпринял героические попытки заделать пробоины с помощью брезентовых пластырей, но корабль неумолимо погружался в воду и в конце концов затонул. Обитателям его пришлось сойти на шаткие льдины и перебраться на буксируемые суда. Когда же настало утро, пострадавшие с ужасом увидели, что их суда вместе с оторванным от берега ледяным припаем дрейфуют в открытом море. Ни торопливо сброшенные якоря, ни отчаянные крики о помощи не смогли уже изменить хода событий. И люди вынуждены были отправиться в необыкновенное путешествие, полное устрашающей неизвестности.

Больше месяца носились они по воле волн, не имея возможности сообщить о себе или хотя бы как-то изменить свою судьбу. Скучных остатков дорожных продуктов хватило ненадолго, и людям пришлось до предела сократить свой рацион, ограничить его случайно пойманными рыбешками и водой. А чтобы не замерзнуть, они отправили в печи всю мебель, все переборки, надстройки и даже некоторые полы.

Только после того как Байкал сковало крепким льдом, люди смогли покинуть злосчастные суда и ступить на спасительную землю...

От дальнейших наблюдений за погодой и соответствующих комментариев нас отвлекла неумолимая тётя Шура. Она уже в третий раз вышла на палубу и настойчиво потребовала всех на обед. На этот раз люди охотно согласились сменить свое занятие и шумной гурьбой спустились в кубрик.

К концу дня температура воздуха начала резко па-

дать, ветер усилился и вскоре погнал нам вслед нарастающие водяные валы. По небу поползли серовато-пепельные облака. Поскольку большая часть пути была уже позади, а устье реки Турки могло укрыть нас от непогоды, капитан продолжал спокойно вести катер к намеченной цели.

— Опять горная разыгрывается, — проворчал он, когда высокая волна с угрожающим шипеньем обогнала «Альбатрос».

— Это что же, самый опасный представитель здесь этой розы ветров? — спросил Александр Ахромович.

— Да нет, Сашок, не совсем так, — раздумывая, ответил капитан. — Самая страшная у нас «сарма». — Помолчав немного, он добавил: — Та, брат, срывается с гор неожиданно и через минуту уже мчится по морю с ураганной скоростью. — Еще немного помолчал, еще добавил: — В 1901 году в такое же время она застигла проклятущая в Малом море пароход «Яков» с тремя баржами и несколькими лодками на буксире. Два судна вдребезги разбило о скалы. Человек двести погибло на борту. А пароход на полных парах едва-едва выгрел к противоположному берегу. Да и там-то с трудом удержался при работающих машинах и на всех якорях.

— Ничего себе, — покачал головой практикант и долго молча смотрел на волны, катившиеся за бортом.

— А «баргузин», о котором в песне поется, такой же свирепый? — заговорил он снова.

— Нет, тот довольно добродушный, — ответил капитан. — Вот «култук» или «верховик» — те могут иногда разгуляться.

— Да сколько же у вас разных ветров? — искренне изумился практикант.

— А вот поживешь, узнаешь, — уклончиво ответил капитан. Потом вдруг повернулся к Ахромовичу: — Я тебе, парень, вот что скажу: какая там роза ветров на вашей Балтике, я не знаю. У нас на Байкале она настоящая, с шипами. И это тебе стоит иметь в виду. — И замолчал надолго, сосредоточенно глядя вперед. Там с шумом катились уже трех-четырёхметровые волны.

Впервые за весь рейс катер начало основательно качать. Палуба вдруг стала очень неустойчивой, и двигаться по ней можно было, только держась за поручни.

и бортовые тросы ограждения. До этого неподвижные баллоны начали беспокойно подергиваться и позвякивать. Шальные волны все чаще и чаще окатывали кормовую палубу, настойчиво добираясь до носовой части катера. Волей-неволей пришлось плотнее закрыть иллюминаторы в кубриках и люки грузовых отсеков.

Однако близость берега действовала на всех успокаивающе, и люди довольно бодро поглядывали на водную стихию. Но когда приветливые огоньки рыбацкого поселка замерцали совсем рядом, всем стало ясно: в Турку не войти. Ее двадцатиметровое устье, выходявшее в Байкал под прямым углом к направлению ветра и ходу судна, буквально захлестывалось волнами. Следовательно, чтобы попасть в реку, катеру нужно было на гребне волны сделать почти мгновенный поворот на девяносто градусов. При первой же попытке выполнить такой маневр он оказался бы на камнях. Других закрытых бухт поблизости не было. Остаться же на внешнем рейде было безумием. Даже мощный пароход «Дзержинский», только что остановившийся здесь, на наших глазах снялся с якоря и заторопился к противоположному берегу.

Будто растерявшись от неожиданности, «Альбатрос» замедлил бег, недовольно пофыркал приглушенным мотором и, как только совет старейших окончился, неохотно начал забирать влево. Спокойно дремавший берег поплыл куда-то в сторону, а мы тотчас же ощутили настоящую силу шторма. При попутном ветре катер лишь плавно раскачивало на огромных волнах. Теперь же, когда он пошел против волн и ветра, его начало немилосердно бросать вверх и вниз. Чтобы несколько смягчить удары, капитан сбавил ход. Но от этого мало что изменилось. Катер то и дело вставал на дыбы, стремительно взлетал на гребень волны, а затем, когда большая часть его корпуса повисала в воздухе, тяжело валился вниз и со всего размаха бился о бурлящую воду. Тучи вздымавшихся брызг потоками обрушивались на палубу, захлестывали смотровые стекла рулевой рубки. Но катер, подчиняясь воле человека, все так же натужно ревел мотором и снова и снова взлетал над волной...

Вначале все обитатели судна довольно спокойно переносили болтанку, а некоторые даже пытались работать. В действие были приведены все имевшиеся на бор-

ту фотоаппараты. Еще бы! Ведь не часто же случается быть посреди бушующего Байкала. Особенно оживился Михаил Михайлович Минеев. Его приземистая фигура появлялась то на носу катера, то на корме, то на капитанском мостике. Временами он старался пристроиться на самой высокой точке катера или же, наоборот, шел кал затвором, свесившись через борт и лежа чуть ли не на воде. Нередко это кончалось холодным душем, но Михаил Михайлович быстро оправлялся и по-прежнему довольный, даже напевающий, торопливо ловил объективом фотоаппарата сердито наскакивавшие на катер волдыняные валы.

Отчаянная болтанка продолжалась пятый час, остров Ольхон все еще едва виднелся вдали. В довершение ко всему началось сильное обледенение. Первой превратилась в бесформенную глыбу носовая лебедка. Потом толстой ледяной коркой покрылись бортовые тросы ограждения и вся передняя стенка рулевой рубки. Чтобы улучшить видимость, капитан вынужден был опустить смотровое окно. Теперь потоки брызг то и дело обдавали его лицо. Вначале он старался увертываться от студеного душа, а потом, захваченный борьбой с разбушевавшейся водной стихией, явно забыл о себе и уже не замечал, как холодные струйки воды стекают ему по воротник форменного кителя.

Рваные кучевые облака, низко поплывшие над водой, быстро сгустили темноту и окончательно поглотили берег. Исчезли вдруг и сигнальные огни парохода «Дзержинский», который шел впереди. Катер остался один на один с бушующим морем, плотно прикрытым беспокойной осенней ночью.

По-разному переживали это неожиданное испытание обитатели судна. Капитан оставался внешне совершенно спокойным. Несколько шире обычного расставив ноги и чуть больше подавшись вперед, он почти непрерывно работал штурвалом, стараясь «скулой» форштевня дробить наиболее сильные волны. Теперь он все время молчал. Лишь один раз он обернулся к практиканту, и заметив мученическое выражение его лица, усмехнулся:

— Ну как, Сашок, теперь чувствуешь, чем пахнет байкальская роза? — Потом уже серьезно добавил: — Поди-ка лучше ляг, будет легче.

Практикант осторожно встал, виновато улыбнулся бледными губами и, крепко держась за ручку двери, вышел из рубки.

Механик Георгий Николаевич Бояринцев, отстояв свою вахту, ушел было отдыхать, но когда началась сильная качка, снова вернулся в машинное отделение и, не сказав ни слова, встал рядом со своим помощником Василием Александровичем Белозерцовым. Так вдвоем, чутко прислушиваясь к напряженному гудению мотора и в любимую минуту готовые прийти ему на помощь, дежурили они в машинном отделении.

Боцман Георгий Федорович Пестерев как ни в чем не бывало занимался своим делом. Несмотря на то, что палуба все время уходила из-под ног да еще сильно обледенела и потому стала очень скользкой, он постоянно был в движении. То перевязывал начавшие было гулять по корме бочки и баллоны, то разыскивал вдруг пропавшего рабочего-маячника и находил его страдающим от морской болезни на полу камбуза, то старательно укрывал брезентом световое окно кубрика-столовой, через которое начало просачиваться вода. Специальный штормовой костюм надежно защищал его от воды и ветра.

В нашем кубрике все имели довольно бледный вид и под разными предлогами лежали. Чтобы как-то заглушить неприятные ощущения морской болезни, попытались было рассказывать занимательные истории. Но затея эта кончилась довольно неожиданно: Иннокентий Луговской вдруг припомнил трагедию, случившуюся несколько лет назад с сейнером «Сталинградец». В такую же осеннюю пору его настиг в море горный ветер ураганной силы. Все попытки команды уйти под защиту западного берега ничего не дали — у мотора не хватило сил вести против ветра тяжело нагруженное судно, обладавшее к тому же большой парусностью. И его выбросило на камни противоположного берега. Получив ряд пробоин, сейнер начал тонуть.

Свирепая волна ускорила развязку. Вначале она снесла радиорубку вместе с радистом, передававшим в эфир сигналы бедствия. Потом на палубу обрушился такой водяной вал, после которого на судне не осталось ни одной надстройки. Одновременно в клочотавшее море были смыты почти все члены экипажа и пассажиры. Наполнив

шись водой, сейнер сильно накренился и лег на камни. Теперь его то и дело окатывали студеные волны, и люди еще оставшиеся в живых, разделили горестную участь своих товарищей. Чудом спасся лишь один помощник капитана, да и тот лишился рассудка. Почувяв беду, он забрался на самую верхушку мачты и крепко-накрепко привязался к ней ремнем. Это позволило несчастному оставаться над бушующим морем даже тогда, когда сейнер затонул. Лишь отдельные, наиболее высокие волны доставали до моряка и время от времени окатывали его холодным душем. Так и просидел он на мачте, пока к месту кораблекрушения не пришел спасательный катер. И хотя вскоре моряк оправился, но в плавание больше ходить не мог.

После такой далеко не занимательной истории охотников продолжать беседу почему-то не нашлось, и в нашем кубрике снова воцарилась напряженная тишина.

А катер между тем настойчиво шел в ревущую темноту, снова и снова куда-то тяжело проваливаясь и стремительно взлетая.

Нет, не зря все-таки море овеяно такой высокой романтикой. Это стихия сильных. Где-нибудь нужно непременно воздвигнуть величественный обелиск с надписью: «Труженнику моря!»

...Во втором часу ночи, в кромешной темноте, «Альбатрос» осторожно вошел в бухту Сенная, расположенную чуть севернее мыса Ижимей. И тут-то окончательно выяснилось, что участники экспедиции по-разному перенесли это маленькое испытание. Едва лишь отгремели якорные цепи, в дверях кубрика показалась, как всегда улыбающаяся, Александра Ивановна и пригласила всех на ужин. Но приняли это приглашение немногие, да и то без особого энтузиазма. Один же из наших попутчиков объявил, что он решительно прекращает свое дальнейшее путешествие и потребовал немедленно свести его на берег. А в это самое время из-за переборки машинного отделения послышался знакомый стук костяшек домино. Команда катера завершала свой будничный трудовой день традиционным «козлом».

Так окончилась наша первая попытка пересечь Байкал

СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

В ШТОРМОВЫЕ ДНИ

Корабельные «пророки» оказались правы: тихая солнечная погода сменилась беспокойными штормовыми днями. Теперь с гор почти непрерывно низвергались потоки холодного воздуха, настойчиво гнавшие к противоположному берегу хлесткую серо-пепельную волну. Небо то и дело заволакивалось грозowymi тучами, шел крупный пушистый снег. Экспедиция больше не пыталась менять маршрут и продолжала плавание вдоль западного побережья. Правда, «Альбатросу» частенько приходилось спасаться в укромных бухточках, как стеной, отгороженных от мира высокими скалистыми берегами. Но и здесь находились какие-то дела, потому это не очень ограничивало изыскательские работы и не уменьшало эн-

тузиазма и бодрости обитателей судна. К тому же Байкал оставался самим собой и почти на каждом шагу чем-нибудь да удивлял нас.

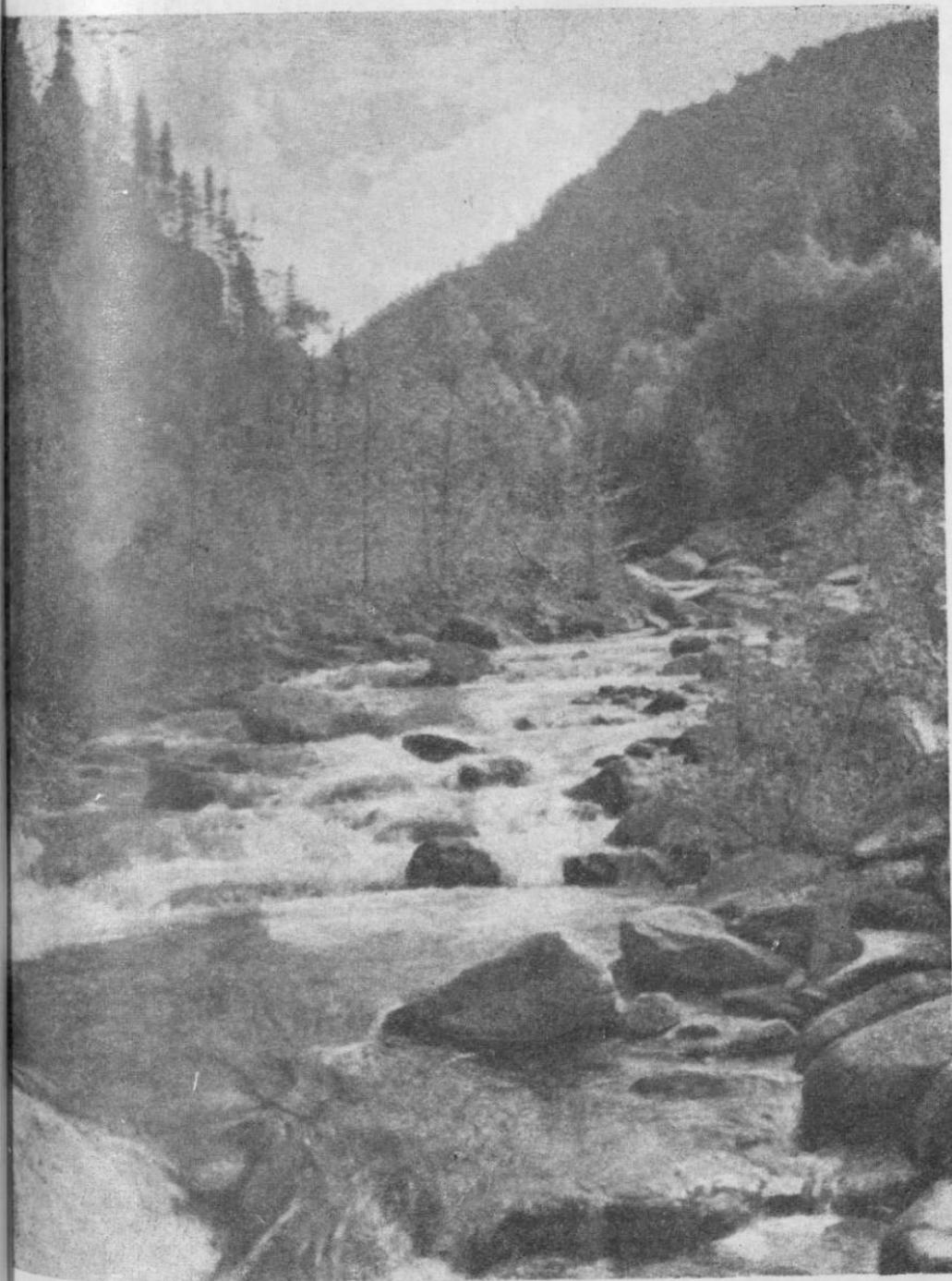
Вооруженные фотоаппаратами, встречали участники экспедиции мыс Хобой, расположенный на северной оконечности острова Ольхон. И не случайно. Как только катер начал огибать скалу Дева, на фоне грязновато-серого неба возник четкий контур огромной каменной девы, изваянной ветром, водой, солнцем и морозом. Были ясно видны пышные волосы, как бы небрежно закинутые назад, грубоватое, но мужественное лицо, округлые груди и длинное складчатое платье, свободно ниспадавшее чуть ли не до самой воды. Казалось, что «дева» пристально всматривается в студеное море и ждет оттуда кого-то.

Мыс Арул, где Григорий Иванович спилил первый образчик многолетнего дерева, оказался обладателем «ново-рожденного» озера. Еще не так давно здесь был самый обычный залив Байкала. Со временем волны намыли на отмели широкую галечную дамбу и таким образом внесли существенную поправку в географию здешних мест. Помимо ученых, новым озером заинтересовались чайки. Они избрали его местом своих осенних «базаров».

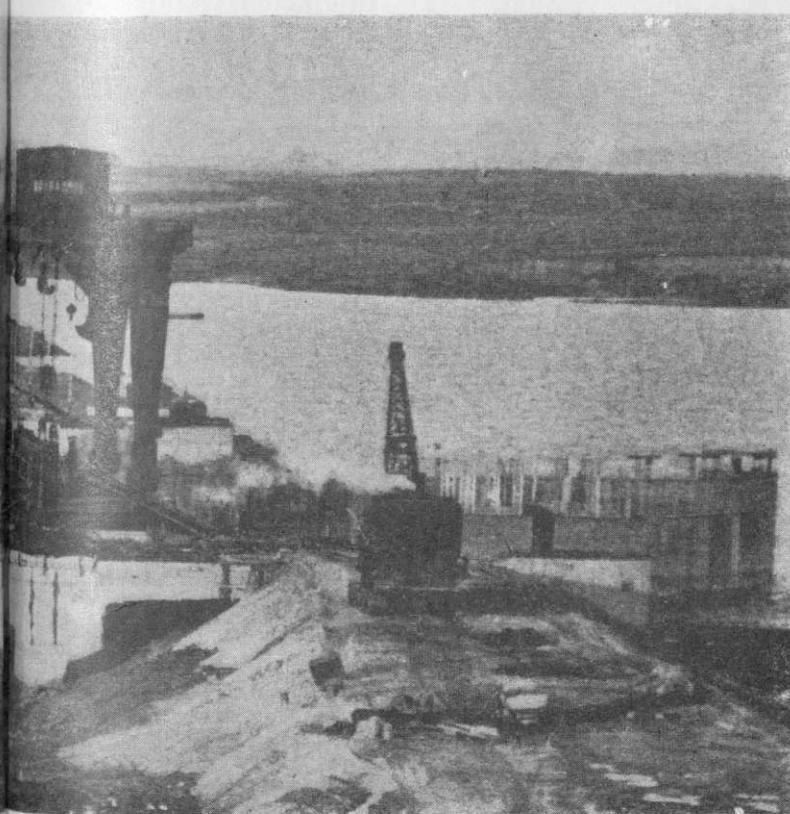
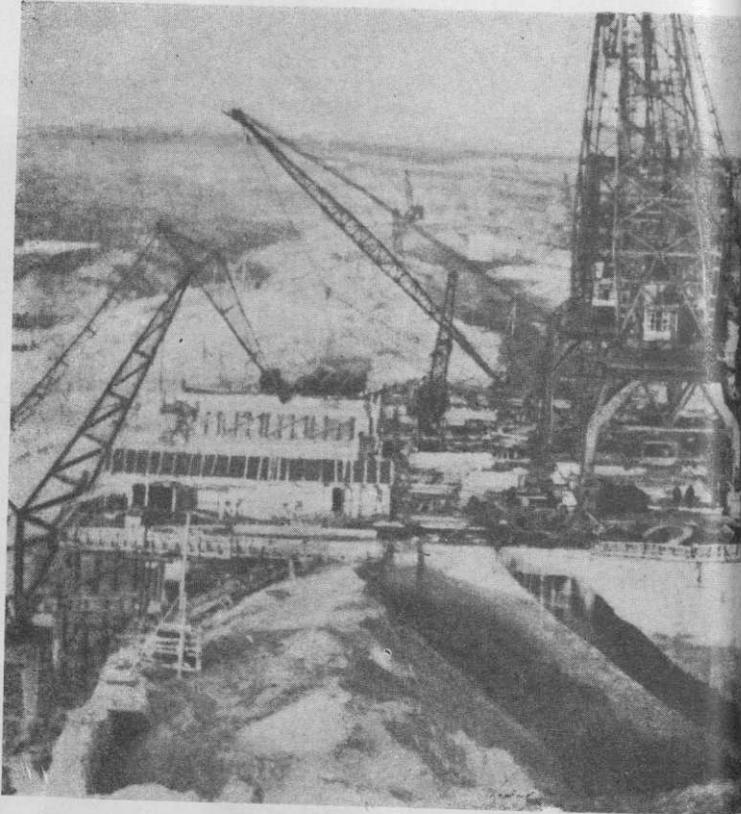
Знакомством с первым представителем Дальнего Севера — кедровым стлаником — ознаменовалось пребывание экспедиции на мысе Кочериковский. А когда новые образцы спиленных деревьев были уже перенесены на катер, когда все данные визуальной съемки берега были занесены в полевые дневники, всеобщее внимание привлекли вихревые ветры. Налетали они из глубокого распадка самыми обычными напористыми потоками. Но, как только касались воды, игриво разбегались по ней крутыми раскидистыми веерами.

Запомнилась остановка и на мысе Шартла, где менялся ацетиленовый баллон на маяке. Здесь участники похода наблюдали довольно редкое явление — движение горизонтальных воздушных потоков. Низовой ветер, который дул с утра, старательно гнал волну к западному берегу. С гор срывались пухлые ватные облака и торопливо проносились метрах в двухстах над водой... в противоположном направлении. А в то же время чуть выше их степенно плыли строго на север тяжелые свинцовые тучи.

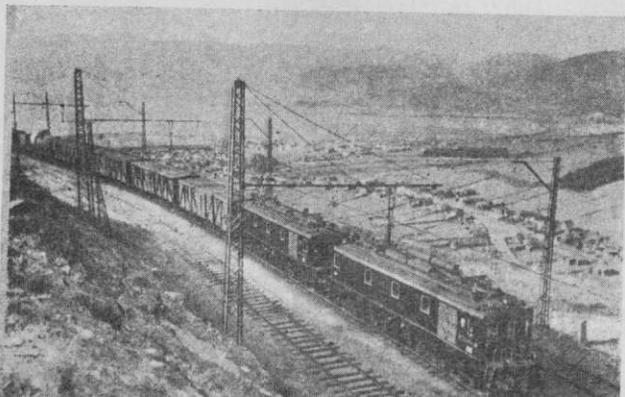
Дни летели, заполненные работой, движением и на-

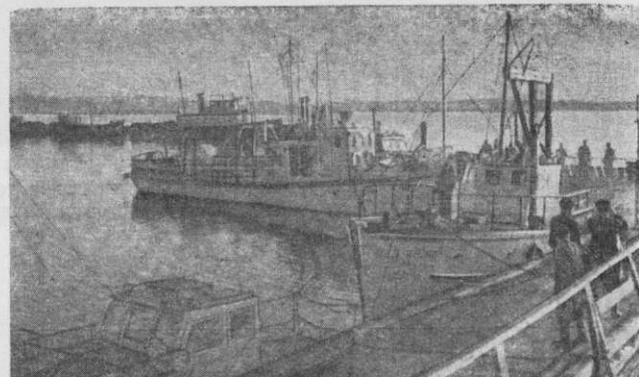
Южный берег Байкала. Горная речка Безымянная.

С разных концов страны прибыли на строительство Иркутской ГЭС смелые мужественные люди, готовые схватиться с легендарными Байкалом и Ангарой. Вышли они на их берега во главе армады различных машин и механизмов, способных вгрызаться в скалы, сдвигать с места горы, прокладывая новые русла рек.

Скрылся под знакомому академическому приезде «Альбатрос» большой участок Восточно - Сибирской магистраль. Теперь он проложен по новому пути через горы, и поезд на нем везет не паровоз, а электровоз.

Следуя по кругобайкальскому участку железной дороги, поезд проходит десятки тоннелей, мостов и виадуков.

блюдением за природой. На остановках обитатели судна поочередно становились пильщиками, носильщиками, нивелировщиками, фотографами. Тут же у пня спиленного дерева на взятых образцах наносились порядковые номера и страны света. Затем тщательно осматривались берега и деревья, росшие у воды. А когда катер снова начинал резать волны, брались за предварительную обработку полученных данных. Григорий Иванович тщательно заносил в полевые дневники адреса и характеристики спиленных деревьев. Его помощники, вооружившись лупами и карандашами, тщательно подсчитывали количество годовых колец на срезах и таким образом точно устанавливали возраст деревьев.

Особенно долго экспедиция задержалась в бухте Заворотная. Вначале это диктовалось только научно-исследовательскими работами, а потом неожиданными осложнениями, которые принесла с собой окончательно испортившаяся погода.

В здешних местах байкальская волна наиболее активно изменяет профиль дна и берега. Ученые решили лучше ознакомиться с этим явлением и потому не оставляли без внимания ни одну отмель, ни одну лагуну.

Григорий Иванович тщательно обследовал намытую волнами песчано-галечную грядку, которая вот-вот сомкнется с берегом и отторгнет от Байкала еще одно маленькое озерко. В течение нескольких часов его высокая плотная фигура маячила у треноги теодолита, постепенно продвигаясь вдоль гряды. Под вечер катер было вышел на промеры глубин, но усилившийся «верховик» развел такую крупную волну, что ученым пришлось отложить исполнение своих замыслов до утра.

Волей-неволей каждый занялся своим делом. Члены судовой команды отправились «колотовать» — так на Байкале называется ночной способ рыбной ловли с помощью сетей и всевозможных шумовых эффектов, загоняющих рыбу в сеть. Мы с Григорием Ивановичем отправились на слабый огонек в одиноком домике на берегу. Хозяином его, к нашему удивлению, оказался молодой худощавый паренек, живущий здесь в совершенном одиночестве. Он был сезонным приемщиком рыбы и сторожем немудреного приемочного хозяйства. Компанию с ним разделяли лишь две сибирские лайки.

Встретил он нас спокойно и, пожалуй, даже безразлично, будто и не было у него позади многих дней и ночей одиночества и будто не дремучий лес шумел вокруг, а по крайней мере городской парк, посетители которого ему уже порядком надоели. Не сразу включился он и в беседу, хотя по всему было видно, что по натуре он человек не замкнутый. Особенно выдавали его живые карие глаза, в глубине которых то и дело вспыхивали умные волевые огоньки.

Пока Григорий Иванович уточнял с ним некоторые особенности охоты и рыбной ловли в здешних местах, я рассматривал скромное убранство избы. Оно, пожалуй, красноречивее слов говорило о занятиях и спартанском образе жизни этого паренька. С большой русской печи, занимавшей значительную часть избы, свешивалась шкура медведя. За редкой переборкой, сбитой из грубо обтесанных досок, виднелся топчан, прикрытый кое-как наброшенным одеялом. На столе и подоконниках в беспорядке лежали патроны, пыжи, сухие батареи от радиоприемника, какие-то банки и склянки, старые книги и журналы. Тут же стояли две керосиновые лампы. На одной из стен, старательно украшенной крыльями и перьями птиц, висело ружье. В углу виднелся небольшой запас провизии.

Несколько выкуренных папирос и обещание начальника экспедиции поделиться с хозяином избы хлебом и порохом окончательно сломали лед равнодушия, и разговор пошел веселее.

Как выяснилось из беседы, паренек — потомственный охотник. Сызмальства бродил он с ружьем по тайге и иной жизни себе не представлял. Но вот с помощью учительницы он приобщился к азбуке, начал почитать книги и его неудержимо потянуло в новый, неведомый мир. Хотел было сразу податься в город, где обучают людей разным наукам, да вот духу не хватило. И паренек решил приобщаться к новой жизни постепенно, так сказать, с остановками на промежуточных трудовых станциях. Вот и оказался здесь, на этом приемном пункте. И хотя до города еще далеко, на сердце у парня легко — теперь он уже наполовину промысловик, а наполовину рабочий человек. Правда, рыбацкие катера заходят в Заворотную бухту лишь в пугину, да и то ненадолго. Но это не очень печалит парня — все-таки он на пути к своей цели.

Опыт бывалого таежника выручает его и здесь. Он сам готовит себе пищу и стирает белье, убирает жилище и обогревает его. Основные продукты ему завозят. Но в этом и нужды-то большой нет — в Байкале да в тайге сущие закрома продовольствия. Та же закалка таежника дает ему необходимые силы, чтобы не падать духом, когда его одинокая избушка, затерянная среди девственной природы, скрипит и содрогается под напористым ночным ветром, густо сдобренным грозным шумом леса и моря. А когда становится уж очень тоскливо, парень впускает в избу своих верных друзей — сибирских лаек.

Но теперь ему уже недолго ходить по родной тайге. Скоро он будет в городе. Скоро постучит в заветную дверь.

Ну что ж, в добрый час, молодой труженик!

Утро следующего дня встало над Байкалом ветренное и холодное. Поэтому было решено тотчас же после промеров глубин отправиться дальше и засветло добраться до мыса Лударь. В пути намечалась только одна короткая остановка для смены ацетиленового баллона на маяке и осмотра небольшого участка берега. Но пришли мы в намеченный пункт намного позже.

Работники службы сигнализации довольно легко справились со своей задачей. С учеными же приключилось маленькое происшествие. Как только катер пристал к берегу, Григорий Иванович отправился на песчаные отмели, а Борис Филиппович Лут и Людмила Караваева — на осмотр берегов озера, расположенного неподалеку. Вскоре начальник экспедиции возвратился и, присев на камень, стал поджидать своих помощников. Время сбора давно уже прошло, а ушедшие все не возвращались. Григорий Иванович с недоумением посматривал на часы, но продолжал терпеливо ждать. Вдруг откуда-то слева донеслось несколько выстрелов. Они встревожили всех.

— Никак наши палят? — махнул рукой капитан в сторону выстрелов.

— Может быть, заблудились, — неуверенно сказал механик.

— Идя вокруг озера, заблудиться трудно, — отзывался Галазий.

— Наверное, там что-то случилось, — не унимался механик.

— Ну-ка пальните, — предложил капитан.

Над катером грохнуло несколько выстрелов. Как бы в ответ из лесу донесся одиночный выстрел.

— Что там еще? — с тревогой спросил Григорий Иванович и поднялся: — А ну-ка, идемте!

Через полчаса мы увидели по пояс мокрых Лута и Караваеву. Они шли к нам навстречу в сопровождении Михаила Минеева.

— Что случилось?

— Да вот искупались немного, — улыбнулся Лут.

— Как же это?

— На месте того самого ручейка, о котором на катере говорили, — начал Лут, все так же добродушно улыбаясь, — оказалась настоящая речка. Видимо, вчерашним штормом в озерко воды нагнало, а сегодня она хлынула обратно. Чтобы возвратиться прежним путем, нам нужно было снова обходить чуть ли не все озеро. Это считайте не меньше десяти километров, а тут через ручей рукой подать до катера. Вот мы и решили форсировать его, чтобы сэкономить время. Разыскали поваленное дерево, подтащили к ручью, но его тут же унесло. Тогда разыскали другое, побольше. Однако и его постигла та же участь. Пришлось искать третье дерево, еще более крупное. Наконец нашли, кое-как завели его поперек ручья. Люда перебралась благополучно, а меня вершина не выдержала, хрястнула, и я загремел в воду. Люда бросилась помочь, но поскользнулась и тоже угодила в ручей. Вот и вся история.

— Чего же вы так отчаянно палили? — поинтересовался Ахромович.

— Это вот из-за него, — поднял убитого зайца Михаил Минеев.

— А разве вы вместе ходили?

— Да нет, я бродил здесь в ожидании их. И совершенно случайно стрелял, когда они купались.

— А мы думали, что это вы подаете сигналы бедствия.

— Нет, — засмеялась практикантка, — бог миловал.

— Ну что ж, товарищи, — зарокотал своим мягким грудным басом Галазий, — инцидент, как говорится, исчерпан, можно и по коням.

Все дружно повернулись и, не переставая шутить над неудачниками, быстро зашагали в сторону катера...

На седьмые сутки плавания «Альбатрос» миновал мыс Елохин, где кончается территория Иркутской области, и пошел водами соседней Бурятской АССР. Слева по борту в синеватую высь просветлевшего неба взметнулись пики величественного Байкальского хребта, достигающие в этих местах своей наибольшей высоты — двух тысяч шестьсот семидесяти трех метров.

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

Северный Байкал — один из богатейших промысловых районов «славного моря». Живут здесь в основном русские, буряты и эвенки — потомственные рыбаки и охотники. Они с одинаковым мастерством ловят рыбу, выслеживают зверя, перерабатывают дары моря и тайги. Разнообразную продукцию из омуля, сига, харнуса, тайменя, язя и окуня (особенно в консервированном виде), а также отличные меха соболя, ондатры и белки хорошо знают не только в Сибири, но и во многих городах Европейской части страны. Административным, экономическим и культурным центром этого отдаленного и своеобразного района является Нижне-Ангарск, расположенный на самой северной излучине Байкала. Поскольку здесь завершилась первая половина экспедиционного маршрута и необходимо было решить ряд назревших вопросов, все с нетерпением ждали прибытия в райцентр.

У всех были свои заботы. Григорий Иванович, основательно поработавший на предыдущих остановках, собирался на обратном пути расширить зону промеров глубин и потому намеревался позаимствовать у рыбаков несколько банок лент эхолота. Капитан и корабельный кок Александра Ивановна торопились пополнить запасы продовольствия и организовать баню. Мы же хотели поближе познакомиться с этим краем вообще.

В здешних местах в Байкал впадает Верхняя Ангара. По утверждению некоторых ученых, она является родоначальницей Ангары, с шумом вытекающей из Байкала около Листвянки, то есть почти на шестьсот километров южнее. Еще накануне мы попытались выяснить научное обоснование столь странной родственной связи двух рек, по существу никак между собой не связанных. Однако нам пришлось довольствоваться лишь эвенкийской легендой.

В ней говорится о том, что у седого и могучего Байкала было много дочерей. Все они были работающими, старательными и несли отцу свою богатую добычу, собранную в горах и лесах. И только одна Ангара бесшабашно транжирила семейное добро. В одну из темных ночей она вообще покинула отчий дом и направилась к молодому красавцу Енисею. Узнал об этом Байкал, рассердился. Пытаясь остановить беглянку, схватил он большой камень и бросил его на землю перед самой Ангарой. Но она разрушила соседние горы и помчалась дальше.

В страшном гневе Байкал проклял непослушную дочь и отнял у нее самое дорогое — имя. Только на тысячу верст успела Ангара убежать от дома, когда настигла ее страшная кара отца. Она вынуждена была принять новое имя Верхней Тунгуски. А седой Байкал, успокоившись, отдал отнятое имя своей младшей дочери, постоянно приносившей богатую добычу с далеких Верхних гор. И стала эта дочь называться Верхней Ангарой.

Большой интерес вызывали у нас остатки рыбацкого поселка Чичевки, из которого возник Нижне-Ангарск. Это о нем один из путешественников писал в прошлом веке: «Вообще Чичевки так близко стоят к воде, так со всех сторон окружены водою, так разделены водою на части и так вместе с тем связаны через нее же, что, пожалуй, напоминают миниатюрную Венецию. Как и там, здесь сваями укрепляют готовые расползтись берега, искусственно создают и укрепляют почву под новые постройки, лишь к лодке прибегают как к средству передвижения».

В старину в этом поселке проводились ежегодные осенние и зимние соболиные ярмарки, собиравшие большое количество купцов и промысловиков ближней и дальней тайги. Короче говоря, Северный Байкал подкупал своими, только ему свойственными красотами и откровениями. Не удивительно поэтому, что, как только в туманной дымке солнечного утра показался Нижне-Ангарск, все участники похода высыпали на палубу.

Надо сказать, Верхняя Ангара несколько разочаровывает поначалу. Она совсем не похожа на свою старшую сестру, протекающую около Иркутска: узка, мелка, мутна. Зато дельта ее под стать любой полноводной реке. Она занимает около пятисот квадратных километров и может

быть по праву названа краем тысячи протоков, озер и островов. Весной сюда прилетают несметные стаи птиц, а осенью речки кишат рыбой, идущей на нерест. Экономическая выгода продиктовала в свое время местоположение Чичевков. Возможно, они и по сей день стояли бы на своем старом месте, если бы не крупнейшее наводнение 1932 года. Оно сильно разрушило поселок и вынудило его жителей перебраться на более высокую материковую часть берега. Лишь несколько «северобайкальских венецианцев» остались верными выбору дедов и отцов и не пожелали покидать обжитых мест. Их немногочисленные дома и постройки можно и поныне видеть на плоскобережных островах дельты.

Неподалеку от Чичевков, опять-таки поднимаясь у самой воды, встают строения Нижне-Ангарска. В основном они раскинулись на отлогой береговой полосе. Но часть новых домов начинает заметно подниматься в гору, поросшую молодым густо-зеленым сосняком. Как и во всяком районном центре, здесь давно уже вошли в обиход электричество, радио, телефон. Работают почта и телеграф, школа, клуб, библиотеки, несколько магазинов и столовых. По улицам в разных направлениях движутся велосипеды, мотоциклы, легковые и грузовые автомашины. Со всех концов поселка хорошо видны добротные постройки пункта «Заготпушнины», где сосредоточивается «мягкое золото» северобайкальской тайги.

Из предприятий ведущее место здесь занимает рыбоконсервный комбинат, созданный в годы Великой Отечественной войны. Это высокомеханизированное производство, многие трудоемкие процессы которого автоматизированы. Люди в белых халатах работают здесь в безупречно чистых цехах. Почти всем сложным оборудованием мастерски управляют вчерашние рыбаки и охотники. Когда мы поинтересовались лучшими из них, нам, не задумываясь, назвали десятки имен. За минувшее пятилетие комбинат удвоил выпуск продукции. С переходом в новые цехи, поднимающиеся на южной окраине поселка, объем производства увеличится втрое.

Все говорило о том, что и здесь, в этом далеком сибирском краю, дыхание времени ощущается в полную силу.

Учитывая, что летняя путина давно уже закончилась, мы не надеялись увидеть рыбаков Северного Байкала не-

посредственно за работой. Но по ходу дел в Нижне-Ангарске у нас возникла необходимость встретиться с председателем райисполкома. Его на месте не оказалось, и на наш вопрос, где он, последовал довольно странный ответ: «На хаповом лове». То же самое услышали мы и в приемной секретаря райкома партии. Будучи затем у редактора районной газеты «Красный байкалец» Дробышевой, мы поинтересовались, что означают подобные ответы. Вначале она только грустно улыбнулась, а потом заговорила с горечью и возмущением:

— Уже по тому, как в народе окрестили этот метод лова, вам должно быть понятно, что это такое. Это порождение бесхозяйственности. Это погоня за планом и благополучием во что бы то ни стало. Ведь чтобы поймать рыбку в море, за ней надо основательно погоняться, а потом, найдя ее, не менее основательно поработать. В нашем же районе решили, что легче выждать, когда рыба пойдет в реки на нерест, потом перегородить эти реки сетевыми ловушками и на обратном пути сцапать ее всю до единой. Решили и вот уже несколько лет подряд внедряют в практику. В общем, вы непременно побывайте в бригадах, занятых хаповым ловом, и своими глазами посмотрите, как мы сами себя обкрадываем, — настоятельно посоветовала Дробышева.

И вот уже «Альбатрос» осторожно идет по одной из многочисленных протоков Верхней Ангары. По всему чувствуется, что где-то там впереди действительно кипит работа. Навстречу нам то и дело попадают катера и моторные лодки. Все они доверху нагружены свежей рыбой.

Часа через два наш катер швартуется у Холодного плеса. Он основательно обжит. Об этом свидетельствуют причальные мостки, дощатые склады с весами, бочками и ящиками. Неподалеку темнеет старый бревенчатый дом, а чуть дальше еще один. Среди оголенных кустов тальника блестит свежим тесом недавно выстроенный ларек.

Еще издали мы замечаем на реке какое-то странное сооружение, похожее на гигантского осьминога. Его деревянный остов лежит на воде, а сети, будто шупальцы, раскинутые в разные стороны, многократно опоясывают реку. Тут же стоят пузатые лодки-мореходки и неторопливо расхаживают люди в фуфайках, поблескивающих рыбьей чешуей. Без слов ясно — мы у цели своего путешествия.

Как только рыбаки узнают, что к ним в гости приехали ученые, напряженность первых минут встречи быстро исчезает. Они охотно отвечают на все вопросы, знакомят прибывших с устройством ловушки. Все двадцатиметровое русло реки Ангаракан перегорожено тройным рядом сетей. Первая воронкообразная сеть направляет рыбу в предварительную ловушку. Вторая завершается большим карманом-петлей, окруженным дощатыми мостками. В нем-то рыба и заканчивает свой долгий и многотрудный путь на нерест. С помощью саков — плетеных сеток, прикрепленных к длинным шестам, — она периодически вычерпывается в лодки. Если же иная пронырливая рыбешка все-таки проскочит через двойной заслон сетей, она непременно попадается в третью, контрольную сеть. Предусмотрена возможность ухода рыбы и через другие протоки Верхней Ангары: у их выхода из основного русла установлены направляющие стенки из сетей.

— Это что же, коллективное изобретение или кто-то один придумал? — спросил Лут стоящего рядом с ним рыбака с открытым обветренным лицом. Тот долго морщил лоб, потом беспомощно развел руками:

— Вот чего не знаю, того не знаю.

— Этого, паря, никто не знает, — вмешался в разговор бригадир. — Давно ведь так-то промышляем.

— И много берете здесь?

— Да, почитай, половину годового плана.

— А не кажется вам, что при таком способе лова в Байкале в конечном счете ловить будет нечего? — осведомился начальник экспедиции. Вначале ему никто не ответил, а потом вдруг заговорили чуть ли не все разом. Совершенно неожиданно для нас мнения рыбаков разделились. Бригадир вскинул на ученого черные колючие глаза и почти сердито прохрипел простуженным голосом:

— До нас ловили не переловили, и нам этого бояться нечего.

— Так-то оно так, да не совсем, — возразил Галазий.

— Чего там не совсем, — решительно сдвинул на затылок шапку-ушанку низкорослый краснощекий крепыш. — Море большое, и этого добра в нем на всех хватит.

— Ты подожди, Захар, кипятиться, тебе дело говорят, — урезонил его седоусый старик.

— Какое там дело?

— Тогда скажи — почему омуль начал мельчать? Бывало во-о каких ловили, а теперь все боле мелюзга идет.

Парень только пожал плечами и начал молча скручивать сигарку.

— Так ведь мы же ему житья не даем, — резонно заметил другой молодой рыбак. — Чуть только оперится, сунется на первый нерест, тут ему и крышка.

— Вот то-то и оно. А чтобы богато жать, нужно богато и сеять или уж по крайней мере не мешать тому, что растет само по себе.

— Хо-хо, сеять! Да у нас на Байкале рыбозаводных заводов раз-два и обчелся.

— А ты разгороди вот эти хапуги, и неизвестно еще, нужны ли будут такие заводы.

— Ну уж и сказал.

— А что сказал. Ведь так-то промышляют почти на всех реках Байкала.

К дощатому причалу ловушки подошел очередной баркас. Рыбаки неторопливо разошлись по местам, и через минуту воздух над рекой снова засеребрился отчаянно трепещущей рыбой.

Мы поднялись на берег и молча стали наблюдать печальную картину. Но изменить что-либо мы были не в силах — на стороне этих людей многолетняя практика, задания, а также всевозможные приказы, дополнения и изменения к ним, по существу узаконившие хаповый лов.

Но кто, кто все-таки породил его? Кто первым разрешил? Почему с этой негодной практикой мирятся органы рыбнадзора и местные органы власти? Вот вопросы, которые один за другим рождались в голове и требовали ответа. И как-то забылся давно уже мучивший нас голод, менее холодным показался резкий, пронизывающий ветер.

Видимо, почувствовав наше настроение, к нам подошел бригадир и начал усиленно зазывать всех в избу, на свежую рыбацкую уху. Однако, заметив, что ученые не торопятся принять его предложение, он несмело добавил:

— Ежели же какие вопросы будут, так ведь их можно и в тепле порешить.

— И то верно, — согласился начальник экспедиции и первым зашагал от реки.

В просторной избе, наполовину занятой нарами, было тепло и пахло древесным дымком. Дородная женщина, хлопотавшая у плиты, решительно сбросила с ближайшей скамьи несколько дубленых полушубков и радушно пригласила всех садиться. Тотчас же был наведен порядок и на большом столе, сколоченном из толстых сосновых досок. Вошедшие, однако, предпочли некоторое время потоптаться около пышущей жаром печи, пройтись из угла в угол и только после этого заняли облюбованные места. Начался разговор о всякой всячине.

Вскоре в избу шумно ввалились рыбаки, закончившие выгрузку омуля. Сразу стало тесно. Не переставая разговаривать, они разделись, по-хозяйски придвинули к столу скамьи и сели. Через некоторое время говор несколько стих — все начали дружно орудовать ложками.

За столом никто не касался хапового лова. Зато когда чашки с наваристой ухой опустели и над столом за клубились табачные дымки, в просторной рыбацкой избе разгорелся настоящий спор. Одна часть рыбаков горячо отстаивала убеждение о неисчерпаемости байкальских рыбных богатств. Другая — горой стояла за ученых, доказывавших безрассудность подобной теории. Но чем дольше продолжался этот разговор, тем яснее становилась правота последних — рыбный промысел на Байкале нуждается в поправках, и весьма существенных.

В устах ученых особенно убедительно прозвучали цифры и факты, позаимствованные из трудов известного гидробиолога профессора М. М. Кожова и ихтиолога доцента К. И. Мишарина. Оказывается, добыча рыбы на Байкале в настоящее время остается примерно на одном и том же уровне, а по некоторым наиболее ценным породам рыб даже уменьшается. И это при условии, что общая организованность промысла и его техническая оснащенность из года в год повышаются, а к руководству бригадами, колхозами и трестами приходят люди, специально подготовленные в средних и высших учебных заведениях. Неизменно улучшается и промысловая разведка. Кормовых же запасов на Байкале не занимать.

Из своей собственной практики рыбаки вспомнили — одни охотно, другие не очень — немало примеров, подтверждающих правоту этих выводов. Как они промышляли на том же Северном Байкале до войны? В основном

с помощью гребных лодок и самых обычных сетей и неводов. А теперь? Весь летний промысел переведен на моторы, сетевой лов рыбы производится капроновыми сетями. На путях миграции омуля, которые теперь знают с научной достоверностью, устанавливаются десятки ставных неводов. Все главнейшие тони закидных неводов, резко увеличенных в размерах, полностью механизированы. А вот уловы действительно держатся почти на одном и том же уровне.

Сторонники убеждения неисчерпаемости рыбных богатств Байкала как-то заметно стихли и все внимательнее слушали доводы своих «противников». Действительно, никто не может сказать, что на Байкале и в его бассейне естественные условия воспроизводства рыбы изменились. Они остались прежними. Значит, причины снижения запасов рыбных богатств «славного моря» следует искать не в стихийных силах природы, а в самой практике рыбного хозяйства и промысла.

И когда речь снова зашла о хаповом лове, его сторонники защищались уже не очень активно. Да как им было защищаться, если приводились такие разительные факты.

Плодовитость к рыбе приходит с возрастом. Но дожить до полной зрелости ей почти невозможно — по пути на нерест, и без того трудному из-за многочисленных перекатов, коряг и завалов, ее поджидают самые различные искусственные ловушки. Причем одни из них, скажем, применяющиеся на реках Верхняя Ангара, Селенга и притоках, впадающих в Чивыркуйский залив, вылавливают почти весь отнерестовавший, или, как его здесь именуют, покатный омуль. Другие же, используемые на Баргузине, Большой Речке и на той же Селенге, активно действуют даже в период икрометания. Зимой же, когда начинается подледный лов, нередко полностью уничтожаются сеголетки нерестилища. Спрашивается: откуда можно ждать умножения рыбных косяков Байкала?

Конечно, не от существующей практики рыбодобычи! Теперь это уже стало ясно, пожалуй, всем присутствующим в избе. И не поэтому ли так оживляются рыбаки, когда речь заходит о необходимости быстрее проведения ряда практических мер для того, чтобы из года в год полнились уловы рыбы, чтобы все дальше и дальше расходилась добрая слава о байкальском омуле. Прежде

всего надо расчистить путь миграции рыбы как от естественных, так и от искусственных заграждений. Понятно, в первую голову придется покончить с халовым ловом.

А потом всем миром навалиться на искусственное разведение рыб. Жизнь показывает, что и это дело хорошее. Вот жаль только, что из всех ранее предложенных учеными рыбообразных заводов до сих пор еще ни одного не построено. А ведь и места-то, кажется, выбраны отменные — Малое море, Чивыркуйский залив, Селента, Кичера, Кика, Верхняя Ангара... Неплохо, конечно, было бы расширить и существующий, пока единственный на Байкале, Большереченский рыбообразный завод, а также создавать на время нереста заказники на соседних речках — Большой, Култушной, Абрамихе, Толбузихе и в Посольском соре. Все это в ближайшие четыре-пять лет могло бы удвоить запасы рыбы в Байкале...

Опасливо обходя мели и коряги, «Альбатрос» спускался вниз по реке. Когда он проходил мимо острова, густо поросшего невысоким лесом, из прибрежного кустарника раздался хриповатый голос:

— Э-тей, на катере!

— Чего там? — сердито отозвался помощник капитана, стоявший у двери рулевой рубки.

— Прихватите до райцентра. Позарез нужно, — с этими словами к воде вышел невысокий коренастый мужчина в телогрейке и шапке-ушанке, лихо сбитой на затылок. Махнув рукой куда-то в сторону, он добавил: — Зверье везем.

Капитан, стоявший у штурвала, вопросительно взглянул на Галазия.

— Надо взять, — не задумываясь согласился тот. Слугин молча кивнул головой и, чуть приглушив мотор, оценивающим взглядом окинул берег...

Один из принятых на борт пассажиров оказался лесничим. Два других — потомственными охотниками-промысловиками. Жили они где-то в дальней тайге и, как уверяли, раз в году видели новых людей. Но это, судя по дальнейшей беседе, не очень-то мешало им знать, чем живет Большая земля и что происходит на белом свете. Поначалу все внимание обитателей судна сосредоточилось на пленниках, заточенных в клетки. Это были ондатры. Они переселялись на новое местожительство. Почти все время

зверьки торопливо перебирали передними лапками, подносили их к остроносым мордочкам и что-то старательно жевали. Было невозможно определить — напуганы они своим заточением или совершенно безразличны к нему.

Свою родину — Северную Америку — ондатра покинула лет пятьдесят назад. Ее вывезли для расселения в Чехословакию. Потом в 1955 году она появилась в Финляндии, а вслед за этим — в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Югославии. На советской земле этот зверек начал обживаться с 1927 года. У нас он нашел так много рек, озер, болот и прудов, пригодных для жизни, что за короткое время занял площадь, значительно превышающую территорию, обжитую на родине.

Внешне ондатра очень похожа на большую крысу. Кстати, она и называется-то по-другому — мускусная крыса. Вес ее достигает одного килограмма, а длина тела — около тридцати сантиметров, не считая хвоста примерно такой же длины. Обладая густым шелковистым мехом охристо-рыжеватой или черно-бурой расцветки, ондатра — весьма желанный трофей для многих охотников. Живет она либо в норах на высоких берегах, либо в конусообразных домиках, которые сама искусно возводит из веток растений на низких берегах. И то и другое жилище связано с внешним миром только через подводный ход. Зимой зверек добывает корм подо льдом, поэтому вообще не выходит на поверхность. Питается ондатра в основном молодыми стеблями, листьями и побегами тростника, камыша, осоки и других водяных и болотных растений.

Образ жизни наложил свой зримый отпечаток на внешний облик ондатры. У нее имеются зачаточные плавательные перепонки, дополняемые при движении под водой густыми жесткими волосами, растущими на краях подошвы и задних конечностях. Губы, которые могут плотно смыкаться между коренными зубами и резцами, то есть оголять челюсти, позволяют ондатре, не раскрывая рта, перегрызать под водой различные растения.

— Трудно добывать такого зверя? — поинтересовался Лут.

— А чего тут трудного-то? — простодушно отозвался коренастый охотник. — Приходи и бери.

— Так уж — «приходи и бери», — недоверчиво взглянул на него механик.

— Да ведь она же глупая, подпускает на выстрел за- просто, а хаты ее мы все наперечет знаем.

— Ну, а все-таки, как же вы ее добываете? — повто- рил свой вопрос Борис Филиппович Лут.

— Это смотря по сезону, — ответил все тот же коре- настый, явно польщенный таким вниманием к своим под- опечным. — Зимой, скажем, берем их в домишках и про- душинах капканами и деревянными ловушками. Весной, когда зверь начинает шнырять по протокам и полыньям, отстреливаем его мелкокалиберками и ловим мордами — так у нас зовутся ловушки из проволоки. А летом и осенью пускаем в ход все сразу.

Вскоре обнаружилось, что второй охотник — старый медвежатник. Ондатры были враз забыты. К сожалению, он оказался человеком менее разговорчивым, чем коре- настый, и долго отвечал на вопросы довольно односложно.

— Часто ли встречаются медведи?

— Бывает. Вот и сюда ехали, спугнули одного рыбо- лова.

— Какого рыболова?

— Да медведя. Сидел на коряге и выбрасывал на бе- рег больших рыб. Он мастак на такие штуки.

Однако слово за словом и дед Данила (так звали старого медвежатника) оживился. Под конец же при активной помощи своих товарищей поведал нам об одной из последних встреч с «хозяином тайги».

Было это вскоре после нового года. Мимо заимки про- езжал геолог и сообщил, что в районе высохшего ключа видел медведя-шатуна. Дед Данила тут же собрался и отправился к указанному месту. Прихватил с собой и лай- ку Найду, тоже старую медвежатницу. Действительно, вскоре он обнаружил свежий след медведя. Зная по опыту, что с таким зверем надо быть особенно осторожным, т. к. он голодный и злой, — охотник внимательно осмотрел след. И только было хотел свернуть на подветренную сторону, как услышал рядом с собой отчаянный лай со- баки. Почти одновременно увидел он, как огромный ко- солапый зверь метнулся между кустов. Этого оказалось достаточно, чтобы старый охотник поймал на мушку лобастую башку медведя. Грянул выстрел, лес огласился страшным ревом, и, как-то сразу обмякнув, зверь рухнул на кучу валежника. Озлобленная Найда бросилась туда

же. По привычке охотник не мешкая перезарядил ружье. А когда оторвал от него глаза, сам себе не поверил: снег над валежником быстро приподнялся, и совершенно не-вредимый зверь недобро глянул на охотника зелеными дремучими глазками. «Бог мой!» — попятился дед Данила, в жизни не знавший промаха. Однако, не теряя времени, вскинул двустволку и спустил курок. Башка рывнула и исчезла.

Дед Данила тяжело вздохнул и раздумчиво покачал головой. Но едва лишь защелкнулся замок вновь перезаряженного ружья, как Найда снова залилась тревожным лаем. Охотник вскинул глаза и обмер: из валежника снова показалась та же самая башка с теми же недобрыми зеленоватыми глазками. Ничего не понимая, дед прицелился и нажал на курок. Но едва лишь отгремел выстрел, едва лишь медведь исчез в валежнике, как снова с ревом взметнулся оттуда.

Впервые за свою долгую жизнь дед Данила почувствовал, что силы покидают его. Однако руки, голова и глаза делали свое дело. Грянул четвертый выстрел, и охотник упал на снег. Очнулся от прикосновения чего-то мокрого, горячего и дышащего. Опять увидел те же зеленоватые глаза и, ошалело вскрикнув, вторично потерял сознание. Пришел в себя, услышав голоса. Это эвенки-охотники, проходившие неподалеку, свернули на частые выстрелы и обнаружили деда Данилу рядом с убитым медведем.

Оказалось, что первым выстрелом охотник действительно наповал убил шатуна. Тот рухнул рядом с берлогой, где залегла на зиму старая медведица с двумя медвежатами. Она-то и показалась из валежника. А вслед за убитой матерью поднялись и медвежата. В страхе дед Данила принял всех медведей за одного, а свою собственную лайку, начавшую было старательно облизывать лицо хозяина, тоже за медведя. Так охотник завалил сразу своего пятьдесят второго, пятьдесят третьего, пятьдесят четвертого и пятьдесят пятого медведя.

Среди слушателей, конечно, нашлись такие, которые заявили, что это обычные охотничьи рассказы. Но оба промысловика божились и клялись, что все поведенное — истинная правда. Для дальнейших уточнений времени уже не оставалось — впереди показался Нижне-Ангарск.

В КРАЮ ГОРЯЧИХ ИСТОЧНИКОВ КОЛХОЗНЫЙ КУРОРТ

Студеным солнечным вечером уходил «Альбатрос» в обратный путь. Погода заметно улучшилась, и это радовало участников экспедиции. У всех затеплилась надежда, что остальную часть программы удастся выполнить без особых тревог и осложнений. Кроме того, улыбалась и заманчивая перспектива: восточный берег обещал ряд новых «открытий» и весьма интересных знакомств.

На этот раз мы не обманулись в своих надеждах. Все способствовало успешному плаванию и завершению научно-изыскательских работ. Третья неделя похода окончательно убедила нас в том, что Байкал — неисчерпаемый кладезь «чудес» и «откровений».

Непосредственное знакомство с восточным берегом началось с посещения колхозного курорта. Он расположен в бухте Хакусы, глубоко вдающейся в материк и густо поросшей сосной, кедром, пихтой и березой. Здесь на поверхность выходят два горячих источника (кстати сказать, между ними бьет холодный родник), по составу очень близких к известным минеральным источникам. Пятигорска. Чтобы попасть на территорию здравницы, нам пришлось миновать арку с неизменным «Добро пожаловать!», установленную чуть ли не у самой воды, и длинную аллею, обрамленную с боков пышными зарослями стелющегося кедра. В конце аллеи открылись добротные срубленные жилые корпуса, столовая, клуб, подсобные службы. Чуть в стороне виднелся лечебный зал, окутанный белым облаком сероводородных испарений.

Летний оздоровительный сезон кончился, курорт пустовал, и поэтому ничто не нарушало дремотной тишины леса. Мы обошли все лечебные помещения. Даже без мебели и оборудования, по-хозяйски убранных на зиму, они оставляли хорошее впечатление. Через большие окна и застекленные веранды в комнаты проникало много света и солнца. Полы, стены и потолки были настолько чисты, что казались вчера покрашенными и побеленными. В лечебном зале, где в отдельных кабинках установлено пять белых эмалированных ванн, та же опрятность и чистота. Великолепный воздух здешних мест отличался какой-то особой прозрачностью и пьянящими запахами хвои.

В конце обхода нам удалось встретиться с несколькими сотрудниками из обслуживающего персонала. Все они оказались старожилами Забайкалья и большими энтузиастами своего дела.

Курорт в Хакусах, рассказали они, создан общими усилиями рыболовецких артелей имени Ленина и «Победа». Основан он в 1953 году и рассчитан на лечение ревматизма, кожных заболеваний, болезней нервной системы, травматических повреждений костей, суставов и мышц. Рыбачья здравница работает в летнее время и принимает одновременно до сорока человек. Содержится она на средства колхозов, создавших ее, а медицинский персонал направляет сюда Министерство здравоохранения Бурятской АССР. О положительных результатах лечения на

этом не совсем обычном курорте лучше всего говорит тот факт, что сюда приезжают больные из соседних областей — Иркутской и Читинской.

Хакусовские минеральные источники не единственные на Байкале. Здесь их много. В Большереченском и Котельниковском, например, температура близка к кипению. От тридцати до шестидесяти градусов тепла имеют источники Чивыркуйского залива, а также Питателевский, Фролихинский, Давшинский и другие. Ежегодно они выбрасывают целую реку горячей воды, которой хватило бы для отопления домов среднего по величине города.

Эта необычная щедрость земли не могла, конечно, остаться незамеченной. Она привлекла внимание ученых, главным образом медиков, которые еще с прошлого века начали внимательно присматриваться к забайкальским и прибайкальским родникам. Постепенно выяснилось, что подавляющее большинство подземных ключей целебно. Прежде всего бросилась в глаза температура этих источников. У сибирских подземных вод она значительно выше, чем у кавказских. Скажем, температура Большереченского источника на двадцать семь градусов выше самого теплого источника Пятигорска и на сорок шесть с половиной градусов — самого горячего источника Мацесты. Такие же примерно характеристики получились у Гаргинского, Томпинского, Аллинского, Кулинских и некоторых других горячих ключей.

Большой практический интерес представляют родники Забайкалья и по химическому составу. Одни из них, например Горячинский, Курбуликский, Давшинский, Баргузинский, выносят на поверхность минеральную воду, насыщенную сероводородом. Другие же, как, скажем, Каргинский, Аллинский и Гаргинский, богаты сернистой водой. А неподалеку от них льют углекислые, щелочноземельные, сульфатные, щелочноглауберовые, углекисло-железистые, углекисло-железисто-содовые и даже радиоактивные ключи.

Нет, не случайно именуют Забайкалье краем горячих источников.

В ряде районов Бурятской АССР и Читинской области местные жители нередко угощают путников отличной газированной водой, которую берут из самых обычных колодцев. Вода эта очень напоминает нарзан либо боржом.

Многие из здешних целебных родников издавна служат человеку. Курорт Горячинск, расположенный неподалеку от рыбацкого поселка Турка, начал действовать еще в 1751 году, то есть на пятьдесят два года раньше Кавказских минеральных вод. Народное предание приписывает его открытие неизвестному охотнику. В одной из тяжелых схваток с дикими зверями собака охотника была сильно изувечена. Оставив ее около горячего источника, охотник продолжал промысел. Каково же было его удивление, когда по возвращении он увидел собаку совершенно здоровой. Ее следы, уходившие в воду, навели охотника на мысль о целебности источника. Тогда он сам залез в горячий ключ, и тяжкий недуг, долго мучивший его, как рукой сняло. Весть об этом быстро разнеслась по тайге, и жители ее начали лечить здесь многие болезни простудного, травматического и невралгического характера.

Горячинск сегодня — это курорт, оборудованный по последнему слову техники. У подножия высоких гор, в густом хвойном лесу раскинулись пять спальных корпусов на двести мест. Неподалеку от них высятся два ваннных корпуса, поликлиника, клуб, столовая, подсобные службы. Двери старейшей сибирской здравницы гостеприимно открыты круглый год.

В предгорьях Тункинских альп, обрамляющих Байкал с юга, расположен не менее известный курорт Аршан. Он славится великолепным горно-таежным воздухом и чудодейственными углекислыми водами, содержащими в три раза больше железа, чем известные источники Железноводска.

Минеральные источники принесли также широкую славу забайкальским курортам Ямаровка и Дарасун. Воды первого из них еще в девяностых годах прошлого столетия привлекли внимание алчных до наживы кяхтинских купцов. За бесценок скупив их, они запретили местному населению пользоваться целебными ключами и стали экспортировать ямаровскую минеральную воду за границу, что приносило им баснословные барыши. Только в наше, советское время этот чудесный источник поставлен на службу народу. В бывших купеческих дачах разместились лечебные кабинеты, лаборатории и жилые помещения отдыхающих. А рядом с ними поднялись новые жилые здания, ваннный корпус, лечебные корпуса.

Целебные свойства минеральных вод здравницы Дарасун очень велики. Отдыхающие недавно начали лечиться здесь водой новой скважины, содержащей свободной углекислоты втрое больше, чем кисловодские нарзаны.

Немало людей обязано своим здоровьем и менее известным минеральным источникам Забайкалья — Кислые Ключи, Шиванда, Олентуй, Ургучан, Ямкун, Шивия, а также грязевым лечебницам — Киран, Угдан и Колто-мойкон.

Байкал и прилегающие к нему земли имеют все необходимое для того, чтобы избавить сибиряков от дальних и дорогих поездок в Сочи, Кисловодск, Ялту и другие известные курорты страны. И климат здесь пусть несколько суровый, но зато отменно здоровый. Жители прибайкальских районов Л. А. Бородкина, А. Ф. Подглазова и Ф. Г. Баженова могли свободно потягаться по возрасту с известными кавказскими старцами. Они прожили соответственно сто сорок четыре, сто сорок два и сто сорок шесть лет. По сто с лишним лет дышали сибирским воздухом байкальцы П. В. Иванов, М. Ф. Нарожная, целая семья Лазаревых. И сейчас на Байкале нетрудно встретить рыбаков и охотников, хорошо помнящих события вековой давности.

Но право же, нельзя не согласиться с резонными претензиями и добрыми пожеланиями многих сибиряков. Как образно сказал один из работников колхозного курорта, «из моря забайкальских минеральных вод пока что в ванны попадают капли». И в самом деле, сколько еще целебных родников этих мест стекает в реки и озера, не принося человеку никакой пользы, сколько остается не исследованным до конца, сколько служит людям в своем первоизданном виде. Даже лучшим здравницам Сибири еще трудно тягаться своим внешним видом с блестящими архитектурными ансамблями южных курортов. А ведь они заслуживают, несомненно заслуживают внимательного и заботливого отношения к себе!

Представим на минуту, что на берегах «славного моря» поднялись новые белокаменные корпуса под стать сочинским и ялтинским. Как бы достойно украсили они эти благодатные места, а главное, как бы расширили возможности чудесного исцеления с помощью даров богатейшей сибирской земли!

Неполностью используются и многие возможности летнего отдыха людей на Байкале. На всем его побережье созданы лишь два дома отдыха и одна спортивная база. А их здесь должны быть десятки. На лоне байкальской природы есть чем заняться и молодым, и старым.

Здесь можно совершить увлекательное путешествие по воде, побывать в наиболее живописных уголках Байкала, любуясь по дороге и девственно-величественными берегами, и громадами вечнозеленых гор с белоснежными вершинами, и необычайно изменчивым цветом воды озера, и ярко-пышными зорями, и сказочно красивыми бухточками и лагунами. Можно наблюдать и такие редкие явления природы, как миражи, стоячие волны — «сейши», одновременно дующие встречные ветры, мертвая зыбь и много такого, что оставит незабываемые впечатления.

Но пока на Байкале нет ни одного туристского парохода, и поэтому попасть в наиболее живописные места довольно трудно.

Неограниченный выбор маршрутов найдут здесь любители походов и экскурсий. В их распоряжении едва приметные дорожки, проложенные по карнизам прибрежных скал, и звериные тропы тайги, и костры, которые они могут разжечь на берегу, и богатырский сон в палатках, разбитых под кронами вековых дремучих кедров.

Здесь есть немало уголков, где можно укрыться от жары, вдоволь накупаться и позагорать. Особенно легко это сделать в июле — августе на южном берегу Байкала, в районе дельты Селенги, в Баргузинском и Чивыркуйском заливах, около устья Верхней Ангары. Здесь вода — не без участия рек, конечно, — прогревается до двадцати — двадцати трех градусов, а песок пляжей, закрытых от ветров, нередко накаляется до сорока — сорока пяти градусов.

Если же туристов начнут особенно донимать зной и духота или вдруг разразится сильный ливень, они укроются в пещерах, гротах и нишах, которых на Байкале более пятидесяти. Эти замысловатые лабиринты в скалах представляют немалый интерес и для специальной экспедиции. Многие из них в прошлом были обитаемы первобытным человеком и до сих пор сохранили его следы.

Не вдруг исчерпает свои возможности и неутомимый альпинист. Находясь на западном берегу, он сможет

штурмовать вершины двух хребтов — Приморского и Байкальского. Высшей точкой траверсы будет гора Сияняя, взметнувшаяся над уровнем океана на две тысячи шестьсот семьдесят три метра.

Если же кто-либо облюбовет местом отдыха восточный берег «славного моря», то здесь ему придется выбирать между тремя хребтами — Баргузинским, Икатским и Улан-Бургасы. Прежде чем ступить на высочайшую вершину одного из них, нужно будет карабкаться по скалам чуть ли не трехкилометровой высоты.

Еще больше настойчивости и мастерства потребуется от альпиниста, заинтересовавшегося грандиозными уступами гор в южной части Байкала. Здесь можно совершить многодневное восхождение на крупнейший горный узел Восточных Саян — Мунку-Сардык. Он возвышается над всеми прибайкальскими вершинами и позволяет взглянуть на заоблачные выси почти с трех тысяч пятисот метров.

А какие удовольствия ждут на Байкале любителей охоты на пернатых! В дельтах Селенги и Верхней Ангары, на Рангатуйском соре и в других местах для них уготован настоящий рай. В период весенних и осенних перелетов здесь от птиц меркнет солнце, меняется цвет воды и берегов. Вот что рассказывает один из очевидцев, побывавший на Рангатуе весной: «Там, на озере, — всюду птицы. Птиц такое множество, что местами их плотные стаи совершенно закрывают воду и отмели. Неумолчный гомон, криканье, посвистывание, гогот, всплески стоят над озером и наполняют собой весь окрестный воздух. Временами на фоне этого гула вдруг возникнет треск, как будто начался горный обвал и покатались с кручи потоки камней. Шум растет. Над озером поднимается живая, колеблющаяся туча. Она проносится над водой, над тростниками, описывая большие круги. Это громадная стая уток, испугавшись, взвилась в воздух. Шум от многих тысяч крыльев подобен грохоту лавины. Но вот тревога миновала — и утки снова с шумом садятся на воду.

Разноголосый птичий гомон незадолго перед закатом солнца вдруг затихает, и воцаряется настороженная тишина. Как будто в торжественном молчании подготавливается что-то значительное. Оно и в самом деле так. Это отправляются в свой дальнейший путь перелетные птицы.

Отдохнувшие на Рангатуе, они собираются на плесах в плотные путевые стаи и ждут какого-то сигнала, чтобы подняться в воздух. Этот сигнал — время: солнце оповещает птиц своим последним оранжевым лучом, что пора!

Перелет начинают чирки. Они поднимаются над озером целыми тучами, делают широкие круги, набирают высоту и устремляются к северу. Стая за стаей взлетает с озера и наполняет посвежевший воздух свистом и хлопанием крыльев.

За чирками летят шилохвосты, проносятся косяки нырковых уток, потом гоголи. В небе слышится мелодичный перезвон крыльев, как будто к каждой птице привязана серебряная побрякушка.

Позднее поднимаются в воздух кряквы, они летят солидно и неторопливо. Уже в темноте, огласив окрестные тростники неистовым гоготаньем, отправляются в путь гуси-гуменники.

Откуда-то из-за озера появляются журавли. Их уже почти не видно в темнеющем небе, но зато долго слышится звонкое журавлиное курлыкание».

Одна такая зорька — и человек с ружьем кладет в рюкзак столько пернатых, сколько охотнику иных мест и во сне-то не приснится. Среди них могут быть и настоящие кряковые — серые утки и шилохвосты, свиязи, косатки, широконоски, клокуны; и нырковые — чернети, гоголи, тюрпаны, гаги, савки; и земляные утки — опари; разнообразность куликов — кроншнепы и многие, многие другие.

За ночь на смену улетевшим прилетят с юга другие птицы, и охотника вместе с утренней зорькой ждут новые радостные волнения и великолепный спортивный отдых.

ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

— А вы знаете о том, что на Байкале есть поющие пески? — спросил нас Григорий Иванович, когда «Альбатрос» вышел из бухты Хакусы и взял курс на мыс Турали. Мы сознались, что весьма смутно представляем себе эти пески, хотя когда-то и слышали о них...

— Тогда считайте, что вам повезло.

— Почему же? — вскинул глаза Василий Минеев, проявлявший пленку.

— А вот сейчас на мысе Турали вы увидите их своими глазами.

— Вы, наверное, хотели сказать: услышите своими ушами, — несмело поправила ученого Людмила Караваева.

— Вот за это я не могу поручиться, — улыбнулся Григорий Иванович в ответ. Однако, заметив недоуменные взгляды своих собеседников, пояснил: — Поют они не всегда, а при каких-то совершенно определенных обстоятельствах. Я говорю «при каких-то», потому что природа поющих песков до сих пор еще не полностью раскрыта наукой.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что подобные пески встречаются в пустынях и на берегах некоторых водоемов. Одни из них «поют» только ночью и в тихую погоду, другие оживают днем и при движении воздушных масс. Байкальские поющие пески особенно активизируются во время прибоя, сопровождаемого ветром.

Чем дальше затягивалась беседа, тем нетерпеливее ожидалось прибытие на таинственный берег. Как только катер сбавил скорость и начал подворачивать влево, все его обитатели высыпали на палубу. Еще издали четко обозначилась золотисто-желтая дюна, занимавшая всю береговую полосу неглубокой лагуны. Одной стороной она полого опускалась в воду, другой, круто взметнувшейся вверх, явно наступала на лес. Часть деревьев была уже наполовину засыпана ею.

Катер опустел, едва приткнувшись к берегу. И, пожалуй, впервые участники экспедиции пожалели, что стояла тихая погода: песок молчал. Но он не оставался совсем безразличным. При ходьбе песок издавал громкий скрип, очень напоминавший скрип кожаной обуви. А когда кто-то начал резко загребать его каблуками сапог, скрип усилился и перешел в отрывистый свист. На вертикальные удары палкой песок ответил слабым похрустыванием, очень похожим на хруст крахмала.

Пока Григорий Иванович осматривал дюну, а Людмила Караваева брала пробы, Михаил и Василий старательно щелкали затворами фотоаппаратов.

— Постойте-ка! — воскликнул капитан, — ведь у меня где-то хранится тетрадь, забытая студентом, приезжавшим сюда.

Вскоре он действительно вручил нам конспективные записи, принадлежавшие, видимо, будущему геологу, заинтересовавшемуся этим удивительным явлением природы. И вот что мы узнали из них.

Пение песков было замечено людьми еще много тысяч лет назад. Удивительная красота и глубина их тембра издавна поражала людей. Этим объясняется возникновение ряда легенд и преданий. Одни из них приписывают пение песков сиренам, коварно зазывающим усталых путников в глубь пустыни, другие — колоколам погребенных песками городов, третьи — оргиям покойников. Эти легенды у некоторых народов бытуют и до сих пор.

У нас в СССР поющие пески встречаются в нескольких местах. Очевидцы говорят, что у каждого из них свой «голос». Один путешественник, посетивший поющие пески терского берега на Кольском полуострове, наблюдал очень любопытную картину. Как-то в полдень во время сухой, солнечной и ветреной погоды он проходил мимо этих мест. Вдруг его внимание привлек высокий, мягкий свист, очень чистого музыкального тембра. Звук все время вибрировал, переливался, то нарастая, то спадая. Временами он напоминал звон, который сам собой раздается в ушах человека. Пораженный путник повернул к песчаной дюне и каково же было его удивление: на первые же шаги песок пляжа ответил глухим ворчанием. Это был не обычный скрип песка, а звук, напоминавший ворчание собаки. Он топнул ногой, песок взвизгнул... По мере приближения к дюнам ворчание под ногами становилось громче и выше по тону. Налетевший порыв ветра взметнул песок, и вокруг все зазвенело. Поразительна была при этом чистота звука, на близком расстоянии напоминавшего переливы флейты или «пиано» высоких нот органа. Путешественник снял рюкзак и бросил его на песок. Рюкзак покотился с резким, неприятным скрежетом.

Когда по поверхности песка он быстро проводил ладонью, получался звук, напоминавший вой маленькой сирены. Струйка песка, высыпаемого из руки, издавала высокий звенящий свист. Мешочек с песком при встряхивании точно влаивал.

Тембр звука зависел, видимо, от формы и твердости предмета, соприкасавшегося с песком. Тональность менялась в зависимости от скорости движущегося предмета.

Но в таком игривом состоянии пески, оказывается, бывают не всегда. Тот же путешественник на обратном пути снова навел странную дюну — она молчала.

О причинах пения песков высказывалось немало гипотез. Но ни одна из них не подтверждена пока научно обоснованными данными. Один ученый, изучавший музыкальные пески озера Мичиган, пришел к выводу, что звучание их зависит от трения песчинок, покрытых тонким налетом соединений кальция и магния. Он сравнивал это с движением смычка скрипки по струнам. Другой, изучавший пески Гавайских островов, обнаружил, что каждая из песчинок пронизана тонким каналом, открытым с одного конца. Он считал, что эти каналы играют роль резонаторов и что воздух в них приводится в движение трением песчинок. При смачивании каналы заполняются водой, трение уменьшается, и потому пески перестают звучать.

В последнее время ученые начинают склоняться к тому, что пение песков — это результат электрического насыщения песков и воздуха.

Тетрадь студента дала много пищи для споров и раздумий. Всем захотелось вдруг вновь взглянуть на байкальские поющие пески. Но они были уже далеко позади: слева по борту плыли скалистые отроги Баргузинского хребта. Островерхние вершины их местами щетинились густым таежным разнолесьем, местами были покрыты недавно выпавшим и потому удивительно белым снегом. Граненые пики гор ослепительно сияли и искрились в лазоревой вышине.

ДОРОГОЙ ОТВАЖНЫХ

Над закатным Байкалом как-то неожиданно возникла тихая, задумчивая песня. Ее начал робкий, неуверенный девичий голос.

Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет...

Слова припева негромко подхватил мужской голос, и песня, окрепнув, неторопливо поплыла над пурпурно-оранжевой водой бухты, над ее мрачно-молчаливыми скалами.

Василий Минеев, разжигавший костер, настороженно приподнял голову.

- Неужели это наши поют?
- Похоже, что да, — подтвердил Лут.
- Молодцы.

Неожиданно песня оборвалась. Некоторое время мы сидели молча, ожидая, что снова услышим ее. Но кругом снова воцарилась тишина, которую лишь изредка нарушали еле слышные всплески волн. Лут подошел к обрыву и, осторожно заглядывая вниз, негромко крикнул:

— Эй вы, артисты, тащите скорее воду, а то рыбу мыть нечем.

— Сейчас, — помедлив, откликнулись снизу.

Последний луч солнца, как бы прощаясь с нами, блеснул в иллюминаторах «Альбатроса», стоявшего на рейде, и скрылся. Почти вслед за ним над далекими горами противоположного берега взметнулись гигантские крылья огненно-красной зари, а на воду легло ее багровое отражение. В хаотических нагромождениях скал бухты тотчас же по-хозяйски поселился холодноватый полумрак. Снизу от воды повеяло зябкой сыростью.

— Хороши все-таки байкальские зори, — как бы размышляя вслух, проговорил Лут.

— Это верно, — согласился Василий, раскуривавший трубку. — Жаль вот только, что зима уже начинает дышать в лицо.

— Ну, положим, сегодня погода божья.

— Это, наверно, потому, что в предыдущие дни Байкал расплескал свою удачу, а теперь затих, чтобы набраться сил.

— Самые свирепые штормы еще впереди, — утешил боцман, ломавший сучья для костра.

— Будет лучше, если мы не испытаем их на своих боках.

— Но ведь говорят, чтобы знать, что такое хорошо, надо знать, что такое плохо.

— Да мало ли что говорят.

На уступ скалы, где уже пылал веселый огонек, поднялись Людмила Караваева и Александр Ахромович.

— А-а, явились, наконец, артисты, — улыбнулся им навстречу Лут. — А я, признаться, и не подозревал у вас таких талантов.

— Так то ж не мы пели, — лукаво прищурился Ахромович.

— Кто же тогда?

— Да почему я знаю. Может быть, нерпы.

— Возможно. Все возможно, — понимающе кивнул головой ученый, принимая котелки с водой.

— А разве Григорий Иванович еще не вернулся? — удивился практикант.

— Как видишь.

— Тю-ю! А я то уже приготовился к приему царского ужина.

— Едва ли царю приходилось есть свежих байкальских омульков, приготовленных на костре.

— Ну и пусть ему хуже будет.

— Царю-то пусть будет хуже, а вот мы когда будем ужинать?

— Теперь уже скоро — священнодействие начинается, — торжественно объявил Василий, насаживая первого омуля на вертел.

— Похоже, наши и в самом деле задерживаются, — прислушиваясь к чему-то, проговорил Лут.

— А сколько они засечек собирались осмотреть? — поинтересовался Михаил.

— Одну. Там их больше нет.

— Может быть, они ее найти не могут?

— И это возможно. Ведь засечкам этим в субботу почти сто лет исполнится.

— Да, Борис Филиппович, — спохватился Ахромович, — вы обещали мне рассказать что-то интересное об авторе этих самых засечек.

Ученый, однако, не сразу ответил. Только передав Василию последнюю рыбину, насаженную на вертел, он раздумчиво проговорил:

— Это, брат, большой человек. Если можно так выразиться — герой от науки.

— А нельзя ли чуть-чуть поподробнее?

— Отчего же нельзя, конечно, можно, — добродушно согласился Лут. — Все равно сейчас делать нечего.

— Вот и чудесно! — радостно блеснул глазами Ахромович и поудобнее уселся у костра. Заметно насторожились и все остальные.

Борис Филиппович неторопливо вымыл руки, тщательно вытер их носовым платком и тоже подсел к огоньку.

— Засечки на скалах — и те, которые мы с вами ви-

дели, и те, которые сегодня осматривает Григорий Иванович, — начал он, — нанесены действительно давно и действительно руками человека, вся жизнь которого сплошной подвиг. Имя его Иван Дементьевич Черский.

На берега Байкала его привели довольно печальные обстоятельства. В 1863 году в Польше, как вы знаете, было крупное восстание против царизма. Кончилось оно полнейшим разгромом.

В числе многих тысяч осужденных оказался восемнадцатилетний слушатель виленского дворянского института Иван Черский. В солдатской одежде отправился он в свое первое путешествие на восток и вскоре был зачислен в Западно-Сибирский батальон, стоявший в Омске.

Но пытливый ум юноши не мог довольствоваться изучением одних лишь уставов. И Черский, несмотря на все трудности солдатчины, начинает самостоятельно постигать науки. Воспользовавшись приказанием командира навести порядок в офицерской библиотеке, он тайно перечитывает все имевшиеся в ней книги по геологии и зоологии. Все свободные часы Черский проводил за городом, занимаясь всевозможными раскопками.

Совместный этапный путь с товарищем по несчастью Чекановским, геологом по профессии, кратковременная встреча с академиком Миддендорфом и знакомство с будущим исследователем Монголии и Китая Потаниным, жившим тогда в Омске, окончательно разбудили в Черском естествоиспытателя.

Ни одуряющая муштра, ни строжайший казарменный режим, ни оскорбления и унижения не смогли убить в молодом солдате проснувшейся страсти. В окрестностях Омска он собирает свою первую коллекцию раковин, которая помогает маститым ученым Петербурга внести существенные поправки в прежние представления о затопляемости морем Барабинской низменности.

Будучи уволенным по болезни из армии, Черский вскоре же приглашается географическим обществом в Иркутск, где и находит свое настоящее призвание. Целкий ум, природное дарование, огромная работоспособность, а также знание французского, немецкого, английского и латинского языков помогают ему за короткий срок выдвинуться в число наиболее активных исследователей Сибири.

Свою научную деятельность в Иркутске Черский начинает в должности консерватора музея, а два года спустя уже отправляется в самостоятельную экспедицию в Восточные Саяны. Неумоимо продвигаясь вперед, бесстрашно преодолевая кручи и стремительные горные реки, он за короткое время трижды пересекает Тункинские Белки и дважды Китайские Гольцы.

Затем он попадает в восточную часть Хамар-Дабана, в Нижне-Удинскую и Балаганскую пещеры. В результате появляется первая геологическая карта юго-западной части Иркутской губернии, за которую Черского награждают серебряной медалью географического общества.

Но материальное его положение по-прежнему остается тяжелым. Он живет на мизерные гроши, нередко отказывая себе даже в самом необходимом.

В 1877 году Черский приступает к новой большой работе — изучению геологии околобайкаля. Ему поручают исследовать не только узкую береговую полосу, но и удаленные от нее районы. Он должен был отыскивать вулканические извержения пород, остатки ледников, устанавливать высоту хребтов, пределы прежнего распространения Байкала и его возможные связи с морем, изучать изменения берегов, делать засечки на скалах и многое, многое другое.

Широта изыскательной программы вдохнула в больного ученого новые силы. А тут еще впервые ему улыбнулось счастье в личной жизни.

С первых дней пребывания в Иркутске судьба привела его в одну из самых дешевых комнатушек Знаменского предместья. Здесь-то он и встретил человека, который вскоре стал самым близким и самым верным его помощником. Это была Мавра — старшая дочь хозяйки дома, где поселился ученый. Не умея читать и писать, она между тем все время проявляла живейший интерес к книгам. Черский заметил это и принялся обучать девушку грамоте.

Мавра оказалась очень восприимчивой натурой и преуспевала в ученье. Вскоре она уже безошибочно переписывала многие работы Чарского, свободно разбираясь в самых замысловатых понятиях. Между учителем и ученицей завязалась крепкая дружба, перешедшая потом в большое, настоящее чувство. А вскоре простая русская

девушка стала женой ученого и самоотверженно пошла с ним трудной дорогой скитальческой жизни.

Сделавшись семьянином, Черский испытывает еще большие материальные затруднения. Но он по-прежнему живет широкими творческими замыслами и мало обращает внимания на свое здоровье и бременные тяготы жизни.

В 1878 году Черский вместе с женой отправляется во вторую экспедицию на Байкал. Мавра Павловна самозабвенно помогает ему в работе — собирает образцы горных пород, ведет полевые дневники, варит обед, стирает белье. В свободные минуты ученый охотно просвещает жену, помогая ей лучше понять те или иные явления природы.

На следующий год ученый снова отправляется на Байкал, но уже без супруги — она остается в Иркутске в ожидании ребенка. До глубокой осени бродит он по берегам озера, а когда возвращается в Иркутск, цепенеет от ужаса — почти весь город лежит в пепелище. В огне пожара погибли все его коллекции, собранные в предыдущих походах. Сгорел и дом, в котором он жил. Жена, спасаясь от беды, едва успевает выехать из города и по пути в деревню, прямо в телеге, рождает сына. Только долгожданное пополнение семьи как-то приглушило боль большой утраты.

С трудом устроив семью в городе, Черский с удвоенной энергией принимается за восстановление погибших материалов и обработку только что собранных образцов. Одновременно идет подготовка к последней, заключительной экспедиции на берега Байкала.

Четырехлетние скитания по озеру и окружающим его горам дали ряд интересных трудов, важнейшим из которых явилась большая геологическая карта Байкала. Эта работа сразу же получила всеобщее признание: была удостоена золотой медали географического общества и демонстрировалась на одном из геологических конгрессов в Венеции.

Но чем больше заслуг появлялось у изгнанника, тем большее число интриганов и завистников начинало плести вокруг него свои подлые сети. В конце концов Черского совсем оттеснили от научной работы, и он, до глубины души потрясенный новой несправедливостью, серьезно заболевает. Появляются симптомы, грозившие полной сле-

потой. Следуя настоятельному совету врачей, ученый уступает в непосильной борьбе — он становится приказчиком мелочной лавки, открытой в Иркутске одним из ссыльных. Но, к счастью, это длится недолго. В 1885 году Черский получает, наконец, долгожданную свободу. Одновременно приходит официальное приглашение в Петербург, в Академию наук. И снова подымает голову упавший было духом человек.

По пути в столицу Черский осуществляет геологическое обследование сибирского тракта от Иркутска до Урала. Собранные материалы позволяют ему сделать новые интересные выводы, которые отмечаются географическим обществом медалью имени Литке.

Тепло встретил его ученый мир столицы. Вскоре Черский избирается членом многих обществ, в том числе географического, минералогического, естествоиспытателей, Московского археологического общества, Московского общества испытателей природы, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Но недолго пребывает ученый в тиши кабинетов, недолго пользуется благами жизни, завоеванными с таким трудом. Его неудержимо тянет в неизведанные края, и он снова покидает Петербург, отправляясь в далекое путешествие для изучения обширнейшей горной страны, расположенной в бассейне рек Яны, Индигирки и Колымы. Вместе с ним едут жена, двенадцатилетний сын Александр и племянник Дуглас.

Буквально за шлагбаумом столицы, как известно из писем, Черский почувствовал ухудшение здоровья, но вернуться назад и не подумал: всей душой он уже был на далеком Севере.

В середине июня 1891 года он во главе каравана из сорока четырех лошадей начинает из Якутска свой последний и, прямо скажем, беспримерный поход. С первого же дня все втягиваются в активную работу — изучают грунты, климат, животный и растительный мир, берут образцы пород. Нередко с трудом приходится пробираться сквозь буреломы тайги, изнемогая от усталости, брести по предательским болотам, карабкаться на головокружительные кручи и спускаться чуть ли не по отвесным склонам. В конце пути из-за густых туманов и снегопадов двигаться стало еще труднее.

Пройдя две тысячи километров, караван прибывает в Верхне-Колымск, где и останавливается на зимовку. Один из семи домов поселения быстро превращается в штаб-квартиру экспедиции. Из выючных ящиков и дверей, снятых с петель, сооружаются необходимые перегородки, полочки, шкафы и рабочий стол. Стараниями Мавры Павловны в доме наводится необходимый порядок.

Наступают напряженные трудовые будни. Черский приступает к обработке привезенных образцов, пишет отчеты для Академии наук, составляет различные карты и сводки.

С наступлением морозов у зимовщиков появляется много новых забот и неприятностей. Чтобы сохранять в доме хотя бы минимальное тепло, они вынуждены намораживать стены снегом, смоченным водой, а в окнах менять слюду на толстые прозрачные льдины. Вскоре им приходится резко сократить рацион питания, так как продукты, отправленные специальным караваном, застряли где-то в пути. Мучные изделия начинают постепенно заменяться блюдами, приготовленными из толченой рыбы, все реже и реже появляется на столе сахар. Вместо свечей зимовщики начинают пользоваться жировыми светильниками.

Но письма и отчеты, время от времени отправляемые Черским в Академию наук, дышат все тем же оптимизмом и неподдельным юмором. Он будто и не замечает все возрастающих ограничений и ухудшения здоровья и работает с раннего утра до позднего вечера. Заражаются его энергией и остальные.

К весне у Черского учащаются приступы удушья. Но он разворачивает деятельную подготовку к продолжению похода. Предчувствуя, однако, свой близкий конец, ученый втайне от жены составляет так называемый скорбный лист. В нем он завещает Мавре Павловне в случае его смерти принять руководство экспедицией и, только дойдя до Нижне-Колымска и сдав все собранные материалы, инвентарь и деньги экспедиции по назначению, считать оную законченной.

В конце мая 1892 года, когда Колыма освободилась от льда, Черский попросил перенести его в карбас — сам он ходить уже не мог — и экспедиция продолжала плавание.

Мужественный ученый попрежнему неутомимо ведет наблюдения за берегом, заносит в дневник все, что может представить интерес для науки. Мавра Павловна с сыном собирают по его указанию необходимые образцы, осматривают наиболее интересные участки берега. О надвигающейся трагедии никто не говорит ни слова.

В середине июня Черский чувствует себя еще хуже: он уже не может лежать и все время проводит сидя. Но это не нарушает установленного им распорядка дня. По-прежнему с утра и до вечера ведутся все необходимые наблюдения, по-прежнему в дневник аккуратнейшим образом заносятся соответствующие записи.

Только когда и руки перестают его слушаться, Черский передает дневник жене.

Ночь с 24 на 25 июня он проводит без сна, а утром, не почувствовав облегчения, говорит жене:

— Видно, настал мой последний час.

Очередной приступ, начавшийся вскоре, кончился кровоизлиянием в горло. Едва придя в себя, он прошептал:

— Маша, приготовься быть одна с сыном... и будь мужественна в несчастье.

Похоронив мужа, Мавра Павловна нашла в себе силы продолжить экспедицию и, только выполнив завещание ученого, вернулась в Петербург.

Сыну мужественного ученого академия помогла окончить Петербургский университет. Он тоже посвятил себя изучению отдаленных окраин отчизны. Но, к сожалению, жизнь его оборвалась в самом расцвете сил — он утонул, возвращаясь из поездки на Командорские острова.

Мавра Павловна намного пережила мужа и сына. Она скончалась в Ростове-на Дону в 1940 году, восьмидесяти лет от роду.

Память о мужественном человеке и самобытном ученом живет не только в его трудах. Его именем названа огромная горная страна Забайкалья в тысячу километров длиной, триста шириной и три тысячи метров высотой.

Рассказчик смолк, но никто из сидевших у костра даже не пошевелился. Наступила глубокая тишина. Не слышно было даже плеска волн. В полнейшем молчании прошла минута, другая, третья...

— Н-да, — вздохнул, наконец, боцман. — Вот пример того, как надо жить и умирать.

— Не тот вывод, — возразил Василий, не меняя позы. — Это скорее пример того, как надо служить своей мечте, своей идее.

И снова наступило молчание. Людмила Караваева подбросила в прогоревший костер сухих сучьев, пламя мгновенно охватило их, и на соседних камнях запрыгали чудовищные тени.

— Между прочим, — поднял голову Василий Минеев, — Байкал привлекал внимание многих ученых, оставивших заметный след в науке.

— Например?

— Да взять хотя бы современников Черского — Дыбовского и Годлевского. Они тоже попали в Сибирь по этапу и тоже невольно увлеклись изучением ее природы. Только первый из них к тому времени был уже профессором, а второй — агрономом.

— Ну-ну, дальше, — выжидающе вытянул шею практикант.

— Они, брат, по существу прорубили окно в подводное царство Байкала.

— Как так?

— А вот так. В то время существовала теория о бедности животного и растительного мира Восточной Сибири вообще и Байкала в частности. По убеждению некоторых ученых этот водоем был чуть ли не мертвым. Дыбовский первым доказал обратное. Вместе с Годлевским он вдоль и поперек исколесил южную часть озера и прилегающие к нему окрестности. Летом они неделями пропадали на воде и на берегу, а зимой — среди ледяных торосов. С помощью самодельных ловушек и зондов настойчиво охотились за рыбами и разными моллюсками, измеряли температуру воды и глубины ее, брали пробы донных грунтов. В результате они собрали огромнейшую коллекцию живых организмов и растений бассейна Байкала. Только в музеи и научные учреждения европейской части страны было отправлено две тысячи видов птиц и более ста тысяч моллюсков и насекомых. Так Дыбовский не только убедительно опроверг теорию безжизненности природы Байкала, но и доказал, что она весьма своеобразна и заслуживает особого внимания ученых.

Надо было быть подлинными энтузиастами, чтобы выполнить такую большую и плодотворную работу при

очень малых возможностях. Будучи политическими ссыльными, они не имели права свободно передвигаться по краю, не говоря уже о том, что у них не было необходимого научного оборудования. Выручали большая творческая энергия, находчивость и мужество.

Занявшись промерами глубин и охотой за подводными животными, ученые сконструировали и построили несколько оригинальных ловушек, сами научились вить веревки, купить которые им было не на что. За зиму они продолбили в толстом байкальском льду сотни отверстий, а чтобы иметь возможность подольше находиться возле них, построили специальный войлочный домик на полозьях, обогревавшийся маленькой печуркой. Сильные зимние ветры и морозы не раз захватывали ученых среди торосов, не раз уничтожали плоды их нелегкого труда и грозили гибелью им самим, но они снова и снова выходили на лед, упорно продолжали свои опыты.

Настойчивость в достижении поставленной цели помогла совершить им ряд интереснейших путешествий в Даурию, на Аргунь, Уссури и Амур, а также на берега Японского моря. В этих далеких, полных опасных приключений поездках они шли пешком и ехали на быках, сами пилили доски из бревен и сами же строили из них лодки-плоскодонки, преодолевали перекаты и тащили свои шаткие суденышки на бечеве через мели, охотились за бабочками и тиграми, выбирались из районов, затопленных сильным наводнением и захваченных эпидемией дизентерии. Зато, возвращаясь назад, они привозили с собой богатейшие коллекции животных и растений, интереснейшие впечатления о флоре и фауне отдаленных и совсем неисследованных краев.

По возвращении на родину после амнистии Дыбовский, к немалому удивлению своих друзей и знакомых, отказался принять профессорскую кафедру и отправился в новое, еще более далекое путешествие на Камчатку. Только прожив там четыре года и досконально изучив природу полуострова и прилегающих к нему островов, вернулся он в Польшу и возглавил кафедру Львовского университета. Прожил он долго — до 1930 года, то есть почти сто лет. До конца дней своих ученый интересовался Байкалом, научно-изыскательскими работами на нем, переписывался с некоторыми его исследователями, лично

посылал свои труды в библиотеку Байкальской лимнологической станции и с удовольствием получал от ее сотрудников ответную информацию.

В память об этом большом человеке, завоевавшем своими трудами мировую известность, назван ряд растений. Его имя носит и катер лимнологической станции.

— В утверждении новой теории о богатстве фауны и флоры Прибайкалья немаловажную роль сыграл и Чекановский, — проговорила Людмила Караваева, когда Василий Минеев закончил свой рассказ. — Он собрал здесь не только прекрасную геологическую коллекцию, но и восемнадцать тысяч гербарных растений, двадцать тысяч экземпляров насекомых, приобретенных впоследствии Академией наук.

— Тоже верно, — согласился Луг.

— Есть факты и посвежее, — заговорил молчаливый до этого Михаил. — Всю свою жизнь отдал изучению Байкала Глеб Юрьевич Верещагин — организатор Байкальской лимнологической станции. Говорят, он и умер в своем кабинете за рабочим столом.

— Это точно, — подтвердил Луг. — Он похоронен в Листвянке, чуть ли не у самого Байкала.

— Да ведь и такой крупнейший ученый нашего времени, как академик Владимир Афанасьевич Обручев, начал свое изучение геологии Сибири с байкальских берегов. Умирая, он вспомнил об этих краях — всю свою богатейшую библиотеку он передал научной библиотеке Иркутского государственного университета.

Снизу от воды донеслись приглушенные людские голоса, скрип уключин и тихие всплески.

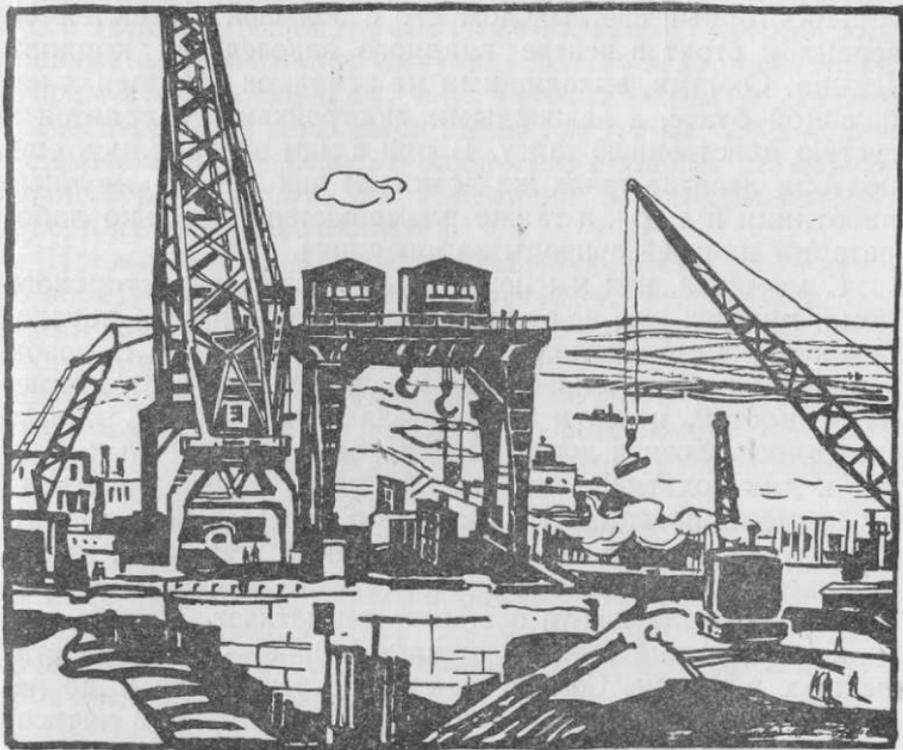
— Ага, кажется, наши едут, — поднялся практикант. Встали и все остальные.

— А ведь мы уже было потеряли вас, — проговорил Василий, спускаясь по камням к воде.

— Потеряться сейчас никак нельзя, — отозвался помощник капитана, сидевший на веслах. — Луна-то, как солнце.

И только тогда мы увидели, что заря давно уже погасла, что темно-фиолетовое небо мерцало мириадами звезд, а над вершинами прибрежных гор висел большой шар луны.

Время неумолимо двигалось вперед.

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

После долгого пути всегда приятно передохнуть под кровом гостеприимного хозяина. А если у этого хозяина есть что рассказать и показать, если у вас с ним вскоре же обнаружатся какие-то общие интересы, такой визит бывает вдвойне приятным и полезным. Вечер, проведенный у директора Баргузинского соболиного заповедника, — прекрасное тому подтверждение. В недалеком прошлом он, москвич, трудился в одном из научно-исследовательских институтов столицы. А когда представилась возможность осуществить давнишнюю мечту — начать работу среди природы, — не задумываясь, поехал в Сибирь. Хозяин рад неожиданным гостям и охотно делится своими знаниями и наблюдениями.

Просторный светлый дом его с большой застекленной верандой стоит в центре главного заповедного кордона Давша. Окнами, выходящими на запад, он обращен к небольшой бухте, а надворными постройками упирается в густую девственную тайгу. В ряд с ним выстроились еще полтора десятка таких же домов. В них живут научные работники и егеря, а также размещается несколько лабораторий и музей природы заповедника.

С момента, как мы переступили порог директорского дома, прошел уже не один час, а разговор идет с неослабевающей активностью. Касается он главным образом Баргузинского соболиного заповедника, его достопримечательностей, целей и задач коллектива ученых, живущих здесь. Хозяин дома приводит много интересных фактов и для подкрепления того или иного положения время от времени показывает какой-либо интересный экспонат. Под тихий плеск волн и приглушенный шум леса, доносившиеся извне, беседа о природе этого любопытнейшего уголка Байкала как-то особенно впечатляет.

Баргузинский соболиный заповедник — один из старейших в стране. Создан он еще до революции и до недавнего времени занимал огромную территорию в пятьсот семьдесят тысяч гектаров. Сейчас его площадь значительно уменьшилась и ограничивается с юга рекой Сосновкой, с севера рекой Язовкой, а с востока — главным кряжем Баргузинского хребта. На этом сравнительно небольшом участке земли, как в фокусе, отражено богатство природы всего Забайкалья.

Чтобы пересечь заповедник, скажем, с запада на восток, нужно начать путь от байкальского берега и подняться до высоты двух с половиной километров. При этом придется много раз взбираться на вечнозеленые сопки, спускаться в глубокие очень заросшие распадки и снова карабкаться на головокружительные кручи. Перед глазами пройдут районы дремучего смешанного леса, где солнце едва пробивается к земле; лесостепи, хорошо знакомой жителям средней полосы Российской Федерации; альпийские луга, пестрящие яркими цветами; горная тундра и, наконец, «гольцы», то есть скалы, не имеющие никакой растительности, а в ряде мест покрытые вечными снегами. В прибрежных местах придется шагать по склонам гор, поросших в основном лиственницей и сосной, а

В некоторых речных долинах — под сенью бальзамического тополя. На высоте шестисот-восьмисот метров над уровнем моря начнется пахучая пихтово-кедровая тайга с примесью лиственницы, ели, березы, осины и других древесных пород. Еще выше появятся густые, труднопроходимые заросли пышного кедрового стланика и карликовой березы. Весь этот разноликий растительный мир завершат мхи и лишайники.

Прежде чем подняться в заоблачную высь, не раз нужно перебраться через бурливые речушки, часто низвергающиеся шумными водопадами. Подолгу придется обходить и «курумники» — хаотические россыпи обломков скал, поражающих своей величиной. А после зоны альпийских лугов можно попасть в «цирки» — совершенно отвесные обрывы скал, между которыми плещутся живописные горные озера.

В пути возможны встречи с мирными обитателями тайги — лосем, изюбром, диким северным оленем, кабаргой. Не исключено знакомство и с бурым медведем, рысью, росмахой, выдрой, лисицей, горностаем. Прямо из-под ног могут взлетать рябчики, белые и тундровые куропатки, каменные глухари.

Певчих птиц, как и во всей сибирской тайге, здесь мало. Но есть такие, которые не уступят соловью. К ним относится оляпка, дальняя родственница дрозда. Даже зимой, в самые лютые морозы она как ни в чем не бывало напевает радостную звонкую песню, делая свое нелегкое дело: чтобы добыть пищу, она раз за разом ныряет в ледяные струи быстротечных и потому долго не замерзающих горных рек. На дне их оляпка свободно ходит, отыскивая всевозможных рачков.

Но главное богатство заповедника — великолепный баргузинский соболь. Это средний по величине зверек с удивительно красивым, прочным и потому очень дорогим мехом. На мировом рынке он ценится на вес золота.

В промысловой тайге соболя выследить не так-то просто: это очень осторожный хищник. Летом он обитает в дуплах и корневых лабиринтах деревьев, зимой прячется в кедровом стланике, прикрытом сверху толстым слоем снега. Прежде чем выйти на волю, соболь несколько раз торопливо высунет из укрытия свою острую мордочку с настороженными ушами и выпуклыми черными

глазами. Только убедившись в полной безопасности, покидает он свое убежище. И вот уже подвижный зверек черного цвета с нежным серебристым налетом на концах волос быстро мелькает среди деревьев. На горле его угольком тлеет ярко-оранжевый «бант».

В заповеднике же, где человек не только не обижает соболя, но и всячески защищает его, он ведет себя несколько смелее: охотно посещает места подкормки, подчас скачет за егерем, идущим на лыжах, а иногда даже совершает своеобразные ревизии домов и кладовых жителей лесных кордонов.

Сохранение и умножение обладателя ценнейшего меха — одна из важнейших задач коллектива заповедника. Вот почему с таким усердием изучается здесь биология соболя, природа и климат мест его обитания. Общие творческие усилия уже принесли свои результаты. Драгоценный баргузинский соболь, совсем было исчезнувший к моменту создания заповедника, сейчас занял весь отведенный ему район. Постепенно он заселяет и многие промысловые участки тайги.

Время от времени баргузинский соболь отлавливается и отправляется на зверофермы, а также для акклиматизации в другие горно-таежные районы страны. Отлавливают зверька с помощью сибирских лаек и сетей-обметов. Собаки разыскивают соболя, облаивают его и заставляют спрятаться в каком-нибудь убежище. Это место сейчас же окружают сетью с колокольчиками. Затем соболя вынуждают выйти из укрытия и, как только он попадает в обмет, стараются схватить, оставив совершенно невредимым. Заключительная часть охоты самая трудная и опасная: зверька ловят голыми руками, ибо в рукавицах его не выпутаешь из сети, а он, сильный и ловкий, никогда не упускает случая применить для защиты свои острые, как иглы, зубы.

Водворенный в ящик-клетку, плененный баргузинский соболь навсегда покидает родные места. Его вынужденное путешествие нередко проходит на всех видах транспорта вплоть до самолета. В новых горно-таежных районах соболь довольно быстро обживаетеся и дает приплод.

Небольшой коллектив заповедника ведет разностороннюю научно-исследовательскую работу. Одновременно изучается биология других зверей, растительность и гео-

морфология района. Заключительная часть нашей беседы была посвящена двум любопытнейшим представителям флоры и фауны Сибири — кедр и нерпе.

...Кто хоть раз побывал в сибирской тайге, тот не мог не заметить высокие кряжистые деревья с длинной, пучками сидящей хвоей. Это кедр. Его гигантские размеры и долговечность далеко не единственные отличительные особенности. Если можно так выразиться, кедр — дерево многоотраслевое. Прежде всего это высококачественная древесина, хвоя, эфирные масла, кора-краситель. Не меньшую ценность представляет кедр и как плодоносящее дерево. Знаменитый кедровый орех — отличное сырье для выработки масла, которое может быть поставлено в один ряд с лучшими растительными маслами.

По вкусовым качествам оно несколько не уступает оливковому маслу, а по содержанию жировых веществ значительно превосходит такие широко распространенные растительные масла, как льняное, конопляное, подсолнечное. Сухой, отсортированный от примесей кедровый орех содержит до пятидесяти процентов ядра, а последнее около шестидесяти процентов масла. Подсолнух же дает лишь около пятидесяти процентов жировых веществ из ядра, льняные зерна — тридцать семь, а конопляные — тридцать три процента.

Кедровое масло широко применяется в медицине. Оно заменяет миндальное и прованское масла, идущие на выработку препаратов фармацевтического производства.

Насколько велико значение этого вида продукции, видно уже из того, что В. И. Ленин еще в 1922 году подписал специальное постановление Совета Труда и Оборона, посвященное проблеме кедрового масла.

Когда же еще напомнили, что кедровники занимают миллионы гектаров сибирских земель, от каждого из нас не потребовалось большой фантазии, чтобы представить, какие богатства таятся в этом чудеснейшем гиганте зеленого океана.

И тем удивительнее было продолжение этого разговора.

Собирают кедрового ореха в настоящее время очень мало — не более двух-трех процентов, а ведь Восточная Сибирь могла бы давать ежегодно до пятисот тысяч тонн кедрового ореха.

Много любопытного было сказано о байкальской нерпе. Она остается загадкой науки. Никто еще не смог ответить на вопрос: какова связь этого зверя с однотипными обитателями соленых морей? Да и есть ли она вообще? Даже образ жизни нерпы изучен неполностью. Утверждают что в летнее время она старается держаться подальше от берегов, лишь изредка выбираясь где-нибудь в укромных местечках на прибрежные камни, чтобы погреться на солнышке. Она всегда остается у самой кромки воды и мгновенно исчезает, если заметит хотя бы малейшую опасность.

С наступлением осени нерпа сосредоточивается в местах скопления рыбы и, питаясь ею, нагуливает нужный для зимовки жир. Когда морозы скуют Байкал льдом, зверек отыскивает в торосах закрытые места и проделывает около них круглые отверстия — «продухи». Периодически меняя воду на морозный воздух, проводит нерпа зиму. Однако, чем сильнее становятся холода, тем реже выходит она на поверхность.

В середине марта тюлениха надолго покидает родную стихию и переселяется на лед: в это время у нее появляются детеныши — один-два. В первые дни жизни они не способны плавать и поэтому держатся подальше от продуха. Чтобы предохранить их от холода, мать заранее подготавливает в снегу глубокое, со всех сторон закрытое логово. Через продух оно сообщается с водой, а маленькое отверстие, оставленное в снегу, обеспечивает необходимую циркуляцию воздуха. Окрепнув, тюленята отказываются от молока матери и начинают вместе с нею охотиться в воде за рыбой.

Самый тревожный и опасный для нерпы месяц — апрель. В это время выходят на промысел нерповщики. Вооруженные винтовкой, биноклем, маскировочным халатом и санками, замаскированными под льдину, они то и дело подбираются к разомлевшей на весеннем солнце нерпе. Гремит выстрел, и зверь остается лежать на льду. Верная удача сопутствует только тем охотникам, которые умеют бесшумно подбираться к чуткой нерпе и целятся ей непременно в голову. Даже смертельно раненный зверь находит в себе силы плюхнуться в воду. Байкальская нерпа достигает полутора метров в длину и до ста тридцати килограммов веса. Особенно ценятся ее жир и шку-

ра, которые находят широкое применение в быту и в промышленности. Мясо имеет довольно резкий специфический запах и в пищу употребляется редко.

Возвращались мы на катер при фосфорическом свете луны. Возвращались удовлетворенные и духовно обогащенные. Кордон давно спал. В ночном воздухе стояла удивительная, почти звенящая тишина. Безмолствовал и заповедный лес, под сенью которого природа творила свои таинства.

ПРОВАЛ

Как-то, завершив промеры глубин в средней части Чивыркуйского залива, участники экспедиции собрались в кормовом кубрике. Все основательно продрогли за день и теперь, отогреваясь, коротали время за разговорами. Вначале дружно согласились с тем, что Чивыркуйский залив — по меньшей мере — «осколок Кавказского побережья» и что, если здесь хоть раз провести свой летний отдых, — потом уже не захочешь ехать ни на какой южный курорт. Все единодушно отмечали великолепный, густо напоенный ароматами лесов, воздух, горячие источники, в которых можно принимать лечебные ванны, многочисленные бухточки и лагуны, глубоко вдающиеся в материк и потому хорошо прогреваемые в летнее время. В этих местах можно много купаться и загорать на солнце. Живописные сопки, распадки и горные кручи, прилегающие к заливу, позволяют совершать самые разнообразные прогулки и походы. Вспомнили и о ягодах, грибах, дичи, которыми славятся здешние места, а также о рыбных богатствах Чивыркуйского залива, являющегося одним из крупнейших промысловых районов Байкала.

Потом установили, что «славное море» имеет всего три залива, да и те расположены почти рядом. Самый большой из них — Баргузинский, самый маленький — Провал.

Когда заговорили об этом, Александр Ахромович, читавший книгу, встрепенулся.

— Григорий Иванович, а это верно, что залив Провал появился в результате землетрясения?

— Верно.

— Вот ведь история-то, Сашок, — была, была земля и

вдруг — бац! — провалилась, — сказал, хитро покосившись в его сторону, помощник капитана, пришивавший пуговицу к полушубку.

— Ну, положим, это не совсем так, — обернулся к нему Лут.

— Но близко к истине, — не сдавался Вадим Петрович.

Все начали вспоминать, что читали и слышали об этом редком явлении природы и в конце концов восстановили одну из любопытнейших страниц истории Байкала.

Случилось это в канун нового 1862 года. Жители Цаганской степи, привольно раскинувшейся к северу от устья реки Селенга, и прилегающих к ней таежных деревень Дубинино, Шерашева, Инкина, Кударинская и Оймурская заканчивали последние приготовления к традиционным празднествам. Доваривали крепкие меды, доставали из погребов солености и копчености, специально припасенные для праздничных дней.

Тридцать первого декабря, под вечер, когда стояла совершенно тихая погода и когда многие рыбаки и охотники уже собирались сесть за столы, чтобы проводить старый год, послышался подземный шум. Но, поскольку такого рода явления вплоть до подземных толчков здесь повторялись довольно часто, никто не придавал этому особого значения. Однако вскоре шум усилился и стал похож на быстро приближающуюся бурю. Вслед за ним раздался первый толчок, и земля волнообразно заколебалась. На церквах зазвенели колокола, в домах попадали самовары и скамьи, открылись двери и ворота. А когда от очередного удара затрещали и закрипели избы, начали разваливаться печи, со звоном полетели стекла и посуда, люди в страхе выбежали на улицу. Выбежали и застыли в оцепенении: земля, будто вода, горбилась бегущими по ней волнами. Деревья, столбы и высокие заборы качались, как пьяные. Многие попадали на колени, истерически рыдая и взывая о помощи к богу.

Наступившая ночь не только не принесла желанного успокоения, но еще усугубила тревогу; земля почти все время дрожала мелкой нервной дрожью, что-то невидимое в темноте звучно лопалось и с грохотом рушилось. О сне и отдыхе не могло быть и речи.

Назавтра все как будто улеглось. Но в полдень снова

Раздался еще более грозный подземный шум, смешанный с треском и грохотом. Земля начала так вздрагивать и колебаться, что невозможно было стоять. Всех бросало из стороны в сторону. Двадцатипудовые бочки с рыбой за просто перекачивались по дворам. Воздух наполнился страшными криками людей и ревом обезумевших животных. Даже птицы начали падать с неба, стараясь укрыться в домах и надворных постройках.

Почти всюду земля растрескивалась, и в воздух ударили фонтаны теплой воды, смешанной с песком, илом и грязью. Местами они поднимались до четырех-пяти метров высоты. Вместе с ними, как пробки, вылетали срубы колодцев.

Жители Селенгинска в страхе сбежали на церковную площадь и, шепча молитвы, рухнули на колени. Но в это время раздалось три сильных удара, церковь на глазах несчастных накренилась, потом выпрямилась, а вслед за этим начала сильно качаться, как бы выбирая место, куда упасть. До смерти напуганные люди бросились врассыпную.

На реке Селенга, а также на озерах Шучье и Гусиное толстый ледяной покров в одно мгновение полопался на мелкие части, и в воздух взлетели огромные фонтаны дымящейся воды, густо сдобренной осколками льда, гравия и песка.

Жители деревни Кударинская и одного из степных улусов впоследствии уверяли, что они ясно видели искры и огонь, которые вырвались из-под земли и опалили некоторые постройки. В той же деревне во время одного из сильных ударов рухнул купол церкви. Он разрушил боковые пристройки храма. Часть каменных глыб свода обвалилась внутрь храма и проломила пол.

Столь необычное явление природы повергло в уныние и крепких духом людей. Многие, не выдержав испытаний, падали в обморок и долго оставались без сознания, а некоторые даже лишились рассудка.

В этот страшный день исчезла под водой и вся Цаганская степь, занимавшая более двухсот квадратных километров. По словам очевидцев, в тот момент, когда степь резко осела, байкальская вода поднялась стеной, в трех местах прорвала береговую гряду и шквалом понеслась по степи. То, что не было разрушено водой, в порошок стер-

ли огромные льдины, пришедшие из Байкала вслед за водяным валом.

Один из рыбаков, который был в тот день на Байкале, рассказывал впоследствии, что сначала они услышали подо льдом сильный, быстро нарастающий шум, потом их мгновенно так подняло вверх, что зимовье, стоявшее на берегу, показалось им как бы далеко под горой. Все страшно перепугались. Когда они немного пришли в себя и обернулись назад, ни берега, ни зимовья, стоявшего на нем, уже не было видно — все покрылось шумно плескавшейся водой и беспокойно носившимися по ней льдинами. Только к утру льдину с рыбаками прибило к берегу, и они смогли покинуть свое шаткое пристанище.

Но местами степь опускалась медленно и еще накануне была затоплена теплыми грунтовыми водами. Там затонули целыми и невредимыми сотни юрт, домов и хозяйственных построек. Согласно официальной справке, с которой мы познакомились несколько позже, от затопления Цаганской степи пострадало более одной тысячи трехсот человек. Погибло свыше тысячи домов, юрт и надворных построек, более пяти тысяч голов скота, много хлеба и сена. Кроме того, вода поглотила шестьдесят шесть различных заведений, двадцать шесть кузниц и множество различного домашнего и хозяйственного скарба.

Два месяца спустя жители прилегающих к Провалу деревень спали, не раздеваясь, в ожидании новых бед. Одновременно они стали обнаруживать новые «чудеса». У деревни Инкина открылся обильный ключ. А болото, занимавшее большую площадь земли около деревни Дубинино, высохло. Единственный ключ, издавна снабжавший водой жителей Арбузовской почтовой станции, бесследно исчез. В песчаном увале у деревни Дубинино появились такие пустоты, что по нему стало опасно ходить. Однажды пастух гнал здесь стадо коров, и одна из них на глазах у него провалилась на ровном месте. Сыпучий песок почти мгновенно заполнил образовавшуюся воронку. Крестьяне, пришедшие сюда, никак не могли нащупать дна, втыкая в песок трехсаженные шесты. По соседству они обнаружили места, где топот ног отдавался под землей как в пустой бочке.

Но, пожалуй, самым удивительным было появление плавающих островов. Горы тундровой торфяной земли с

лесом и отличными сенокосными угодьями отделились от берега новоявленного залива и начали блуждать по воле волн и ветра. Просуществовали они так довольно долго. Когда их прибывало к материку, крестьяне заготовливали на подвижных лугах сено. С течением времени эти блуждающие острова, разрушенные водой и ветром, исчезли.

Немало тревожных минут пережили в те новогодние дни и жители многих населенных пунктов, удаленных на сотни километров от Цаганской степи. В Иркутске, например, ясно слышали подземный гул, похожий, по словам одних очевидцев, на шум полноводной и быстро текущей реки, а по словам других — на шум кипящей в котле воды. И здесь также отчаянно трещали и скрипели дома, разваливались печные трубы, самопроизвольно звонили колокола, брэнчала в шкафах посуда. Все кресты на церквах накренились в разные стороны.

Землетрясение, которому обязан своим рождением залив Провал, было слышно на территории в полтора миллиона квадратных километров: от Александровского Завода в Читинской области до Нижнеудинска в Иркутской области и от Тунки-Урги на юге до Киренска на севере.

ВЫНУЖДЕННАЯ ОСТАНОВКА

Ломаная красная линия, обозначавшая на карте движение «Альбатроса», спускалась все дальше на юг.

И чем ближе была эта линия к тому, чтобы замкнуться в огромную петлю, довольно точно повторявшую серпообразную форму Байкала, тем теснее становилось на катере. В каютах появлялось все больше образцов спиленных деревьев, бутылей с пробами минеральной воды и банок с различными водорослями. На палубе в цинковых банках с формалином и в простых ящиках и бочках хранился свежий омуль. Часть его предназначалась для Польской академии наук, которая недавно обратилась к станции с просьбой прислать в Варшаву свежие образцы некоторых байкальских рыб.

Сменив ацетиленовые баллоны на маяках Ушканьих островов, экспедиция снова занялась промерами глубин. На этот раз «Альбатрос» бороздил воды средней части Байкала. Для промеров глубин необходимо точно знать местонахождение судна, поэтому Борису Филипповичу

Луту частенько приходилось выходить на палубу с секстантом. Это вызывало немало шуток — секстант все-таки прибор сугубо морской. Но Борис Филиппович, продолжая заниматься своим делом, отвечал тем же. Молодой ученый пребывал всегда в приподнятом настроении и, видимо, не раскаивался в своем выборе. Он недавно окончил Черновицкий университет и сам пожелал начать трудовую деятельность на Байкале.

Его ближайшим помощником был Александр Ахромович. Чаще всего они вместе стояли на капитанском мостике у главного судового компаса. А когда студеные ветры стали пробираться до костей, дежурили посменно.

Так как время, отведенное на кругобайкальское плавание, подходило к концу, научно-изыскательские работы у восточного берега было решено завершить промерами глубин в Баргузинском заливе. В тот же день Григорий Иванович намеревался выйти в район Провала и, закончив там дела, взять курс на Листвянку. Но Байкал еще раз внес небольшую поправку в намеченный план.

Баргузинский залив встретил нас довольно хлесткой и крутой волной. Она набегала от берега и, постепенно нарастая, с озорной игривостью выкатывалась в открытое море.

— Похоже, погода опять испортится, — покачал головой капитан.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался я.

— А вон, видите, какие тяжелые тучи на горы навалились.

— Да и хозяин тоже беспокоен, — добавил помощник капитана.

— Какой хозяин? — переспросил стоявший рядом Ахромович.

— Да баргузин.

Так вот где мы встретились с тобой, прославленный ветер! И как-то сразу в ушах зазвучала величавая, мужественная песня — «Славное море, священный Байкал». Невольно мелькнула мысль: «А не с этих ли суровых берегов рвался к желанной свободе обладатель омулевой бочки и паруса из дыроватого кафтана». И вдруг почти зримо представилась картина. Тихо раздвигаются прибрежные кусты. Опасливо оглянувшись по сторонам, к воде выходит исхудавший, обросший и оборванный человек. Он жадно

всматривается в противоположный берег: там его боевое прошлое, друзья, жена, дети. Там свобода и борьба. Позади каторга и смерть. Вперед! Только вперед! — говорит он себе и с радостью бросается к увиденной неподалеку старой омулевой бочке. Несколько разлапистых сучьев помогают оформить утлое суденышко. Последний взгляд назад, и мужественный человек смело пускается в плавание по студеному и коварному морю. Он верит в свою звезду. Он верит, что непременно доберется до желанного берега.

Каким все-таки неукротимым стремлением к свету и счастью должен был жить человек, сложивший эту проникновенную, в века идущую песню!

К действительности возвратило неожиданное происшествие. Хорошо зная подводную гряду, предательски введенную природой у входа в залив, капитан с большими предосторожностями огибал опасное место. Когда, по всем данным, рифы остались позади и ученые уже заняли свои места у приборов, чтобы начать промеры глубин, днище судна вдруг заскрежетало, задев что-то невидимое. Мотор точас же смолк. Все насторожились и переглянулись.

— Смотрите, смотрите, там что-то всплывает, — раздался с кормы изумленный голос Василия Минеева. Действительно, на воде показались щелки, какие-то однотипные потемневшие от воды площадки и длинная, как стрела, натянутая веревка.

— Да ведь это же сеть.

— Откуда ей взяться здесь?

— Штормом, наверное, принесло.

На корму торопливо прошел явно обеспокоенный капитан. Он всем корпусом перегнулся через тросы ограждения и долго напряженно всматривался в воду.

— Вот ведь беда-то какая, кажется, на винт намотало, — сообщил он наконец.

Все разом навалились на тросы и тоже начали тревожно заглядывать под корму.

— Лишь бы только не заклинило, — озабоченно проговорил механик.

— Чего не заклинило? — не понял практикант.

— Винт, конечно.

— Ну, сейчас-то не страшно — берег близко.

— А ветер, видишь, куда дует.

— Вижу, — от берега.

— То-то и оно. Коль потащит в море — запоешь лазаря.

Капитан несколькими рывками подтянул шедшую на буксире лодку и, не дожидаясь, когда она подойдет вплотную к борту, спрыгнул в нее: мешкать было опасно, катер начал дрейфовать в сторону подводной каменной гряды. Вслед за ним в лодку спрыгнул и боцман. Сделал он это неудачно, лодка резко накренилась и наполовину заполнилась водой. Кто-то испуганно ахнул, но капитан продолжал заниматься своим делом, не обратив на случившееся никакого внимания.

Общими усилиями капитан и боцман кое-как выбрали кусок снасти и попытались перерезать ее ножом. Однако внутри веревки оказался многожильный стальной трос. Тогда в ход были пущены молоток и топор. Но и это ничего не дало — лодка непрерывно прыгала и дергалась на волне, то и дело сбрасывая либо веревку с топора, либо топор с борта лодки.

— Вот чертовщина, — выругался капитан и сердито сдвинул кустистые брови.

— А вы вот здесь, на кромке катера, попробуйте, — посоветовал кто-то.

— Давай, — согласился капитан.

Боцман напругся изо всех сил и кое-как поднял веревку на металлический угольник обшивки. На помощь ему протянулось еще несколько рук. Капитан с ожесточением стукнул по веревке. Она расплющилась, размочалилась, блеснула стальными жилками троса. Еще удар! Еще! Короткий всплеск, и обрубленная снасть медленно пошла под воду. С неожиданной ловкостью капитан вскочил на корму катера и быстро зашагал к рулевой рубке.

— А ну, пробуй, — бросил он своему помощнику, стоявшему у штурвала. Мотор моментально ожил, и вода за кормой сразу же привычно закипела.

— Давай малый вперед.

Катер послушно сдвинулся с места и как ни в чем не бывало пошел навстречу набегавшей волне. Чуть склонив голову, капитан некоторое время внимательно прислушивался к чему-то, потом облегченно вздохнул.

— Оставшийся конец попробуем распутать в Усть-Баргузине.

Помощник молча кивнул головой в знак согласия и повел катер на промеры глубин...

Только под вечер «Альбатрос» протаранил ледяной затвор в устье реки Баргузин и пришвартовался у причала рыбацкого поселка.

Не совсем обычной была в этот день вечерняя заря. Как только солнце скрылось за вершинами далеких гор, над западным горизонтом вдруг распростерлись огромные огненно-пунцовые крылья заката. Они трепетно дрожали и на глазах меняли свои яркие и в то же время очень мягкие краски. Вначале небосвод залили тончайшие нежно-лиловые блики. Потом на смену им пришли оранжевые всполохи, позолоченные по краям. А когда наступил вечер, у самого горизонта робко блеснула студено-бирюзовая полоска. Почти тут же она погасла, и с гор повеяло холодком беспокойной ночи.

Сводка погоды, полученная капитаном, подтвердила, что ожидается шторм. Волей-неволей пришлось оставаться в Усть-Баргузине до утра.

И, надо сказать, никто не пожалел об этом. С наступлением темноты ветер еще тоскливее засвистел в снастях, а шум прибоя начал заметно нарастать. Вскоре показалось, что где-то рядом по железнодорожным мостам мчатся сразу несколько поездов и никак не могут миновать их.

Всю ночь Байкал ярился и грозно гудел. Волны с такой силой обрушивались на скрытые темнотой берега, что нередко напоминали артиллерийскую канонаду.

Даже защищенный причальной стенкой и стоящими рядом судами, «Альбатрос» то и дело вздрагивал. Временами он начинал буйно рваться с привязи, а потом вдруг сразу замирал, будто в испуге.

В полночь ветер настолько усилился, что лед на реке пошел вспять. Вместе с другими судами двинулся назад и «Альбатрос». В тот же миг за бортом раздался сухой короткий треск, и от нашей лодки остались одни обломки. Она оказалась зажатай между причальной стенкой и баржей и хрустнула, как яичная скорлупа.

Вслед за этим ветер сердито швырнул на палубу катера одну из цинковых банок с омулем, залитым формалином. Вахтенный боцман и оказавшийся рядом Лут торопливо бросились спасать рыбу, так как она была предназначена для польских друзей. Но весь раствор уже успел

вылиться. Рыбу залили формалином, взятым из аварийного запаса.

Утро не принесло ничего утешительного: ветер по-прежнему бил о берег могучие волны и яростно трепал флаги на мачтах судов. Вспомнив неудачный туркинский переход, мы почти зримо представили, что творилось в эти минуты в открытом море.

Одним словом, надо было коротать время. Команда катера, основательно подкрепившись, занялась винтом. Почти все остальные участники экспедиции отправились в поселок Усть-Баргузин, один из старейших и, пожалуй, один из наиболее уютных и благоустроенных байкальских поселков. У него своя особая история. Стоит Усть-Баргузин на берегу, который почти все время уходит под воду. Поэтому жители здесь довольно часто перебираются с места на место. Было время, они двигались вверх по правому берегу реки. Сейчас весь поселок расположен на более высоком, левом берегу. В этом последнем переселении немало важную роль сыграло строительство Иркутской ГЭС, плотина которой не только прибавит Байкалу новый, шестидесятикилометровый залив, но и значительно поднимет уровень озера-моря в целом. Чтобы не быть затопленными, многие байкальские поселки вынуждены подниматься в горы. Именно это породило Усть-Баргузин, Онгурены, Покойники и даже далекий Нижне-Ангарск с первенцем Ангарского каскада гидростанций — Иркутской ГЭС.

В Усть-Баргузине сейчас невозможно найти ни одного старого дома: все они новые или капитально отремонтированные. Еще пахнущие свежим сосновым деревом, выстроились они в аккуратные ряды улиц и кварталов. Здесь чувствуется стремление к добротности построек, порядку и аккуратности. Буквально у каждого двора типовые палисадники, новые ворота, новые заборы, новые калитки, новые мостки через кюветы.

Во всем сказывается неизмеримо выросший материальный и культурный уровень советских сибиряков.

Мы побывали в магазине культтоваров. Что здесь пользуется наибольшим спросом? Книжки, радиоприемники, изделия из фарфора и хрусталя, мебель, ювелирные изделия, электроприборы, велосипеды, мотоциклы. Промтоварные магазины продают все больше шелка, шерсти, габардина, бостона, коверкота.

В местных библиотеках, насчитывающих десятки тысяч томов книг, с каждым годом растет число активных читателей.

Еще совсем недавно Усть-Баргузин был сугубо рыбацким поселком. Сейчас здесь действует ряд предприятий государственного значения. На восточной окраине раскинулись корпуса рыбоконсервного завода. Неподалеку от него высятся здания леспромхоза. Около тысячи детей рыбаков и охотников обучаются в средней школе. По вечерам молодежи есть где интересно провести свой досуг: здесь имеется несколько клубов. На полную нагрузку работают почта и телеграф. Жители поселка, когда-то почти оторванного от мира, теперь свободно разговаривают по телефону с Москвой, Ленинградом и многими другими городами страны.

Вот она, живая сибирская новь!

«ГДЕ ЗОЛОТО РОЮТ В ГОРАХ...»

Два дня, проведенные в Усть-Баргузине, помогли нам мысленно заглянуть и в глубь Забайкалья. Мы побывали у председателя поселкового Совета, директора школы и заведующей местной библиотекой и вместе с ними совершили увлекательное путешествие по их родному краю.

Книги, подаренные нам гостеприимными хозяевами, также расширили наши прежние и, прямо скажем, очень общие представления об этой огромнейшей и богатейшей горно-таежной стране.

Западную часть ее, непосредственно примыкающую к «славному морю», занимает Бурятская АССР. Она раскинулась на такой огромной территории, на которой могли бы свободно разместиться Австрия, Бирма и Греция. Но хочется рассказать о главном, о сказочных превращениях социально-экономического и культурно-бытового характера.

Еще на памяти стариков, живущих здесь, по забайкальским землям кочевали племена бурят и эвенков. Теперь почти половина коренного населения — жители крупных городов и промышленных центров, а остальные успешно строят свою новую жизнь в сельскохозяйственных, рыболовецких и охотничьих колхозах.

Там, где лишь незадолго до революции начали появ-

ляться первые полукустарные предприятия, сейчас дымят более трехсот фабрик и заводов, оснащенных новым и новейшим оборудованием. Валовой выпуск продукции, изготавливаемой ими, увеличился по сравнению с 1913 годом более чем в сто раз. Примерно во столько же возросла мощность энергоисточников крупной промышленности. А мощность электромоторов увеличилась за это же время в 436 раз! Вот цифры, которые лучше всяких слов говорят о темпах развития многоотраслевого народного хозяйства республики. И это при условии, что огромные богатства недр еще ждут промышленной разработки.

Руками потомков кочевых скотоводов и русских мастеровых людей, умело управляющих умнейшими машинами и механизмами, здесь добываются сейчас уголь и золото, высококачественный графит и асбест, знаменитый саянский нефрит и различные редкие металлы. Этими же руками в Улан-Удэ ремонтируются локомотивы и строятся речные суда, создаются машины и механизмы. Отсюда же по всей стране расходуется разнообразная продукция крупнейшего в Сибири мясоконсервного комбината, суконной фабрики, книжно-журнального издательства.

Все более широкую известность приобретает продукция Усть-Баргузинского и Нижне-Ангарского рыбоконсервных заводов, Кяхтинской обувной и Улан-Удэнской кондитерской фабрик, Бичурского сахарного и Чикойского кожевенного заводов.

В таежных массивах бассейна реки Уды и байкальского побережья, где когда-то лишь изредка появлялся эвенк-охотник, теперь неумолчно гудят моторы электропил, трелевочных тракторов и автомашин. С их помощью здесь заготавливаются тысячи кубометров отличной деловой древесины. А река Селенга и Байкал, давно уже ставшие большегрузными дорогами республики, помогают доставить лес на обрабатывающие и перерабатывающие предприятия.

На глазах меняется и хозяин этого края — человек. Он вырос и возмужал на колхозных полях, в цехах фабрик и заводов, за партами школ и вузов. Знания, когда-то хранившиеся от него за семью замками, а ныне ставшие обязательными, распахнули перед ним новые, широчайшие горизонты и удесятерили его силы.

В предреволюционные годы во всем Забайкалье не бы-

ло ни одной бурятской школы, а в русских классах насчитывалось немногим более семисот детей бурят. Теперь в республике около восьмисот школ, в которых учатся более ста тысяч детей. С первого класса дети бурят и эвенков занимаются на родном языке, по своим национальным учебникам. Окончив школу, юношам и девушкам есть где продолжать свое образование здесь же в республике. Они могут поступить в педагогический, учительский, зооветеринарный институты, машиностроительный, сельскохозяйственный, кооперативный техникумы, театрально-музыкальное и педагогическое училища, акушерско-фельдшерскую школу.

Заполнены аудитории и вечернего университета марксизма-ленинизма, и областной партийной школы, и института усовершенствования учителей.

А когда деловая жизнь замирает, потоки людей устремляются в кино, клубы, дворцы культуры и библиотеки. В республике их в общей сложности более тысячи.

У потомков кочевых скотоводов появилась своя национальная литература и свой национальный театр. В столице республики работает три профессиональных театра и филармония. С каждым годом пополняются ряды талантливых писателей. От импровизатора и сказочника до крупного писателя вырос Хоца Намсараев. В его творческом активе — широко известные читателям Забайкалья роман «На утренней заре», повести «Луч победы», «Золотая стрела» и «Циремпил», пьесы «Ключ счастья», «Кнут тайши» и многие другие произведения. Свое веское слово в драматургии сказали народный артист СССР Гомбо Цыдынжалов, заслуженные деятели искусств драматурги Намжил Балдоно и Аполлон Шадаев. Выросла и своя плеяда талантливых поэтов. Среди них Цэдэн Галсанов, Шираб Нимбуев, Чимит Цыдендамбаев, Цокто Номтоев. А сколько положительных откликов читателей вызвали роман Жамсо Тумунова «Степь проснулась», повесть Чимита Цыдендамбаева «Чернильница Банзарова» и повесть Цырена Очирова «Долина счастья».

Пьесой «Прорыв», написанной бурятским драматургом Н. Балдоно, открылся в 1932 году первый национальный драматический театр республики. А вскоре в его репертуар уже вошли десятки произведений мастеров литературы с мировым именем и одаренных местных авторов.

С большим успехом ставились здесь переведенные на бурятский язык «Васса Железнова» М. Горького, «Платон Кречет» А. Корнейчука, первая бурятская комедия «Мэгэн» А. Шадаева, «Тартюф» Мольера, «Один из многих» Н. Балдоно и другие пьесы. Потом здесь зазвучали и классические оперные арии, и балетная музыка. А в 1950 году в Улан-Удэ открылся свой национальный театр оперы и балета, ныне удостоенный высшей правительственной награды — ордена Ленина.

От устного народного творчества — к национальной литературе, от импровизации — к профессиональному театру, от одноголосых песенных и инструментальных мелодий — к сложнейшим формам музыкально-вокального искусства — таков сказочный скачок, совершенный бурятским народом в области национальной культуры.

Даже в самых отдаленных таежных улусах теперь ежедневно получают свежие газеты, журналы и книги. С раннего утра и до поздней ночи звучит здесь радио. Отправляясь в дальнюю дорогу, житель этих мест все чаще и чаще садится не на коня, а в автомобиль, на пароход и даже в самолет.

А ведь совсем недалеко ушло время, когда «по диким степям Забайкалья, где золото рыли в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах». Но это было и прошло, кануло в Лету, чтобы уже никогда больше не вернуться.

Все дальше и дальше в прошлое уходят шаманство и знахарство, когда-то безраздельно царившие в этих местах. На смену им пришла целая армия высокообразованных специалистов. В их распоряжении десятки больниц, поликлиник, родильных домов и других лечебно-профилактических учреждений. Санитарный самолет над тайгой — ныне обычная картина.

Не менее обширно и богато Восточное Забайкалье, где привольно раскинулась Читинская область. И в этом далеком краю, когда-то известном лишь своими гиблыми ссыльно-каторжными местами, сейчас тоже бьет ключом всепобеждающая творческая жизнь. И здесь по-хозяйски открыты кладовые земли.

На колхозные поля пришли машины и механизмы, помогающие выращивать богатые урожаи зерновых и развивать животноводство.

И пусть еще имеются здесь «белые пятна» на геологических и экономических картах, пусть еще многие богатства края лишь начали осваивать — важно, что новая жизнь властно шагает по Советскому Забайкалью, всюду пробуждая веками дремавшие силы земли и народа, всюду оставляя свои яркие, зримые приметы.

...Лишь на исходе вторых суток вынужденной стоянки академический катер покинул Усть-Баргузин и, нехотя переваливаясь на слабеющей боковой волне, пошел в открытое море. Нам предстояло еще раз пересечь Байкал, побывать в районе наибольших глубин и хотя бы ненадолго вернуться на юго-восточный берег. Потерянное время заставляло торопиться, поэтому едва лишь мерцающие огни поселка скрылись в вечерней мгле, «Альбатрос» полным ходом ринулся вперед.

Привычная походная жизнь снова вошла в свою колею. Часть команды заступила на вахту, четверо любителей «козла» сели играть в домино. Тетя Шура спустилась в свой крошечный камбуз, чтобы приготовить очередной ужин. А мы, дождавшись встречи с пассажирским пароходом, празднично сиявшим множеством электрических огней, спустились в свой кубрик.

Вскоре к нам пришел и Григорий Иванович. Он неторопливо снял черный дубленый полушубок, аккуратно положил его на свою койку и, заметив в руках Василия Минеева тетрадь, улыбнулся:

— Итак, еще одно последнее сказание и летопись закончим мы свою.

Василий не успел ответить, как в напряженное гудение мотора властно ворвался звук выстрела. Вслед за первым раздался второй.

— Что еще там такое? — удивленно вскинул брови Галазий. Мы торопливо выскочили на палубу и столкнулись с помощником капитана.

— Это я в честь нового моряка стрелял.

— Какого моряка?

— Вон у боцмана вчера семейство пополнилось.

— Да ну?

— Вот вам и ну. Он еще в Усть-Баргузине получил телеграмму и ходит, помалкивает.

— Э-э, брат, так не годится, — почти в один голос проговорили братья Минеевы.

— Ну что ж, по этому поводу можно, пожалуй, и банкет закатить, — добродушно пророкотал своим глубоким грудным баском Григорий Иванович.

— Верно, верно!

Вскоре все шумно направились в кубрик-столовую. Из аварийного запаса была извлечена бутылка «московской». А когда тетя Шура поставила на стол аппетитно поджаренные оладьи, все дружно подняли свои кружки.

— За новорожденного!

— За будущего моряка!

А молодой отец лишь молча смотрел на всех радостными, сияющими глазами и тихо, застенчиво улыбался.

...С легким попутным ветерком возвращался «Альбатрос» в Листвянку. Будто вознаграждая участников экспедиции за все пережитое, Байкал тихо плескал студеной бирюзовой волной и ослепительно серебрился на солнце. Как и в первые дни похода, все обитатели судна почти не уходили с палубы.

Слева, еле видимая в дымке, проплыла высокая башня бывшего Посольского монастыря. Немного спустя, горы расступились и образовали нечто вроде гигантских ворот, куда энергично несла свои мутные воды Селенга, настойчиво наступающая на Байкал наносным илистым грунтом.

Севернее устья агрессивной реки холодным осенним блеском озарились воды залива Провал. Он был тих и пустынен. Лишь несколько чаек с печальными криками реяли над ним.

Над южной оконечностью Байкала, резко выделяясь на фоне голубого неба, висела огромная шапка дыма. Это давал о себе знать крупнейший промышленный город сибирского озера-моря — Слюдянка.

Дыхание близкой зимы несколько притушило краски воды и берега, поэтому «славное море» казалось еще более строгим и величественным. И все равно на него можно было смотреть часами: как все истинно прекрасное, оно оставалось неизменно чарующим.

К знакомому академическому причалу «Альбатрос» подходил на рассвете. За его кормой, над зубчатыми вершинами гор, дружно занималась заря нового дня. Посеребрив далекий горизонт, она опустилась к темной воде и, решительно потеснив затуманенную ночную мглу, светлой полосой легла на озеро. А впереди, в домах поселка и пор-

та Байкал, на реях судов и маяках по-прежнему весело сияли разноцветные электрические огни. Похоже было, что они дружно сигналият катеру, возвращающемуся из далекого похода.

Едва лишь «Альбатрос» приткнулся к причалу, едва лишь смолк его неутомимый двигатель, раздалась дружные радостные голоса, зазвучали веселые шутки. Кто-то кого-то уже обнимал, тепло приветствовал. И ожил, зашевелился до этого сонный, спокойный причал.

Оставив позади две тысячи пятьсот километров водного пути, люди снова ступили на галечный берег Листвянки. Ступили, чтобы завтра продолжить свой творческий труд, продолжить напряженное исследование природы.

А в ночи, нехотя отступавшей перед грядущим днем, тихо и настойчиво шептали о чем-то беспокойные байкальские волны. Временами казалось, что они сердито ворчат на людей, предпринявших очередную попытку проникнуть в тайны загадочного озера. Порою же чудилось, что они сами силятся поведать людям что-то свое, сокровенное. Но пробуждавшийся берег жил своей жизнью. Никто не слушал и не пытался слушать приглушенного шепота волн — все были во власти радостной встречи, венчавшей собою большое плавание по осеннему Байкалу.

АНГАРСКИЕ ОГНИ

Возвращением в Листвянку наше путешествие по «славному морю» должно было закончиться. Но случилось так, что оно неожиданно продолжилось. Около полудня мы зашли к Григорию Ивановичу поблагодарить его за предоставленную нам возможность принять участие в кругобайкальской экспедиции и попрощаться с ним. И вдруг узнали, что через десять-пятнадцать минут маленький академический катер отправится с группой московских проектировщиков на осмотр берегов нового байкальского залива — водохранилища Иркутской ГЭС — и может попутно доставить нас до областного центра. Ну, что ж, не так уж плохо еще раз совместить приятное с полезным!

Вскоре мы действительно отчалили и, пройдя несколько километров вдоль берега, попали в стремительный водный поток, с какой-то отчаянной решимостью врывающийся в гигантские горные ворота. Слева по борту торопливо

проплыли потемневшие от времени постройки порта Байкал, легендарный Шаманский камень, высокая конусообразная сопка, опоясанная у основания стальными путями, — и своеобразный исток Ангары остался позади.

Подхваченный быстрым течением, наш катерок помчался вниз по реке. Вот уже он миновал многокилометровое ущелье, начавшееся у истока. Вот на правобережном крутояре появились и побежали навстречу новенькие, добротнo срубленные дома деревни Николы, знаменитой своими потомственными ловцами «сибирской форели» — хариуса. А немного спустя слева и справа поплыли тщательно расчищенные от леса и построек пологие берега Ангары. Уровень воды в реке начал заметно нарастать, и мы ясно увидели, как она выходит из своего извечного русла, все шире и привольнее разливаясь молодым Иркутским морем.

Проектировщики, занятые своим делом, почти все время молчали. Лишь изредка они перебрасывались короткими замечаниями, что-то записывали в блокноты и снова внимательно наблюдали за уходившими назад берегами. Наедине со своими мыслями оставались и мы: чем дальше плыл наш катерок, тем сильнее охватывало нас ощущение — будто встретились мы с хорошим старым другом, которого долго-долго не видели и одно появление которого разбудило в нас массу наилучших воспоминаний.

Все необычно у этой чудесной сибирской реки. И ее рождение не из робкого ручейка, а сразу руслом шириною около километра, и вечно студеная, как слеза прозрачная вода, в которой на трех-четырёхметровой глубине можно легко рассмотреть брошенную монету, и разлив ее, приходящийся не на весну, а на декабрь — январь.

Породив единственную дочь — Ангару, седой Байкал безраздельно отдал ей всю свою силушку богатырскую, которую без усталости питают триста тридцать шесть рек и речушек, впадающих в него. И долго казалось людям, что никто уже не отважится встать на пути этой могучей реки. Даже легенды слагали об этом.

Однако новые времена принесли новые песни. По-иному взглянули в наши дни и на Ангару. «Жемчужиной энергетики» нарекли ее ученые, «рекой электричества» называли проектировщики. Общими усилиями они создали дерзновенный план покорения великой сибирской реки,

способной вращать столько же турбин, сколько могут привести в движение Волга, Кама, Днепр и Дон, вместе взятые.

Проба сил началась в шестидесяти километрах от истока, в районе островов Березовый, Безымянный и Кузьминский, где было решено построить первую на этой реке ГЭС — Иркутскую. С разных концов страны приехали сюда смелые, мужественные люди, готовые схватиться с легендарными Байкалом и Ангарой.

С первых же дней борьба приняла острый, напряженный характер. К бешеному сопротивлению своенравной реки и суровым сибирским морозам, серьезно затруднявшим работу, нередко примешивались технические и организационные неурядицы, порожденные новизной и сложностью задачи. Выручали мужество, находчивость, русская рабочая сметка, мастерское сочетание ранее накопленного опыта советского гидростроительства с широкими возможностями новых и новейших машин.

В ту горячую пору мы не раз бывали на стройке и своими глазами видели, как человеческий гений торжествовал в единоборстве с необузданными силами природы.

Когда первая партия строителей высадилась в верхнем плесе Ангары, великая сибирская река томилась в ледовом плену. Лишь пронизывающий студеный ветер свободно гулял по ее долине, с озорной игривостью швыряя в людей хлесткую поземку. В содливом молчании лежали и прибрежные сопки, плотно укутанные толстым снежным покровом.

По-хозяйски осмотрев район будущей стройки, люди определили места закладки жилых поселков, подсобных предприятий, временных монтажных площадок и тотчас же приступили к работе. По пояс проваливаясь в нехоженном снегу, прокладывали первые дороги. В лютую стужу и пургу рубили первые дома. Обжигая руки заиндевелым металлом, собирали землеройные машины. У костров отогревались. Здесь же нередко и обедали.

А когда отжурчали вешние ручьи и земля покрылась зеленью молодых трав, на левобережном косогоре деловито запыхтели электро-паровые краны, горделиво подняли стрелы экскаваторы, дружно задымили трубы новых, еще пахнувших сосной и краской домов. Стройка на Ангаре начала свою большую трудовую жизнь.

По первоначальному проекту разработку котлована предполагалось вести «сухим» способом, то есть только после откачки воды. Но, когда экскаваторы вышли в район основных сооружений, насосы еще не поступили на берега Ангары. Встал вопрос: или ждать организации водоотлива и, следовательно, затянуть разворот строительства, или же найти новый способ выемки грунта. И вот тогда-то и вспомнили, что машинисты шагающих экскаваторов — Кондратов, Болсун и Кревский, — пересыпая береговые протоки, часто черпали грунт из-под воды. При этом работа шла вполне нормально: ковш до краев наполнялся гравием с песком, которые быстро освобождались от воды, и так же легко разгружался. Было решено испробовать новый способ экскавации при разработке котлована. Жизнь полностью подтвердила новаторский расчет. Выемка грунта из-под воды сухопутными землеройными машинами прочно вошла в практику строительства и во многом определила темпы и размах наиболее трудоемких земляных работ.

Предполагалось также, что земляная плотина будет возводиться только летом, с помощью думпкаров, паровозов и специальных катков-уплотнителей. Когда же на Ангару прибыли двадцатипятитонные автосамосвалы, строители нашли новый, наиболее совершенный способ отсыпки грунтов. По предложению инженеров Моисеева, Логунова и кандидата технических наук Ремезникова гравий с песком стали транспортировать на плотину только автосамосвалами. Огромный вес груженых машин способствовал нормальному уплотнению земли, толщина отсыпки которой была увеличена в десять раз. Это исключало промерзание гравия с песком и позволило вести их отсыпку круглый год. В результате строители получили большой выигрыш времени и средств.

Особенно проявились замечательные волевые качества сибирских гидростроителей в тревожные дни зимнего паводка 1953 года. Стремительная Ангара никак не хотела сдаваться в ледовый плен. Она яростно взламывала молодые забереги, громоздила их друг на друга, создавала зазоры. Пошедшая вдруг шуга — донный лед — еще больше усугубила обстановку. Уровень воды начал быстро подниматься. Вскоре он достиг небывалых в последние десятилетия высот. Значительную часть стройки затопило.

Потоками просачиваясь через грунты, подступая к верхним гребням перемычек, вода угрожающе рвалась в котлован. Надрывно загудевшие насосы едва-едва успевали откачивать ее. Достаточно было выйти из строя хотя бы одному из них, и сердце стройки тоже оказалось бы во власти разбушевавшейся реки.

И люди вершили геройские дела. Слесари Попов, Кравченко и Спиридонов вместе с механиком управления основных сооружений Кирилловым где-то разыскали старые, списанные насосы. В рекордно короткий срок они отремонтировали их и, обжигаясь ледяной дымящейся водой, установили на спешно изготовленных понтонах. Люди трое суток не уходили из котлована, чтобы обеспечить бесперебойную работу откачивающих механизмов. Чутко ловили они малейшие изменения в работе и тут же на ходу устраняли повреждения. Работали так, что на морозе было жарко.

А в это же самое время механизаторы и землекопы вели мужественную борьбу с бушующей рекой на дамбах. Опережая подъем воды, они спешно наращивали гребни перемычек, причем делали это с помощью той же самой воды — путем намораживания гравийно-ледяных стенок.

Самоотверженным трудом люди отстояли котлован. Ангара смирилась и отступила.

А «ледовый поход» шагающего экскаватора № 6! Сколько вызвал он волнений и разговоров на стройке! После зимнего паводка многие гравийные карьеры оказались подо льдом. Поэтому было решено вывести землеройные машины с берега в русло реки и заготовить необходимый грунт со дна. Шестой шагающий оказался отрезанным от главного русла застывшими протоками и был обречен, по мнению руководства стройки, на бездействие до весны. Но экипаж экскаватора не согласился с таким заключением. Однажды он в полном составе явился к начальнику участка и предложил вывести машину в забой... по льду. Эта мысль показалась настолько дерзкой, что немедленно была отвергнута. Но механизаторы не сдались — они пришли вооруженные всеми необходимыми расчетами, полученными в результате тщательной разведки трассы. По их данным выходило, что и лед на ней достаточно толстый и глубина протоков незначительная. И руководство стройки уступило смелому экипажу.

Ранним утром следующего дня началась работа экскаватора. Ледяной покров действительно свободно выдерживал огромный вес машины. Он трескался и оседал лишь там, где под ним оказывались воздушные «подушки». Вместе со льдом оседал и угрожающе кренился экскаватор. Тогда на помощь приходили шпалы, предусмотрительно завезенные на трассу. И землеройный гигант, подчиняясь опытной руке старшего машиниста Плотникова, сидевшего за трюмлерами управления, снова и снова вышагивал по льду. Работая, люди не замечали пронизывающего ветра и фонтанов ледяной воды, нередко вырывавшихся из-под льдин и окатывавших смельчаков с головы до ног.

На исходе третьих суток беспримерного шагания экскаватор встал в забой и вместе с другими машинами начал нужную для стройки заготовку гравия с песком.

Судьба героического поединка сибирских гидростроителей с Ангарой окончательно решилась в один из жарких июльских дней 1956 года. Тысячи празднично одетых людей собрались тогда на берегах реки, чтобы посмотреть на ее перекрытие. С левобережного крутояра перед ними открылась грандиозная панорама стройки. Внизу, у берега, лежал огромный котлован, шумящий гудками автомашин, лязгом тракторов, наполненный хитроумными сплетениями металлической арматуры, деревянной опалубки и бетонными стенками. Слева и справа от него, между гигантскими отвалами земли, очень похожими на настоящие горы, без устали кланялись стрелами работавшие экскаваторы. А дальше, за котлованом, где с глухим рокотом неслась стесненная Ангара, могуче дыбилась громада земляной плотины.

Только до неузнаваемости изменив русло реки и встав на ее пути вросшими в скалу сооружениями, отважились люди начать ее полное перекрытие. Но и в этих условиях они готовились к завершающему штурму, как к большому трудовому сражению. На берегах и близлежащих островах были заготовлены горы камня, гравия и специальных многотонных кубов. Задолго до начала штурма на исходные позиции вышли колонны автомашин, бульдозеров и подъемных кранов.

Несколько дней выжидали строители наиболее благоприятного уровня воды в реке. А когда, наконец, подходящий момент настал, быстро разобрали перемычки,

ограждавшие котлован, и, разделив таким образом реку на два потока, двинули могучую технику на понтонный мост. Томительная тишина ожидания сразу же сменилась ревом моторов, требовательными гудками автомашин и подъемных кранов.

С затаенным дыханием следили люди за тем, как тяжело нагруженные машины ринулись на подвижный мост, как они развернулись на нем и приблизились к задней кромке. Будто по команде, кузова автосамосвалов поднялись, и камень с грохотом обрушился в воду, подняв в воздух мириады брызг. Ангара сердито вспенилась и закипела, а по стройке эхом понеслась долгожданная весть: «Перекрытие началось!» И новые толпы взволнованных людей заспешили к месту поединка.

Трудовое напряжение нарастало с каждой минутой. Вот уже машины пошли одна за другой, почти без интервалов. Вот уже в реку начали сбрасывать камень триста семнадцать автосамосвалов, то есть больше, чем в самые трудные моменты перекрытия Волги у Куйбышева. Но Ангара и не думала сдаваться. Изгибаясь все более упругим водяным валом, она легко перекатывалась через банкет, остервенело тащила за собой каменные глыбы. Чтобы точно знать, как идет отсыпка перемычки, гидрологи то и дело выводили на бушующую стремнину свой катерок и тщательно выверяли глубины и скорости течения.

С наступлением ночи над рекой поплыл еще более грозный гул: в воду, гулко ухая, полетели многотонные кубы из бетона. Надрывное гудение машин потонуло в грохоте, напоминавшем артиллерийскую канонаду. Когда же зубчатая гребенка банкета явственно обозначилась под белопенными барашками неистовавшей реки, начали действовать двадцатипятитонные автосамосвалы. Они обрушили в воду тысячи кубометров гравия с песком и окончательно преградили ей путь. Ангара нехотя замедлила бег, тревожно покружилась у банкета и, подчиняясь воле человека, пошла по новому руслу — через здание гидроузла.

Да, это были героические будни пионеров покорения своенравной реки. Первый гидроузел на Ангаре с чертежей и проектов вошел в жизнь. Прочными сооружениями, поднявшимися на высоту пятнадцатипятиэтажного дома и рассчитанными на века, встал он в русле стремительной реки. Мощные турбины его уже сданы в эксплуатацию и добро-

совестно несут свою трудовую вахту, помогая дальнейшему обновлению Прибайкалья. Их живительная энергия питает предприятия Иркутска, Усоль-Сибирского, Ангарска, Слюдянки, Черемхова, стройки алюминиевого завода и крупнейшей в мире Братской ГЭС, двигает поезда по новому электрифицированному участку Восточно-Сибирской железной дороги.

Молодое Иркутское море, по которому ходко шел наш катерок, лучше всяких слов говорило о том, что творение рук человека надежно сдерживает богатырский напор седого Байкала и его могучего отпрыска — Ангары. Это творение уже ясно обозначилось на сибирской земле и внесло существенные поправки в географию здешнего края. На тех самых местах, где еще недавно стояли старинные приангарские деревни Малая и Большая Разводная, Пашки, Ерши и Патроны, теперь свободно плескались студеные байкальские волны. Деревни же, заметно помолодевшие и похорошевшие, поднялись выше, в тень лесов приморских сопок. Скрылся под водой и участок Восточно-Сибирской магистрали, служивший людям более пятидесяти лет. Его проложили новым путем — через горы. А старинный Байкальский тракт, когда-то проходивший по правому берегу Ангары, теперь петляет по вековой тайге.

Неузнаваемо изменился верхний плес великой сибирской реки. А легенда о непокорной дочери Байкала получила вполне реальное, земное продолжение. И сотворил его наш современник — советский человек.

Чудесные воды «славного моря», дружно поддержанные притоками Ангары, вызвали к жизни и крупнейшую в нашей Отчизне новостройку. Она раскинулась в наиболее глухих местах Прибайкалья — у знаменитого Падунского порога. Незадолго до поездки по Байкалу нам довелось побывать в тех краях. И все, что видели мы там, теперь невольно пришло на память.

Человеку, впервые попавшему в район Средней Ангары, очень трудно освоиться с масштабами развернувшихся здесь грандиозных работ. Поначалу они даже ошеломляют. Очень скоро становится ясно, что все воздвигнутое у Падунского порога уже невозможно обойти пешком (для этого потребовалась бы не одна неделя) — нужны хороший мотор и не менее хорошие колеса!

Сойдя в Братске, где расположены некоторые подсоб-

ные службы стройки, нужно проехать около сорока километров в глубь тайги для того, чтобы попасть в центр левобережного строительного района — Зеленый городок. Когда-то горстка смелых людей в лютую зимнюю стужу установила здесь свою первую палатку. А вскоре после этого, летом 1955 года, властный шум Падунского порога, веками господствовавший над тайгой, дополнил веселый звон топоров и рядом с героической палаткой встал первый деревянный дом. Сейчас их здесь сотни — больших и малых, с печным и центральным отоплением, с радио и электричеством. На главной — Ангарской улице — гостеприимно распахнули двери кинотеатр, почта, столовая, три магазина, сберкасса, аптека и школа. Ближе к реке встали корпуса бетонного завода, котельной, гаражей, ремонтных мастерских.

Следуя по дороге, уходящей вверх по береговому крутояру и дальше, мимо утеса Пурсей, в тайгу, машина может добраться до постоянного поселка строителей, расположенного в створе гидроузла. Он еще совсем молод, этот поселок, но уже успел вклиниться в буреломный лес несколькими километровыми улицами, застроенными многоквартирными домами под черепицей и коттеджами дачного типа. За массивами нетронутой тайги, специально оставленными строителями вокруг поселка, находятся район индивидуальных застройщиков, недавно сданный в эксплуатацию стадион и бетонное хозяйство, первая очередь которого уже действует, вторая строится.

Спустившись по крутой дороге к паромной переправе, можно попасть на противоположный берег, где раскинулись поселки и площадки правобережного строительного района. Здесь сосредоточиваются главные силы, призванные обеспечить сооружение важнейших объектов Братского гидроузла — плотины и здания станции.

В течение многих часов машине придется кружить здесь. Слева и справа от дороги будут мелькать дома, только что собранные металлоконструкции, действующие и заканчивающиеся стройки промышленных объектов, горы леса, земли, металла. Не удивительно поэтому, что возвращаясь в Зеленый городок, оставив позади около ста километров. Примерно столько же покажет спидометр автомашины после посещения Анзебы, где сооружаются деревообрабатывающие предприятия стройки.

Если же проехать по всем участкам недавно сданной в эксплуатацию линии электропередачи Иркутск—Братск, то придется покрыть более шестисот километров. А в резерве останутся еще десятки объектов — шоссейные и железные дороги, проложенные сквозь тайгу; карьеры, открытые в лесной глухомани; автомобильные бечевники и котлован, сооруженные у скал, отвесно падающих в воду, только что проложенная трасса второй высоковольтной линии электропередачи Иркутск—Братск и многое другое.

В напряженном творческом труде утвердили люди свою власть над суровой сибирской природой. Их не остановили трудности и лишения необжитых мест, вековое бездорожье, трескучие морозы, гнус и мошкара. Как истинные богатыри, вошли они в нехоженую прибайкальскую тайгу и все нарастающими темпами теснят легендарную Ангару, штурмуют горы, топи и болота.

Сила этих людей — в ясном видении завтрашнего дня, в твердой вере в исполнимость грандиозных преобразований богатейшего сибирского края.

Вдохновенным трудом двадцатитысячной армии строителей обновляется Средняя Ангара. И обновляется не по дням, а по часам. Пройдет еще немного времени, и в этом далеком таежном краю возникнет новый экономический район Прибайкалья. Там, где сейчас дыбятся отвесные скалы Пурсей и Журавлиная грудь, реку перегородит пятикилометровая плотина крупнейшей в мире Братской ГЭС. В средней, бетонированной части ее расположится здание гидроузла и водосливные блоки. Здесь покоренная река будет отдавать свою исполинскую силу восемнадцати мощным турбинам, с шумом низвергаясь избытками воды с головокружительной высоты. Многочисленные линии электропередачи, которые к тому времени поднимутся над преображенной тайгой, понесут живительную энергию второй ангарской гидростанции, десяткам старых и новых заводов, фабрик, сел и городов Сибири.

Перед плотиной разольется настоящее пресноводное море, равного которому еще не создавал человек. Оно разольется чуть ли не до самого Иркутска и будет иметь в окружности около восьми тысяч километров. Высоко механизированные порты — Братск, Заярск и десятки других пристаней поменьше — смогут принимать большегрузные суда морского типа.

На берегах Братского моря, в непосредственной близости от гидроузла, раскинутся четыре города — Новый Братск, Пурсей, Падун и Правобережный. В них разместятся десятки новых предприятий, в том числе крупнейшие на востоке страны заводы строительных материалов, деревообрабатывающие комбинаты, ремонтно-механический завод, предприятия по производству картона, бумаги, спирта, древесно-волоконистых и древесно-стружечных плит. На базе ангаро-илимских железных руд и коксующихся углей, открытых в Прибайкалье, будут развиваться новые отрасли производства — черная и цветная металлургия, углехимия и электрохимия, машиностроение и станкостроение.

В новых городах, которые строятся на берегах Ангары и проектируются рядом с ними, будут жить сотни тысяч людей. Они поселятся в новых светлых двух- и трехэтажных каменных домах с центральным отоплением, электроплитами, ванными и душевыми. В их распоряжении будут десятки кинотеатров, стадионов, спортплощадок, клубов, библиотек, парков, купальных бассейнов, магазинов, ресторанов. Зелень и асфальт отлично дополняют архитектурные ансамбли.

Таковы перспективы величайших преобразований этого далекого таежного края. Заглядывая в завтрашний день, невольно вспоминаешь пророческие слова Алексея Максимовича Горького: «Поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создает укрощенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары».

...Наш катерок основательно задержался в пути, и когда мы подплывали к плотине Иркутской ГЭС, уже начало темнеть. Впереди под шапкой дыма мерцали первые одиночные огни большого города. Даже воздух — уплотненный и тяжелый — убедительно говорил о приближении к крупному экономическому центру. И вдруг наступающая ночь как бы испуганно отпрянула: прямо перед нами вспыхнуло море электрических огней, четко отраженных спокойной водой. Внешне они ничем не отличались от других, но мы знали, что они являются предметом особой гордости сибиряков: это сияли огни покоренных Байкала и Ангары. Легендарные исполины природы подчинились-таки человеку и начали верно ему служить.

Глядя на эти электрические огни, сибиряки от всей души радуются первой большой победе над водной стихией. Радуются и знают, что водная энергия приведет в действие новые станки и механизмы — целые фабрики и заводы, принесет свет и тепло в квартиры новых сел и городов Прибайкалья. А это значит, что еще ближе к осуществлению станут дерзновенные замыслы советских людей о сооружении целого каскада байкало-ангарских гидростанций, о покорении таких рек-великанов, как Енисей и Лена, о сказочном преобразовании всей Сибири — этой удивительно большой и удивительно богатой страны.

Будущее индустриальной Сибири настойчиво стучится в двери современности. В новом семилетии здесь задымят мартенами первенцы третьей металлургической базы страны — Тайшетский и Красноярский заводы, начнут плавку легких металлов алюминиевые комбинаты, встанут громады корпусов новых машиностроительных и станкостроительных предприятий. А неподалеку от них поднимутся крекинг-установки перерабатывающих заводов, связанных с Башкирией и Татарией сверхдальними магистральными нефтепроводами.

В районах залегания каменных углей появятся новые мощные разрезы, которые вместе с шахтами Дальнего Востока смогут к 1965 году дать 182—186 миллионов тонн угля — этого настоящего хлеба промышленности. Рядом с крупнейшими в мире Братской ГЭС и Красноярской ГЭС в предстоящем семилетии на базе дешевых сибирских углей будут созданы десятки крупных тепловых электростанций.

Еще более быстрыми темпами начнет развиваться лесная и деревообрабатывающая промышленность, промышленность строительных материалов и много других производств.

Огромные средства, вкладываемые в народное хозяйство Сибири, позволят полнее использовать имеющиеся здесь несметные богатства земли для подъема экономики всей нашей страны.

У подножия плотины Иркутского гидроузла, тоже ставшей теперь своеобразным берегом нового, только еще рождающегося залива «славного моря», мы распрощались с Байкалом — чудеснейшим водоемом земли, по праву названным учеными «бесценным даром природы».

Цена 2 р. 05 к .

Цена 2 р. 05 к.

